

Около 300 каррикатуръ.

ГДѢ МНОГОЕ, КАКЪ И У НАСЪ

СМѢШНО,

НО ВСЕМА МНОГОЕ

ПРЕКРАСНО.

для юношей и дѣвиць отъ 3 до 75 лѣтняго возраста.

Около 300 каррикатуръ.

ГДѢ МНОГОЕ, КАКЪ И У НАСЪ

 СМѢШНО,

НО ВЕСЬМА МНОГОЕ

 ПРЕКРАСНО.

для юношей и дѣвиць отъ 3 до 75 лѣтняго возраста.

Книги, изданныя редакціей журнала „САМОКАТЪ“.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ ВЪ РЕДАКЦИИ: Спб. Кронверкскій проспектъ № 75, (почти противъ Зоолог. Сада).

Продаются въ большинствѣ книжныхъ магазиновъ.

Бензиновые автомобили.

Въ чемъ именно дѣйствіе каждаго бензинового мотора и частей коляски. 65 рисунковъ, цѣна 80 к.

Въ книгѣ „Бензиновые автомобили“ очень понятно объяснена теорія устройства частей мотора: цилиндра, клапановъ, мѣховика, карбюратора, глушителя и пр., теорія вспышекъ при помощи накаливанія или электрической искры, устройство катушки, теорія ускоренія воспламененія, словомъ все, что въ бензиновыхъ моторахъ непонятно незнакому съ ними.

Затѣмъ также подробно и понятно объяснено устройство передачъ, перемены скоростей, торможенія, дифференціального движенія при поворотахъ и проч.

Все объяснено такъ постепенно, что эту книгу пойметъ каждый, хотя бы вовсе незнакомый съ техникой. (9 лот.).

Какъ устроенъ моторъ и какъ обращается съ нимъ.

Необходимыя объясненія и практическія указанія. 34 рисунка. Цѣна 50 коп.

Въ этой книгѣ обращено вниманіе главнымъ образомъ на устройство механизма самого двигателя мотора и она служитъ дополненіемъ предыдущей книги для тѣхъ, кто уже пользуется моторомъ практически.

Объ книги переведены А. К. 3—а съ французскаго (L. Baudry de Saunier) и редактированы Н. А. Орловскими. (5 лот.).

Рациональное устройство дорожнаго самоката (велосипеда).

Результаты, добытыя на конкурсѣ дорожныхъ самокатовъ во Франціи. Съ 35 рисунками. 75 коп.

Въ этой книгѣ очень подробно выяснено какія должны быть различныя части самоката для того, чтобы самокатъ былъ дѣйствительно практичной дорожной машиной. Подробно рассмотрѣнъ вопросъ о переменныхъ пере-

дачахъ, свободныхъ колесахъ, тормозахъ и пр. 36 рисункахъ иновѣйшихъ усовершенствованій съ подробными объясненіями дають ясное понятіе сравнительныхъ достоинствъ этихъ усовершенствованій.

Необычныя похожденія самокатчицка въ Странѣ Колеса,

гдѣ многое, какъ и у насъ смѣшно, но весьма многое прекрасно. Около 300 каррикатуръ. Ц. 1 р. 50 к

Что дѣлать самокатчицамъ,

чтобы заслужить всеобщія симпатіи. Ю. Миржилова Цѣна съ пересылкою 15 к.

Въ этой брошюрѣ разбирается вопросъ, какъ нужно поступать самокатчицамъ, чтобы публика увидѣла, что ѣзда на самокатахъ выгодна и полезна и какъ нужно организовать дѣло, чтобы при посредствѣ самоката принести возможно больше пользы согражданамъ.

Описаніе лучшихъ пневматическихъ велосипедныхъ шинъ.

Сост. Н. и П. Орловскими. 1 изд. (съ 80 рисунками) вмѣсто 20 к.—7 коп. съ пер., 2 изд. вмѣсто 25 к.—17 к. съ перес.

На конькахъ по льду.

съ приложеніемъ фигуръ, установленныхъ конгрессомъ 1 экз. 5 коп., 3 экз. 10 к., высылается 1 экз. за 7 к., 3 экз., за 14 к.

Годовые подписчики еженедѣльнаго журнала новѣйшихъ способовъ передвиженія и всѣхъ спортовъ „САМОКАТЪ“ выбираютъ въ видѣ бесплатной преміи книгъ на сумму 1 р. 50 к.

Книги, напечатанныя въ типографіи журнала „САМОКАТЪ“.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ ВЪ ТИПОГРАФИИ: Спб., Офицерская 6, (третій домъ отъ Вознесенскаго проспекта),

Какъ обучать молодыхъ солдатъ.

(Совѣты учителю-дядкѣ). Главныя качества дядки: 1) Спокойствіе. 2) Безпристрастіе. 3) Добросердечность. 4) Безкорыстность и 5) Наблюдательность, Собралъ В. Ирмайловичъ. При заказѣ 1 экземпляра цѣна 10 коп., 10 экземпляровъ—90 коп., 50 экземпляровъ 4 рубля.

Брошюра эта можетъ служить руководствомъ для всѣхъ: (пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи, инженерныхъ войскъ) вообще учителей молодыхъ солдатъ и ратниковъ государственнаго ополченія. Не лишнее прочитать брошюру и выпускаемъ юнкерамъ, которые являются новичками въ дѣлѣ обученія молодыхъ солдатъ. (2 лот.).

Героическія кровавыя страницы

Ахаль Текинской экспедиціи и осады Крѣпости Голубыхъ Горъ. (Геокъ-Тепе). М. Э. Никольскаго. Цѣна 25 к.

Эти изданія могутъ быть приобретаемы въ большинствѣ книжныхъ магазиновъ, а также и въ редакціи журнала «Самокатъ».

Пѣсни страсти востока.

Юмористика, сатиры. Стихов. М. Э. Никольскаго. Цѣна 60 к.

ГОГОЛЬ. Ночь передъ Рождествомъ.

Полкамъ дѣлаются нижеслѣдующія уступки. При заказѣ 1 экз. въ обложкѣ цѣна 8 коп., 10 экз. 70 коп., 50 экз. 3 руб., 100 экз. 5 руб. Тѣже книги, но въ прочномъ переплетѣ съ колленкоромъ въ корешкомъ: 1 экз. Ц. 12 к., 10 экз. 1 руб. 5 коп., 50 экз. 4 руб. 50 коп. 100 экз. 7 руб. 50 коп.

Пробные экземпляры высылаются: въ обложкѣ за 10 коп., въ переплетѣ за 14 коп.

Въ настоящемъ изданіи сдѣлано все, чтобы достигъ чрезвычайной дешевизны при хорошей бумагѣ, ясномъ и четкомъ шрифтѣ и чистой печати. Издатели надѣются, что это будетъ оценено по достоинству тѣми, кто нуждается въ хорошемъ, но дешевомъ изданіи твореній нашихъ великихъ писателей. (4 лот.—въ перепл. 7 лот.).

Прогулка трех самокатчиковъ.

— Да, приятели мои!— сказалъ Быстроѣзовъ, какъ только Перекувыркинь кончилъ говорить,—если бы я рассказалъ вамъ всѣ различные способы примѣненія самоката, вы бы удивились!

— Ба!— произнесъ Втулкинь.
— Правда?— спросилъ Перекувыркинь.
— Совершенная правда, ужъ я вамъ говорю.
Быстроѣзовъ, Перекувыркинь и Втулкинь— три друга, одинаково страстно любящіе самокатъ и собравшіеся на совместную прогулку.

Выѣхавъ утромъ праздничнаго дня изъ Петербурга отъ Московскихъ воротъ, они остановились позавтракать въ Павловскѣ.

Со стола только что убрано; дымящійся кофе разлитъ по чашкамъ и слѣдовательно наступилъ благопріятный моментъ для охотника, дѣлающаго поразительные выстрѣлы, рыболова, умѣющаго ловить гигантскихъ осетровъ и для самокатчика, испытавшаго удивительныя приключенія.

— Замѣчали ли вы,— снова заболталъ Быстроѣзовъ,— какъ питательный обѣдъ дѣлаетъ человѣка добрымъ, любезнымъ, общительнымъ и снисходительнымъ? Посмотрите на гостей, послѣ изобильнаго обѣда! Посмотрите какъ смягчаются ихъ взгляды, какъ они улыбаются, какъ раздуваются у нихъ ноздри, какъ они краснѣютъ! Лица всѣхъ выражаютъ полное блаженство.

— Особенно,— перебилъ Перекувыркинь,— если какой-нибудь пріятный собесѣдникъ расскажетъ что либо интересное.

— Это правда!— сказалъ Втулкинь, отпивая нѣсколько глотковъ кофе.—Веселое настроеніе способствуетъ хорошему пищеваренію.

— И такъ какъ мы неисправимые самокатчики, то слѣдуетъ говорить о нашемъ конѣ...

— Это необходимо развѣчетъ насъ, Быстроѣзовъ.
— Да, въ самомъ дѣлѣ,— добавилъ Перекувыркинь,— но ты сказалъ, что мы будемъ удивляться...

— О, конечно, будете! Особенно, если я опишу вамъ всѣ безконечныя услуги, которыя извлекаютъ изъ самоката въ различныхъ странахъ.

— Ты меня заинтриговалъ,— сказали Втулкинь.
— О! если рассказать вамъ, какъ въ этомъ дѣлѣ широко проявилась гениальность, какія созданы изобрѣтенія, какія примѣненія самокатнаго передвиженія—это просто сногшибательно!

— Въ какой же странѣ видѣлъ ты все это?— спросилъ Перекувыркинь.

— Терпѣніе! все узнаете.

— Но видѣлъ ли ты все это?— спросили оба слушателя разомъ.

— Какъ я уже имѣлъ честь вамъ говорить.

— Въ такомъ случаѣ, я не прочь послушать твои рассказы.

— И я тоже, — подтвердилъ другой.

— Къ вашимъ услугамъ, но ставлю одно условіе.

— А-а? Какое-же!

— Не перебивать.

— Ладно, говори до конца. Это правда, что хорошій обѣдъ способствуетъ снисходительности.

— Спасибо, засмѣялся рассказчикъ.

И онъ принялся рассказывать о своихъ приключеніяхъ.

Быстроѣзовъ излагаетъ свое мнѣніе о самокатномъ спортѣ.

Самокатъ, который въ прошломъ столѣтіи былъ въ употребленіи у миланцевъ, подъ названіемъ велосифера, употреблявшійся также щеголями въ началѣ только что истекшаго вѣка, ведетъ свое происхожденіе съ несравненно болѣе давнихъ временъ.

Я бы не удивился, если бы в один прекрасный день, какой-нибудь историк, говоря о Троянской войне, сказал, что сражение между Гектором и Ахиллесом происходило на самокатах. Или что Поймий спасался от Октавия не иначе, как верхом на одном из таких экипажей.

Однако, господа, не будем претендовать на роль историка.

Предоставим этим трудолюбивым и добросовестным искателям правды заботу об этом открытии и вернемся к самокатному спорту (Тут Быстрофедов откашлялся и продолжал).

— Я называю самокатное дело искусством.

Если можно называть глиническим искусством умение сидеть на вульгарном четвероногом, то тем более справедливо назвать искусством благородный способ ездить на этом великольном и ракетливом аппарате, именуемом «самокатом».

— Bravo, Быстрофедов! — одобрили слушатели.

— Ты говоришь не хуже Миннива и пожалуй даже лучше нашего пономаря, — добавил Втулкин.

— Искусство это, — продолжать рассказчик, отвечая на похвалы снисходительной улыбкой, — только еще нарождается в России. Вот доказательства! — послышался он прибавить, чтобы предупредить протесты, которых чуть не успели высказать.

Путешествие на „Непобдимом“.

Лет десять тому назад мне пришлось по семейным делам отправиться в Индию. В один прекрасный вечер я вступил на палубу парохода «Непобдимый». Первая часть пути прошла благополучно. Но когда мы стали выходить из Красного моря, по мере приближения к Индийскому океану, солнце точно померкло и, наконец, стало совсем темно. Море, до тех пор спокойное, как озеро, стало приходить в движение, точно слегка вздрагивать. Легкая зыбь скоро обратилась в волны, а затем в огромные валы и через несколько времени все сплошь представлялось чьим-то вродь водных гор. Они скакали одна через другую, смялись, боролись, стонали, ревели под порывами все увеличивавшегося ветра.

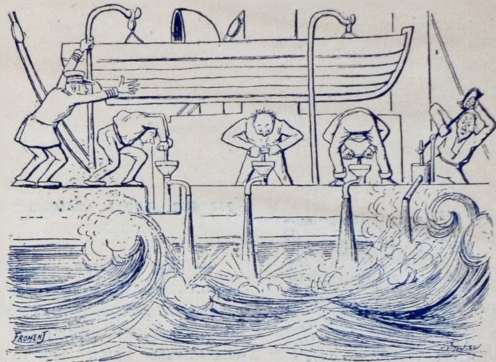
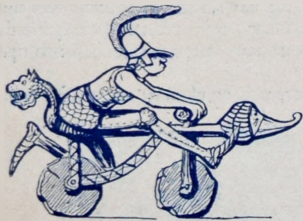
Наш, пассажиром «Непобдимого», иногда казалось, что нас подкидывает до облаков, а через минуту мы чувствовали, что погружаемся в бездонную пропасть.

Буря длилась целых сутки. Пароход сто раз при-

сковал затонуть. Но вот наступила тишина. Мы понемногу начали приходить в себя, приготавливаясь насладиться безмятежным спокойствием, как вдруг раздалась команда капитана: «все мужчины к помпам!»

Все мы, охваченные новым ужасом, бросились исполнять приказание капитана. И пора было! Вскру нам попадались потоки воды, в которых мы рисковали утонуть. Когда вода была удалена, капитан (и был ему предан его другом и потому он любил меня) подошел ко мне и ответил меня в сторону.

— Мой друг, — сказал он, — это еще далеко не все, пароход не может больше плыть по морю.

— Почему же, капитан?

— Машина сломана и самое судно почти разрушено.

— Чорт возьми! Но успеем ли мы хотя бы дойти до ближайшего порта?

— Невисливо. Войдите в мою каюту и вы увидите, каково наше положение.

Мы пошли и капитан, взяв в руки секстант, сказал:

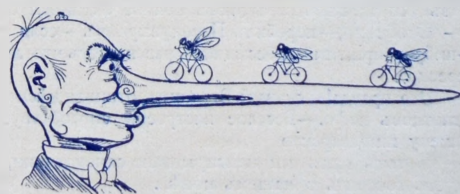
— Вот какое определение он нам даст: $60\frac{1}{2}^{\circ}$ южной долготы и $13^{\circ} 20$ минут восточной широты. А вот взгляните на эту морскую карту. Видите, вот здесь... между этими градусами.

— Но ведь кругом все море!

— Только и всего.

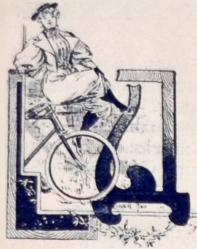
— Может быть какая-нибудь суда...

— Не рассчитывайте на это. Никогда пароход не заходил в эти воды, где мы теперь находимся. Мы попали сюда только благодаря печальному стечению обстоятельств; ничего подобного я не испытывал во все тридцать лет, что я плаваю. Машина, несмотря на свою прочность, сломалась в начал буря, да еще такой про-

должительной, а теперь ни разу не перевернулась, с тех пор, как началась ураган.

— Но что же намъ дѣлать?—уныло спросилъ я.
— Надо покориться, мой другъ. Вотъ наступитъ ночь, а завтра я прикажу приготовить лодки и... все на волю судьбы.

Однако, какой намъ судьба-злѣдѣйка натянула длинный носъ вмѣсто Идиліи, подумалъ я.

Опасность обнаруживаетъ характеръ человека.

ВЕРЬ въ каюту была отворена, во все время нашего разговора.

Можетъ быть пассажиры услышали, а можетъ быть и просто догадались о томъ, что намъ грозитъ неминуемая опасность, но когда мы вышли, они все смотрѣли на насъ съ сокрушеннымъ сердцемъ.

За обѣдомъ никто ничего не ѣлъ. Вечеромъ произошла тревога: матросъ внезапно поднялся изъ трюма, съ криками, что тамъ все залито водою. Это была правда.

Капитанъ счелъ долгомъ выяснитъ положеніе, успокоивъ тѣмъ, что додокъ достаточно для спасенія всѣхъ. Ему повѣрили болѣе или менѣе, но вечеръ былъ омраченъ.

Кто-то изъ пассажировъ задралъ на роулѣ, но его почти не слушали. Актриса, получившая ангажементъ въ Бомбей въ оперетку, тщетно старалась насъ развлечь: и въ этомъ чувствовалось что-то неестественное.

Старичекъ, высказывавшій раньше мнѣнія атеистическаго свойства, теперь поднималъ испуганные взоры на небо; другой, помоложе, прозванный «это и мое мнѣніе», потому что этими словами онъ подтверждалъ все, что говорилъ старичекъ, теперь не могъ объяснить себѣ, почему на пароходѣ не было никого изъ духовенства.

Другой пассажиръ утѣшалъ и уговаривалъ свою молодую жену и вдругъ самъ разразился рыданиями.

Стоявшій на мосту уроженецъ Украйны, безпечно относившійся ко всему или не знавшій объ опасности воскликнулъ:

— Однако, веселья пемного! Спящать чтолъ трепака! Его заставили молчать.

— Какъ! Нельзя и посмѣяться, потому что мы скоро будемъ предоставлены на съѣденіе акуламъ?

— Молчите!— заревѣлъ тоаствакъ, — возмущенный этой шуткой.

— Да! Мы скоро обратимся въ заливное для акулъ—проговорилъ хладнокровный хоходъ, предусмотрительно отступая.

Ночь была ужасна. Отовсюду доносились стоны, крики, потомъ

все утихало и слышался только мрачный, какъ похоронный звонъ шлескъ воды.

Я сидѣлъ въ каютѣ капитана съ нимъ и съ его помощникомъ. Мы курили и пили водку мерзавчиками и коньякъ стакаичками въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

Никогда не надо отчаиваться.

Около двухъ часовъ ночи поднялся легкій вѣтерокъ и повернулъ насъ болѣе и болѣе на западъ. Въ 5 час. при первыхъ лучахъ свѣта, марсовый часовой крикнулъ: земля!

Однимъ прыжкомъ капитанъ очутился на мостикѣ. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ матросу:

— Ты съума сошелъ, любезный!

— Смотрите, капитанъ, туда, на право.

— Это невозможно, говорю тебѣ!

— Все-таки, капитанъ. Нѣтъ!.. не тутъ. Тамъ, направо, въ

двухъ миляхъ приблизительно.

Вооружившись трубой, капитанъ, на всякій случай сталъ вглядываться въ горизонтъ.

— А что, вѣдь и правда!—воскликнулъ онъ,—дѣйствительно земля. Онъ побѣждалъ въ свою каюту, взялся за секстантъ, и сталъ отыскивать найденную по вычисленіямъ точку на картѣ.

— Тысяча выстрѣловъ! Какимъ образомъ на картѣ отсутствуетъ эта земля? Я ничего въ этомъ не понимаю, знаете-ли вы, обратился онъ ко мнѣ,— т. е. ровно ничего!

Въ свою очередь и я замѣтилъ вдали, въ туманѣ, едва замѣтную черную точку.

Капитанъ тотчасъ-же отдалъ приказанія. Пассажиры, не смотря на ранній часъ, собрались на мосту и тоже смотрѣли хотя и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

Когда туманъ мало-по-малу разошелся, очень ясно обрисовался островъ, съ остроконечными, очень высокими утесами, которые казались законченной работой каменщиковъ. Въ одномъ мѣстѣ поднималась высокая гора; каменные утѣры ея выходили въ море и изъ нихъ составила прекрасная гавань.

— Это наше счастье—сказалъ капитанъ, разсматривая убѣжище,—иначе на островъ нельзя было-бы проникнуть, по крайней мѣрѣ съ этой стороны.

У него ногой нравъ.

А мостикъ слышались радостные возгласы. Веселье стало возвращаться, при увѣренности что можно попить погами подножный кормъ для скотины». Актриса начала пѣвать какую-то арию, а молодой мужъ говорилъ своей женѣ что-то такое, что заставляло ее смѣяться. Старичекъ съ опредѣленными мнѣніями равнодушно и философски относился къ подобнымъ радостнымъ излияніямъ, а господинъ — «это и мое мнѣніе», улыбался, какъ-бы говоря: «Ну, и характеръ-же у нихъ!»

Пассажиръ, которому докучалъ хохолъ, помирился съ нимъ и, похлопывая его по плечу, говорилъ: «Ну, что, старина! не сегодня еще насъ съѣдятъ акулы!»

— Нѣтъ,—отвѣтилъ хохолъ,—по за то дикари насъ будутъ жарить на вертелѣ.—Всѣ походѣли и разошлись на балагура.

У поворота въ заливъ судно стало. На море спустили шлюпку и положили въ нее патроны, три ружья, три огромныхъ кортика и съѣстные припасы. Капитанъ сдѣлалъ распоряженія своему помощнику и сѣлъ въ шлюпку съ однимъ матросомъ. Я выразилъ желаніе ему соупростовать. Онъ былъ очень радъ этому и я занялъ мѣсто на кормѣ лодки.

На пути къ новой землѣ.

Мы вышли на берегъ у самой подошвы горы. Нижняя острая часть ея поднималась на очень большую высоту. Выемки, выдолбленныя водою, вѣзъвались въ ея бока и все вмѣстѣ представлялось чѣмъ-то недоступнымъ.

— «Чортъ возьми!»—сказалъ капитанъ,—никогда еще не видѣлъ я крѣпости съ такими ужасными укрѣпленіями.

— Минѣ кажется, что мы просто попали на скалистый островъ,—возразилъ я.

— Не думаю. Скалы рѣдко бываютъ такой вышины.

— Вы значитъ предполагаете, что съ той стороны есть земля?

— Это видно по всему. Прежде всего, эта трава, потомъ невозможность допустить существованіе горы заброшенной среди открытаго моря.

— Но какъ мы можемъ убѣдиться?—спросилъ я.
— Это будетъ нелезко,—отвѣтилъ капитанъ.

Нотутъ прибрѣжалъ матросъ, ухвалившій одинъ впередъ, и объявилъ, что онъ нашелъ дорогу. Онъ повелъ насъ къ открытому мѣсту, гдѣ мы, къ великому изумленію, увидѣли заново высѣченную въ скалѣ лѣстницу. Ступени находились на разстояніи 20 сантиметровъ одна отъ другой и сбоку каждой изъ нихъ были желѣзныя стержни, вбитыя въ скалу, служащія перилами. Онъ шлп въверхъ по горѣ, казалось, безъ конца.

Намъ не было иного выбора и въ надеждѣ, что лѣстница приведетъ насъ къ шѣли, мы рѣшились идти по этому пути, чтобы закончить нашу экскурсію.

Привязавъ къ поясу ножи и повѣсивъ ружья черезъ плечо, мы съ капитаномъ взяли патроны и начали подниматься, вооружившись на всякій случай морскимъ биноклемъ, который могъ намъ быть полезнымъ.

Матросу было приказано насъ ждать.

Восхожденіе на гору.

Прежде всего это было очень трудно. Ружья насъ очень стѣсняли. На каждой ступенькѣ мы должны были шѣпляться за желѣзные стержни, чтобы не упасть въ пропасть. Случалось, что ноги скользили по ступенькамъ и мы нѣсколько секундъ висѣли на рукахъ. Это становилось утомительно. Когда мы приподнимали головы, то видѣли только эти желѣзныя острія. Однако, не теряя мужества, мы поднимались, не произнося ни слова, надѣясь, съ каждой новой ступенькой, наконецъ, придти къ цѣли. Мы должны были подняться на высоту 400 метровъ и чувствовали, что наши силы ослабѣваютъ. Наконецъ, мы счастливо достигли цѣли.

Въ траншею и что оказалось по выходу из нея.

ТДОХНУВЪ съ полчаса, мы продолжали путь. Послѣ тщательнаго осмотра, мы убѣдились, что лѣстницы больше нѣтъ. Передъ нами открывалась единственная дорога по лѣвую сторону равнины, нѣчто вродѣ расщелины, сдѣланной гигантскимъ топоромъ.

Она была настолько узка, что въ ней нельзя было идти двоимъ рядомъ. Первымъ пошелъ капитанъ, а я послѣдовалъ за нимъ. Мы осторожно подвигались, всматриваясь вдаль и оглядывая бока щели. Тропинка шла,

поднимаясь на длину тысячи метровъ; затѣмъ она спустилась, образуя уступы на неопредѣленномъ пространствѣ и, какъ намъ казалось, шла вокругъ всей горы.

Стѣны этой траншеи были необыкновенно высоки. На самомъ верху небо казалось намъ огромной голубой змѣей. Внизу было темно, и мы спускались въ этотъ мракъ съ трепогой въ душѣ, подъ впечатлѣніемъ царившей тамъ вѣковой тишины. Мы задышали. Лицо капитана пыдало. Уже въ продолженіе четырехъ часовъ шли мы въ глубинѣ этой трещины, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, на поворотѣ, почти подъ

прямымъ угломъ, мы остановились отъ ослѣпительнаго свѣта. Съ четверть часа мы не могли придти въ себя и когда наши глаза смогли дать себѣ отчетъ о томъ, гдѣ мы находились, то мы не могли издать ни одного звука.

— Что-же это было?—спросилъ живо заинтересованный Перекувыркинъ.

— Это было самое неожиданное зрѣлище,—отвѣтилъ Бистрофздовъ,— самое паразитальное, какое только могла себѣ представить два человѣка, какъ мы, пройдя съ десятокъ километровъ по галереѣ.

Мы очутились на чемъ-то вродѣ террасы. Передъ нами видѣлась громадная равнина, прорѣзанная тысячами широкихъ, просторныхъ дорогъ, которая пролетали то перпендикулярно, то параллельно, скрещиваясь, расходясь, перпендикулярно во всѣ стороны. Рощи и лѣса, разбросанные тамъ и сямъ, пріятно оживляли однообразие этой равнины. Повсюду протекали ручейки, искрсясь на солнцѣ, точно потоки изъ стекла.

На этихъ дорогахъ кишмя кишѣли черныя точки, а справа, позади ряда деревьевъ, мы увидѣли городъ, тянувшійся въ дали.

Капитанъ съ минуту осматривалъ весь пейзажъ чрезъ трубку и вдругъ задрожалъ.

— Что съ вами?—спросилъ я.

— И самъ не знаю, я кажется схожу съ ума. Смотрите вонъ туда, Бистрофздовъ, эти муравьи на дорогѣ!

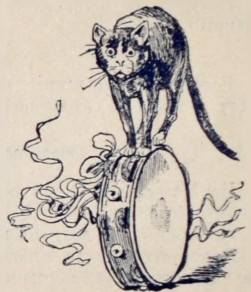
— Небо!—воскликнулъ я.—Это самокаты!

— А-а! Благодарю васъ,—сказалъ капитанъ.— Значить, я еще не совсемъ рехнулся...

Обернувшись къ нему, я замѣтилъ, что на камнѣ, къ которому онъ прислонился, была наполовину стертая надпись: Е... на 18...

— Вы прочли это?—спросилъ я, указывая ему на надпись.

— Да, да! Значить и до насъ тутъ кто-то былъ.

Возвращеніе на корабль.

Вдругъ капитанъ что-то вспомнилъ.

— Да, да, теперь я все понялъ!—воскликнулъ онъ, обнимая меня.—Это Эдинбургъ (Edinburne) сюда приходилъ и мы.... Нѣтъ, я не скажу вамъ. Возвратимся скорѣе къ нашимъ товарищамъ и тогда я все открою въ своей каютѣ. Ахъ, мой другъ! Какое счастье! Мы спасены.

Прежде чѣмъ я опомнился, онъ схватилъ меня подъ руку и силой потащилъ обратно по той же дорогѣ, по которой мы пришли.

— Скорѣе, скорѣе,—радостно говорилъ онъ.—Намъ едва хватить времени придти до наступленія ночи.

Когда мы вышли къ берегу, съ корабля раздались радостные клики.

Спускъ прошелъ благополучно. Внизу бравый матросъ отъ скуки жевалъ табакъ, ожидая насъ. Его добродушное лицо просіяло при видѣ насъ здоровыми и веселыми. Глаза его сторали желаніемъ все у насъ выпытать. Нѣсколько минутъ спустя, мы были на кораблѣ, среди пассажировъ, которые засыпали насъ вопросами.

КАПИТАНЪ, не теряя времени, увлекъ меня въ свою каюту. Изъ кипы бумагъ онъ вытащилъ недавно полученное письмо и газету.

— Прочтите сначала это, затѣмъ пробѣгите эту статейку и вы увидите, что я имѣлъ право радоваться и желать подѣлиться съ вами этой радостью.

Вотъ что тамъ было написано:

Любезный другъ!

Письмо это застанетъ тебя въ Суэцѣ, куда твой корабль держитъ путь. Не могу удержаться отъ желанія сообщить тебѣ первому о только что сдѣланномъ капитаномъ Эдинбургомъ открытiи чудеснаго острова, лежащаго между 13 и 14° восточной долготы и.... Но затѣмъ же мнѣ говорить объ этомъ, когда подъ рукою есть газета, въ которой гораздо лучше описывается это поразительное открытiе?

Посылаю тебѣ при семъ эту замѣтку. Остаюсь преданный тебѣ

Поморскiй.

Едва окончивъ чтенiе письма, я набросился на газету и прочелъ слѣдующее:

Страннов открытiе.

Извѣстный англiйскiй изслѣдователь Эдинбургъ только что открылъ большой островъ, лежащiй между 13 и 14° восточной долготы и 60 и 61° южной широты. Какъ утверждаетъ изслѣдователь, на этомъ островѣ необыкновеннымъ образомъ процвѣтаетъ самокатное

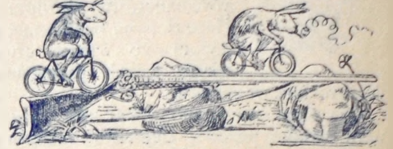
дѣло. Нѣтъ такой минуты въ жизни, когда бы не принимался самокатъ и это потому, что обитателямъ острова трудно ходить пѣшкомъ. Эта трудность, въ связи съ полнымъ отсутствiемъ на островѣ лошадиной породы или рогатаго скота, заставила мѣстныхъ жителей изобрѣсти особые экипажи.

Зато имъ удалось достигнуть въ этомъ направленiи необыкновенныхъ успѣховъ.

Но что еще поразительнѣе, говоритъ Эдинбургъ, что животный мiръ также пользуется самокатомъ для сво-

ихъ передвиженiй и даже я замѣчалъ среди растенiй стремленiе подражать въ формѣ листьевъ всему, чего людямъ удалось добиться въ этой промышленности.

Такимъ образомъ я задаю себѣ вопросъ, не передала ли самый островъ своимъ обитателямъ способность к кругоманiи (циклопани), составляющей какъ-бы основу всего и даже форму самого острова.

Островъ этотъ называется «Колесiana». Колесiанцы называются также колесоногими, а столица ихъ Колесоградъ.

Жители этой страны очень одобрили права, вѣжливы, любезны и гостепрiимны.

— А? Ну, что скажете?—спросилъ капитанъ.

— Какъ хорошо, что была буря!—отвѣтилъ я. — Особенно, если вы любитель самоката.

— Большой!

— Тѣмъ лучше. Вы сможете вполне насладиться, такъ какъ намъ придется прождать нѣсколько дней, прежде чѣмъ корабль будетъ въ состоянiи плыть дальше.

Я рѣшилъ отправиться на поски, лишь только разсвѣтетъ.

Въ поискахъ входа.

Не откладывая дѣла въ долгiй ящикъ, я посвятилъ капитана въ мои планы и онъ вполне ихъ одобрилъ, выразивъ желанiе отдать въ мое распоряженiе одного изъ своихъ людей. Я поблагодарилъ его, замѣтивъ, что пока нуждаю только въ лодкѣ, и если можно, прошу ее одолжить мнѣ. Разумѣется, капитанъ поспѣшилъ исполнить мою просьбу.

Вмѣсто того, чтобы направить лодку туда, гдѣ мы высадились на островъ наканунѣ, я уклонился влѣво по направленiю къ утесамъ, въ надеждѣ найти узкiй горный проходъ, видимый только на очень близкомъ разстоянiи. Я плылъ медленно, приближаясь къ берегамъ еще болѣе извилистымъ, чѣмъ замѣченные раньше.

Безполезный трудъ: утесы возвышались сплошной стѣной и казалось, что имъ никогда не будетъ конца. Я ужъ было отказался отъ своего предположенiя, отчаявшись въ своей неудачѣ какъ вдругъ замѣтилъ солнечный лучъ, проходящiй черезъ расщелину скалы. Изслѣдуя внимательно причину этого явленiя, я къ своему величайшему удовольствию замѣтилъ огромную перпендикулярную плиту, влѣзающую въ скалахъ. Приложивъ глазъ къ одной изъ скважинъ въ плитѣ, я увидѣлъ очень широкую дорогу, ведущую въ глубь страны.

Повидному я находился передъ воротами.

Я рѣшилъ было вернуться на судно, чтобы тамъ застѣсти какимъ-либо орудiемъ, какъ вдругъ дверь сама медленно опустилась и пропущена мозаюу дѣвущку, свѣдую, розовую, катившую на моноциклѣ.

Неожиданная прогулка к Колесограду.

Я смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ... Она была прелестна въ своемъ черномъ корсажѣ, вышитомъ серебряными самокатиками...

Она очень изумилась при видѣ меня и быстро прикоснулась рукой къ какой-то пуговкѣ на своемъ самокатѣ; машина отъ этого прикосновенія сразу повернулась назадъ, унося шиклистку съ головокружительной быстротой. Придя въ себя отъ изумленія, вызваннаго этимъ граціознымъ видѣніемъ, я бросился по ея слѣдамъ.

При выходѣ изъ скалистого ущелья находилась дорога, удивительно выровненная. Налѣво она раздвигалась въ видѣ широкой вѣтви: я пошелъ въ этомъ направленіи, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ на меня набросили покрывало. Это произошло такъ быстро, что я не имѣлъ возможности сообразить, что со мною дѣлаютъ. Я чувствовалъ, что меня завернули въ покрывало, схватили и, какъ мнѣ казалось, увлекли съ невѣроятной быстротой. Это продолжалось по крайней мѣрѣ часть. Затѣмъ послышались крики, мы остановились и меня освободили. Почувствовавъ себя на свободѣ, я оглянулся и замѣтилъ, что нахожусь въ огромномъ задѣ передъ толпой людей, которые дружелюбно меня разглядывали.

— Чудеса, да и только! — прервалъ Втулкинъ, закуривъ вторую сигару.

— Ну и что-жъ дальше? — спросилъ Черекувиркинъ.

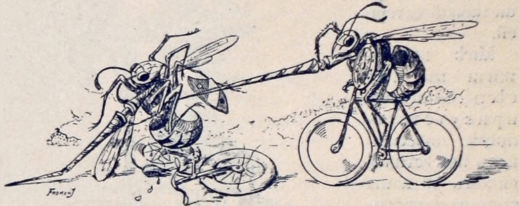
Видя, что я ничего не понимаю на ихъ языкѣ, — продолжалъ Быстроходовъ, — они стали объясняться жестами. Я догадался, что меня просили ничего не бояться, такъ какъ мнѣ не собирилась причинить никакого зла. Въ ихъ разговорѣ часто повторялось одно имя; я понялъ, что они называли Эдинбурна. Тогда мнѣ пришло на мысль, не говорятъ ли они по-английски. Первая же слова, сказанная мною общій восторгъ, который, впрочемъ, быстро стихъ,

уступивъ мѣсто нѣкоторой робости. Видя, что мы можемъ понимать другъ друга, они прежде всего извинились, что привезли меня въ свой городъ не совсемъ обыкновеннымъ способомъ.

Прежде чѣмъ разспрашивать меня объ Англии, они спросили, не знаю ли я Эдинбурна. Я имъ отвѣтилъ, что слышалъ о немъ, но лично онъ мнѣ не извѣстенъ и при этомъ пояснилъ, что я русскій, а не англичанинъ.

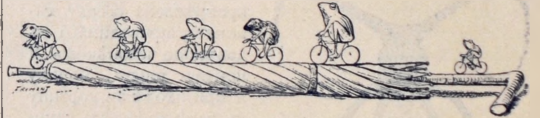
Ихъ лица прояснились. Заинтересованный этимъ, я спросилъ, почему имя англичанина заставило ихъ такъ испугаться. Тогда тотъ изъ нихъ, который, какъ мнѣ казалось, былъ начальникомъ, отвѣтилъ, что Эдинбурнъ желая ихъ окончательно цивилизовать, обѣщалъ вернуться съ большимъ количествомъ кораблей, пушекъ, книгъ, называемыхъ библей и наконецъ, съ большимъ запасомъ другого добра, которое онъ называлъ джи-

номъ и опіумомъ. Хотя манеры этого путешественника отличались изяществомъ и добродушіемъ, продолжалъ колесіанецъ, тѣмъ не менѣе его слишкомъ благія намеренія не располагали къ изыскавшейся доверчивости. Затѣмъ, перебивъ разговоръ, онъ справился, какимъ образомъ я прибылъ на островъ. Я объяснилъ ему, что приплылъ на кораблѣ.

Далѣе онъ поинтересовался узнать, что за страна Россія. Какой-то колесіанецъ, извинившись, прервалъ его и замѣтилъ, что это-то, вѣроятно, и есть страна, о которой Эдинбурнъ говорилъ такъ много дурного.

При этомъ неожиданномъ замѣчаніи, лица присутствующихъ снова просіяли.

Старый колесіанецъ продолжалъ: «я очень радъ, что мнѣ напомнили объ обстоятельстве, которое, признаться я успѣлъ позабыть. Это только убѣждаетъ меня, что между вами и англичанами нѣтъ солидарности и я благословляю случайность, забросившую васъ на наши берега. Будьте же у насъ дорогими гостемъ и повѣрьте, что я съ удовольствіемъ познакомлюсь съ вашими земляками».

— Даже послѣ тѣхъ дурныхъ отзывовъ, которые далъ о насъ Эдинбурнъ?

— Эдинбурнъ не Богъ и могъ ошибиться. Мы вообще любимъ основывать свои заключенія не на чужихъ замѣчаніяхъ, а на собственныхъ наблюденіяхъ.

Первый вывозъ на самокатъ—
кресль.

ДИВИВШИСЬ мудрости этого отвѣта, я прибавилъ, что завтра съ его позволенія мы явнѣмся выразить свою живѣйшую признательность. Изъявивъ свое полное согласіе, онъ сказалъ, что не смѣетъ меня больше задерживать и прибавилъ, что меня доставятъ на самокатѣ къ тому самому мѣсту, гдѣ я была схвачена.

Одинъ изъ присутствующихъ отдалъ приказаніе, другою нажалъ какой-то механизмъ: двухстворчатая дверь раскрылась и ко мнѣ подкатила корзина, отдѣланная внутри шелковой матеріей.

Мнѣ предложили въ нее сѣсть, одинъ изъ присутствующихъ колесіанцевъ помѣстился рядомъ и наша корзина направилась къ выходу, а оттуда по очень отлогому скату мы скатились на улицу. Тамъ насъ ожидала густая толпа любопытныхъ. Увидѣвъ меня, они стали аплодировать и предупредительно разступились передъ моимъ чичероне.

— Какимъ же образомъ корзина двигалась сама собой?—спросилъ Втулкинъ.

— Я нашелъ объясненіе этого явленія, взглянувъ внизъ подъ корзинку. Оказалось, что она была прикрѣплена сверху самоката, приводимаго въ движеніе человѣкомъ. Я понялъ теперь, почему я при входѣ въ корзинку въ залъ не видѣлъ самоката: полъ былъ двухъярусный. По первому катился самокатъ, по второму скользила корзинка, въ желобкѣ, сдѣланномъ для прохода стержня, поддерживавшаго ее.

Я поздравилъ сопровождавшаго меня колесіанца съ такимъ остроумнымъ экипажемъ.

— Надѣюсь, что мы еще увидимся,—сказалъ онъ, и если вы къ тому же собераетесь отдохнуть нѣкоторое время въ нашей странѣ, я буду очень радъ ви-

дѣть насъ своимъ гостемъ. Тогда я вамъ покажу такіе аппараты передвиженія, передъ которыми тотъ, на которомъ мы ѣдемъ, не болѣе, какъ дѣтская игрушка.

Меня очень тронуло это приглашеніе и я отвѣтилъ, что починаю судна, вѣроятно, дасть мнѣ возможность воспользоваться его любезностью.

Это его очень обрадовало. Пораженный уимомъ и обходительностью почтеннаго колесіанца, моего собесѣдника, я спросилъ какое его общественное положеніе.

Чиновникъ особыхъ порученій,— отвѣтилъ мой спутникъ, и если я вернусь въ Колесоградъ, то мнѣ стоить только его высказать, и онъ сочтетъ своимъ долгомъ проводить меня въ его домъ.

Достигнувъ того мѣста, гдѣ я была схвачена утромъ, онъ остановился, не желая изъ скромности сопровождать меня далѣе.

Выразивъ свою сердечную благодарность, я вышелъ изъ корзины и расстался со своимъ спутникомъ, напоминая еще разъ, что непременно воспользуюсь его приглашеніемъ.

Вернувшись къ скаламъ, я нашелъ дверь открытой. Мой рассказъ о необыкновенныхъ приключеніяхъ и о желаніи колесіанцевъ видѣть насъ гостями, привелъ въ восторгъ капитана.

Орнстръ колеса.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ я отправился въ Колесоградъ въ сопровожденіи капитана и всего судового начальства. Насъ ждалъ восторженный приемъ. Какъ только мы вошли въ домъ—появился хоръ трубачей, привѣтствовать гостей.

Хоръ состоялъ изъ нѣсколькихъ музыкантовъ, помѣщавшихся необыкновеннымъ образомъ на большомъ самокатѣ-паукѣ.

Спереди и сзади этого страннаго экипажа находились сидѣнія, на которыхъ расположились музыканты; въ срединѣ же была цѣлая пирамида изъ трубачей, игравшихъ изо всей мочи на своихъ странныхъ и необыкновенно звучныхъ инструментахъ. Нѣкоторые исполняли solo чуть не на спицахъ своего сердца...

Колесіанецъ, проводившій меня наканунѣ, сейчасъ же узналъ и подошелъ ко мнѣ. Любезно осведомившись о здоровьи и о томъ, какъ я проведу эту ночь, онъ пригласилъ меня къ себѣ въ гости.

ДВА я выразил свое опасение относительно возможности отплатить без меня нашего корабля, как капитанъ въ свою очередь сталъ убѣждать меня воспользоваться этимъ приглашеніемъ и обѣщаль предупредить меня, если я останусь на островѣ, о днѣ отплаты судна

Какъ только оркестръ окончилъ свой номеръ, раз-

этихъ грандіозныхъ группъ на самокатахъ долженъ представлять эффектное зрѣлище.

— О, это просто не поддается описанію!—отвѣтилъ восторженно колесанецъ.

Оживленно болтая, мы вышли на улицу и тутъ я былъ пріятно изумленъ вѣжливостію извозчиковъ, предлагавшихъ свои самокаты—трехколески. Воображаю, что сказалъ бы мой спутникъ, если бы ему пришлось имѣть дѣло съ толпой нашихъ питерскихъ ванекъ! Мы успѣли въ наиболѣе удобный экипажъ и быстро покатали.

На одной площади мое вниманіе привлекъ огромный и очень оригинальный памятникъ. Боюсь, впрочемъ, что навазгядь европейцевъ онъ показался бы карикатурнымъ. Какъ объяснилъ мнѣ спутникъ, это былъ памятникъ изобрѣтателю колеса, имя котораго, къ сожалѣнію, потомство не сохранило. «Весь міръ», стоя на наковальнѣ, вѣнчалъ голову изобрѣтателя лавровымъ вѣнкомъ, наиболѣе достойнымъ служить наградою изобрѣтателю колеса.

— Дѣйствительно,—сказалъ я своему спутнику, вѣдь лавровый вѣнокъ, какъ, впрочемъ, и всякій вѣнокъ прежде всего круглъ и это было первымъ, чему люди стали придавать круглую форму.

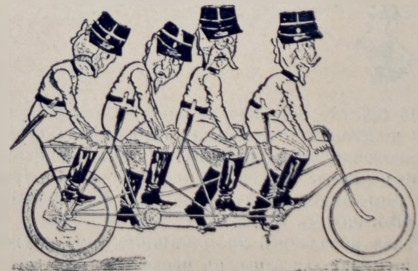
— Да, да,—согласился мой спутникъ, потому именно изобрѣтателя колеса и вѣнчаютъ предкомъ колеса—вѣнкомъ.

У ногъ изобрѣтателя расположился мальчуганъ съ мельницей для кофе,—безъ сомнѣнія это одинъ изъ его послѣдователей, будущій изобрѣтатель безцѣпныхъ самокатовъ.

Монументъ со всѣхъ сторонъ былъ украшенъ педалями и прочими снадобьями нашего спорта.

Не успѣвъ я рассмотреть подробно фигуру изобрѣтателя колеса, схваченнаго скульпторомъ въ счастливый моментъ великаго открытія, какъ вдругъ изъ глубины улицы раздались тревожные свистки и мимо насъ промчался квадруплетъ полисменовъ, узнавшихъ сразу во мнѣ иностранца и окинувшихъ насъ весьма подозрительнымъ, испытующимъ взглядомъ, что, какъ я замѣтилъ, составляетъ отличительную черту блюстителей порядка всѣхъ странъ и народовъ. Я инстинктивно схватился рукою за боковой карманъ, гдѣ у меня всегда хранится паспортная книжка

но квадруплетъ былъ уже далеко.

дались оглушительныя рукоплесканія.

— Вотъ если бы вы послушали нѣсколько такихъ оркестровъ нашего оркестра колеса!—замѣтилъ мой спутникъ.

Я не замедлилъ разсыпаться въ похвалахъ ихъ игрѣ.

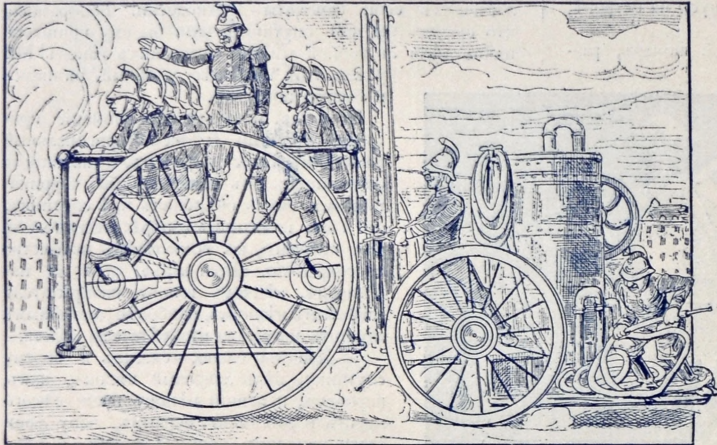
— Какъ жаль,—продолжалъ онъ,—что наши музыканты сегодня утромъ приглашены на музыкальный конкурсъ, не будь этого, вы могли бы прослушать нѣсколько сотенъ такихъ же искусныхъ исполнителей.

Признаюсь, меня бросило въ жаръ отъ этого замѣчанія—несмотря на крѣпкіе нервы и привычку къ нашимъ великопостнымъ концертантамъ, я едва ли выдержалъ бы такую пытку.

— Очень, очень сожалѣю, несомнѣнно, одинъ видъ

Пожарно-самокатная команда.

— Это пожарно-самокатная команда, — воскликнул мой спутник. — Наверное где-нибудь пожар. Полицейные, которых мы только что видели, без сомнения тоже туда помчались.

Действительно, мимо нас быстрым ходом промелькнуло что-то вроде пожарного насоса. Он был на четырех колесах, приводимых в движение десятью пожарными. Впереди находилась платформа, на которой стоял брантмейстер и величественным мановением руки указывал направление машин. Пожарный, помпшавший по средине у небольшого штурвала, работал не хуже рулевого финляндского обще-

ства легкого пароходства. Его товарищ на задней площадке разматывал на ходу резиновый рукав.

Наш извозчик тронулся дальше, как только скрылась пожарная команда. Некоторое время мы фхали в том же направлении, куда помчались пожарные, затем свернули влево.

Меня приятно поразило в этой незнакомой стране обилие кокетливых особняков по обшивке сторонам необыкновенно чистых улиц. Передь всеми домами, в один этаж красовались нарисадники съ тропическими растениями, всюду возвышались бельедеры съ красивым видомъ вдали.

Ирѣдка попадались многоэтажные дома, служившіе исключительно для запасовъ прованта.

Как иногда ничтожное обстоятельство наводит на серьезный разговор.

Когда мы проѣзжали мимо некоторых особенно красивых домов, мой спутник говорил: это домъ Восмидѣтсва, это Десятидѣтсва, и видя мое изумленіе, объ-

яснил, что почести, благосостояніе, богатство и роскошь неразрывно связаны съ семейным положениемъ гражданъ. Онъ говорил, что холостяки занимаютъ у нихъ самое низкое общественное положение, что ни одинъ колесанецъ не получаетъ полныхъ правъ гражданства до тѣхъ поръ, пока не станетъ четверодѣтнымъ, т. е., отцомъ четырехъ дѣтей. Достатокъ начинается только съ третьимъ ребенкомъ, богатство съ восьмымъ, а роскошь съ двѣнадцатымъ.

— У васъ существуетъ на этотъ счетъ какой-либо законъ? — спросилъ я не безъ изумленія.

— Разумѣется, — отвѣтилъ онъ, — и этотъ законъ... онъ прервалъ свои объясненія, чтобы указать мнѣ цѣлое гнѣздышко розовыхъ, какъ амурь, дѣтишекъ, которыхъ вывезла на прогулку хорошо унитанная няня.

— Смотрите, вотъ дѣткоциклы! Это семья Адама Десятидѣтсва, моего банкаго друга, живущаго въ настоящее время въ деревнѣ, куда мы поѣдемъ, если вы этого пожелаете.

— Вы его назвали Десятидѣтсвымъ, т. е. отецъ девяти дѣтей, но я вижу здѣсь только шесть, — замѣтилъ я, поблагодаривъ за приглашеніе посѣтить его друга.

— Это такъ, но дѣло въ томъ, что у него есть сынъ, котораго вы здѣсь не видите, и

свои необыкновенныя способности считаются за трехъ.

— Какъ,—вскричалъ я, глядя на поминутно двигающіеся транспортныя ребята—и о чемъ у одного ребенка считается за троихъ?

— Я доложенъ вамъ объяснить,—продолжалъ колесанецъ,—что дѣти

цѣнятся у насъ не только по количеству, но и по качеству.

Вообще, принято считать за двоихъ ребенка, у котораго вмѣются на лицо лучшія физическія и духовныя качества и за троихъ, если онъ выходитъ изъ ряда вонъ по своему уму и хорошему сложенію.

Въ случаѣ, если ребенокъ слабъ отъ рожденія, то хотя бы онъ и отличался своими духовными качествами, считается все же за одного, а если при этихъ физическихъ недостаткахъ, не видѣляется и умъ, то идетъ за половину и наконецъ, если лишится и того и другого, составляетъ треть нормальнаго ребенка.

— На какомъ же вы основываетесь безъ цѣли установления этой оцѣнки?—спросилъ я не безъ любопытства.

— У насъ принята извѣстная единица, т. е. образецъ. Единица отвѣчаетъ хорошему сложенію и уравновѣшенному духовному развитію. Если у ребенка въ одномъ отношеніи обнаруживается недостатокъ, то только превосходство въ другомъ отношеніи можетъ довести его до единицы.

— Вы дѣлаете для этой цѣли какія-нибудь испытанія?

— Разумѣется,—отвѣтилъ онъ,—мы устраиваемъ публичныя испытанія и это исключаетъ всякое пристрастіе. Такимъ образомъ соревнованіе у насъ является средствомъ для того, чтобы имѣть самыхъ красивыхъ, умныхъ и воспитанныхъ дѣтей.

— Извините мою настойчивость,—сказалъ я,—но вы сейчасъ только говорили о какомъ-то законѣ..

— Напрасно вы извиняетесь,—прервалъ онъ меня,—интересъ, съ которымъ вы относитесь къ нашимъ стариннымъ установленіямъ, ничего мнѣ не можетъ доставить кромѣ удовольствія. Этотъ законъ былъ изданъ нашимъ знаменитымъ законодателемъ «Законокатомъ» царство ему небесное! Этотъ мудрецъ говорилъ, что любовь гражданъ къ родинѣ зависитъ отъ большаго или меньшаго числа узъ, связывающихъ ихъ съ ней и что для увеличенія этихъ узъ богатство и семья должны идти рука объ руку:

сперва государство заботится, чтобы колесанцы вступали въ бракъ для осуществленія высшаго блага и для сладкихъ и легкихъ трудовъ, затѣмъ выдаетъ имъ

жалованіе съ каждымъ новымъ ребенкомъ до третьяго. Послѣ третьяго государство платитъ за каждое прибавленіе семейства, начиная съ 1,000 р. въ годъ и до 12,000 р. когда потомство дойдетъ до 12-ти. Дойдя до числа 18-ти получаютъ вдвое.

— Сколько же у васъ въ странѣ отцовъ всемирнаго дѣтей?

— Не много. Насъ, составляющихъ Совѣтъ Старѣйшинъ, самое большое десять человекъ изъ трехъ миллионовъ жителей.

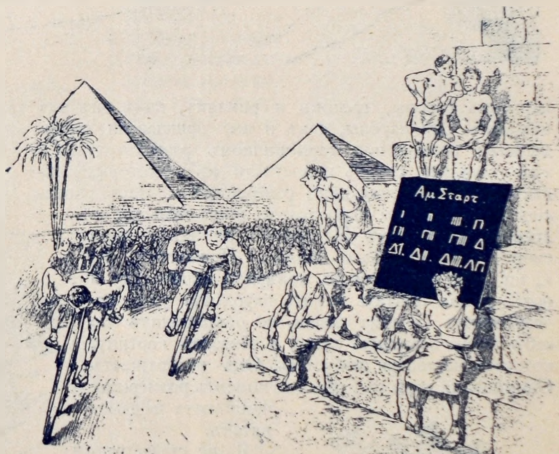
— Вы сказали: «насъ»,—замѣтилъ я.—Неужели вы отецъ такого многочисленнаго семейства?

— Мнѣ выпало на долю это счастье,—отвѣтилъ онъ, радостно улыбаясь.

Какъ живутъ колесанцы.

Бесѣдуя объ этомъ, мы доѣхали до дома моего спутника.

Слуга-негръ открылъ ворота и пропустилъ насъ во дворъ. Самокатчикъ, взявъ нашу корзинку—кресло, ссадилъ насъ на особый помостъ. По срединѣ огромнаго двора находился бассейнъ съ водой, поддерживавшій чрезвычайно пріятную температуру. Вода стекла въ водоемъ, сдѣланный вровень съ землею и въ видѣ свѣтлыхъ ручейковъ, замѣвшихъ по землѣ, доходила до выходныхъ отверстій. Зеленое покрывало, очень легкое, которое скатывалось въ дождливое время, пропускало сквозь себя на голубоватый, очень мягкій несокъ, легкой разсѣянный свѣтъ. По угламъ находились группы деревьевъ, откуда доносились неумолкаемое чириканье птицъ.

Все это вмѣстѣ производило на посѣтителя великолѣпное впечатлѣніе. Мы прошли по галереѣ, украшенной фресковой живописью. Пастушескія идилліи, послужившія сюжетомъ художнику были исполнены съ большимъ мастерствомъ и легкостью. Меня чрезвычайно поразило огромное панно, изображающее гонку на самокатахъ у древнихъ. Я не могъ сперва понять, какимъ образомъ колесанцы ознакомлены съ исторіей древней Европы, но словоохотливый хозяинъ не замедлилъ дать мнѣ объясненія.

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ эта картина, написанная по моей собственной идеѣ, однимъ изъ нашихъ знаменитыхъ художниковъ. Вотъ ея исторія: Европейецъ Эдинбурнъ, прожившій у насъ, какъ вы знаете, довольно долгое время, не разъ удивлялся нашей силѣ, ловкости, красотѣ и долговѣчности. Онъ говорилъ, что нашъ образъ жизни напоминаетъ ему бытъ древнихъ

рѣи у господина Эдинбурна. Вѣроятно, англичане, какъ и мы, проходятъ этотъ предметъ по учебнику знаменитаго историка Иовайского.

Сквозь рядъ открытыхъ дверей, ведущихъ въ галлерею, видны были огромная зала съ большими окнами, выходящими въ старшій обширный паркъ.

При нашемъ приходѣ, изъ дверей показались дѣти, дѣвочки и мальчики, и бросились къ намъ навстрѣчу. Нѣсколько смутившись при видѣ незнакомаго челоуѣка, они сперва вѣжливо поклонились мнѣ, а затѣмъ кинулись къ отцу. Мальчики крѣпко обнимали его, дѣвочки завладѣли руками отца. Онъ смѣялся, довольный этимъ шумнымъ выраженіемъ восторга и нѣжности, цѣловалъ дѣтей направо и налево. Наконецъ, по знаку отца, дѣти разбѣжались, испуская радостные крики. Обернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Можно ли не любить страну,—сказалъ онъ,—которая способствуетъ такому счастью!

Радущный хозяинъ представилъ меня женѣ, отцу и сестрамъ. У всѣхъ были ясные, симпатичныя лица. Одинъ изъ братьевъ также находился здѣсь, но въ виду скорого и неотложнаго путешествія, завтракалъ

одинъ въ предназначенной для этого залѣ.

Мы отправились къ нему и застали его за столомъ. Средствомъ чрезвычайно остроумнаго механизма блюда сами подкатывались къ нему. На мискахъ на тарелкахъ гонялись мухи, усѣвшись на крошечные самока-

народовъ Европы, грековъ и римлянъ, какъ онъ ихъ называлъ. Эти народы, какъ и мы, признавали совершенство только при гармоничномъ развитіи души и тѣла. Любили спортъ и достигли въ нѣкоторыхъ видахъ его необыкновеннаго совершенства. Насъ, колесіанцевъ поразило одно только обстоятельство—древніе, по словамъ Эдинбурна не знали царя спортовъ—самокатнаго спорта. Признаюсь, ни я, ни мои товарищи не повѣрили Эдинбурну и вотъ, желая почтить память народовъ, уже исчезнувшихъ съ лица земли, но оставившихъ по себѣ такую завидную славу, я заказалъ картину, которою вы теперь любуетесь. Она изображаетъ Олимпійскія игры въ Греціи въ моментъ розыгрыша чемпионата на самокатахъ.

Я не сталъ разубѣждать моего почтеннаго собесѣдника, благоговѣшаго передъ памятью чуждыхъ ему европейцевъ, и сдѣ-

далъ нѣсколько лестныхъ для художника замѣчаній. Правда, на заднемъ планѣ этого панно красовались египетскія пирамиды, едва-ли существовавшія въ Греціи, но послѣднее обстоятельство произошло не столько по винѣ колесіанцевъ, сколько по нѣкоторой путаницѣ свѣдѣній изъ древней исто-

тики. Я уже представлялъ въ своемъ воображеніи какъ придется гоняться повару за своею «провізією» прежде чѣмъ обратить ее въ обѣдное жаркое или салатъ..

Вокруг завтракавшего играли совершенно ручная мышь.

При видѣ насъ, онъ всталъ. Послѣ обычныхъ представлений, я немедленно спросилъ его, указывая на мышку, не чувствуетъ ли онъ отвращенія, имѣя такихъ сосѣдей.
— Нисколько,—отвѣтилъ онъ.

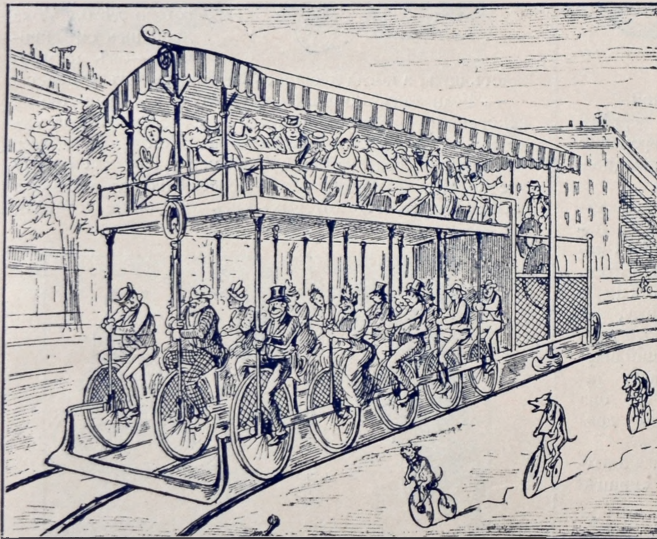

— У насъ,—замѣтилъ я,—мышей истребляютъ безъ всякаго сожалѣнія.

— Если онѣ бесполезны, то отлично дѣлаютъ, что истребляютъ, у насъ же онѣ приносятъ пользу. Кромѣ того, разъ онѣ существуютъ, то на что нибудь нужны.

Такъ какъ мой спутникъ выразилъ желаніе сопровождать меня въ послѣбѣденной прогулкѣ, мы рѣшили захватить съ собой и его брата. Хозяинъ пока пошелъ провѣдать домашнихъ, обѣдавшихъ отдѣльно отъ насъ. Я наблюдалъ шестиве вкусныхъ блюдъ, развѣсившихъ во мнѣ сильный аппетитъ и не заставляя себя долго упрашивать.

Къ концу обѣда мы рѣшили отправиться на циклотрамваѣ.

Послѣдній проходилъ передъ домомъ моего покровителя. Чтобы не ждать долго на улицѣ, слуга долженъ былъ предупредить насъ, когда покажется вагонъ. Какъ только циклотрамвай приблизился, мы поторопились выйти и занять мѣста.

Циклотрамвай.

Не менѣе любопытенъ былъ и циклотрамвай. Онъ представлялъ собою огромный экипажъ, катящійся на

трехъ рельсахъ и расположенный на 15 самокатахъ, приводимыхъ въ движеніе самими пассажирами. Остальные, на имперіалѣ, подъ защитою парусины отдыхали въ небрежныхъ позахъ, такъ какъ имъ не надо было педалировать. Кондукторы, находившіеся сзади, держали ручку крайне оригинальнаго тормоза, чтобы, въ случаѣ надобности, остановить вагонъ.

Мой спутникъ замѣтилъ мнѣ, что для колесіанцевъ является невозможнымъ долгое время не работать ногами.

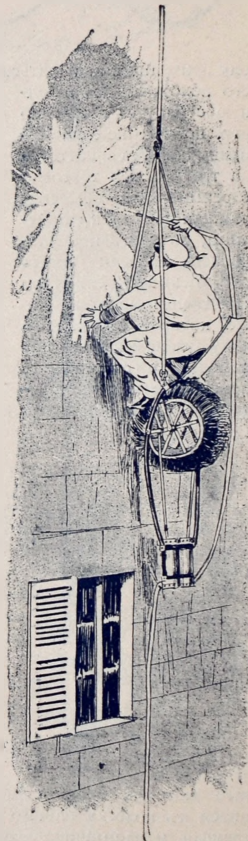
Вслѣдствіе этого, прибавилъ онъ, мѣста внизу разбираются на расхвату.

Я долженъ сказать, что такой чистоты на улицахъ мнѣ не приходилось раньше наблюдать нигдѣ, даже въ Голландіи. Несомнѣнно, полное отсутствіе лошадей, этого пока неизбѣжнаго зла большихъ городовъ, способствовало чистотѣ города, но и сами колесіанцы проявили необыкновенную изобрѣтательность въ способахъ очистки улицъ и зданій.

Меня особенно поразилъ одинъ остроумный аппаратъ, который я и постараюсь вамъ описать.

Представьте себѣ одноколесный самокатъ, съ очень жесткой, круглой и широкой щеткой, замѣняющей шину, подвѣшенный къ стѣнѣ зданія и опускающійся при помощи блоковъ. Чистильщикъ помѣщается въ сѣдлѣ этого самоката-щетки и, работая педалями, приводитъ въ быстрое вращательное движеніе необыкновенный моноциклъ. Въ рукахъ у него резиновый рукавъ, соединенный съ водопроводнымъ краномъ, дающій обильную струю чистой воды. Струя воды усиливается при помощи насоса, приводимаго въ движеніе этимъ же замѣчательнымъ инструментомъ. Во время чистки зданій, т. е. въ утреннее время здѣсь рекомендуется закрывать окна. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ нѣкій любопытный обыватель получилъ хорошій душъ, выглянувъ изъ окна.

Чистильщикъ не хуже питерскаго дворника окатилъ его съ ногъ до головы при громкомъ смѣхѣ пассажировъ циклотрамвая.

Пока чистильщик старался надъ стѣной, внизу про-
сходила другая работа. Тамъ сновали маляры, штука-

туры и прочіе ре-
монтныхъ дѣлъ ма-
стера и всѣ они
пользовались само-
катами въ качествѣ
удобнаго и деше-
ваго передвиженія.

Какіе только само-
катчики намъ не
попадались на
встрѣчу!

Вотъ проѣхалъ
безногій колесан-
ецъ, педалирующій
при помощи рукъ,
не хуже, чѣмъ дру-
гіе ногами. Правда,

ему приходилось держаться за руль зубами, что дѣлало

его похожимъ на голод-
ную собаку съ костью во
рту, но чего не сдѣластъ
привычка! Вотъ плетется
на трехколескѣ торговка
варенымъ картофелемъ,
очищая на ходу картофе-
лины, съ маленькой жа-
ровой впереди своего
старенькаго самоката.
Продавецъ молотого ко-
фе, которое имъ же на
ходу размалывается при
помощи оригинальнаго
приспособленія въ само-
катѣ. Шарманщикъ, странствующій съ обезьяной.

Шарманщикъ вертѣлъ
педали и одновременно
дѣвой рукой вращалъ
ручку шарманки.

Обезьяна не только ку-
выркалась, но даже на-
игрывала на скрипкѣ ка-
кой-то обезьяній вальсъ.

Едва промелькнулъ
этотъ шарманщикъ, на
смѣну его появился дру-
гой, приспособившій шар-
манку къ самокату та-
кимъ образомъ, что она
играетъ во время дви-
женія.

Замѣтивъ мой любопыт-
ный взглядъ, этотъ странствующій артистъ «прицѣ-
пился къ колесу» нашего цикло-
трамвая и настойчиво требовалъ
подачки. Вслѣдствіе быстрого хода
его шарманка издавала звуки, на-
поминавшіе адскій галопъ, обезья-
яна визжала подѣ этотъ акком-
паниментъ и грозила выцѣпиться
мнѣ въ волосы.

Пришлось дать этому тунеядцу
цѣлый двугривенный. Впрочемъ, я
долженъ сказать, что поѣздка въ
циклотрамвай доставила мнѣ много

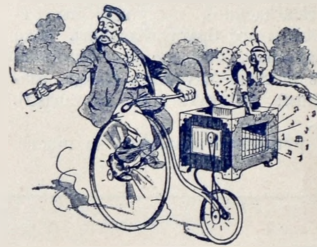
удовольствія. По пути, среди многочисленной публики
намъ часто попадались полисемѣны, съ чисто военной
выправкой, важно катившіе на своихъ самокатахъ. Какъ
мнѣ передавали, всѣ они считались членами лиги анти-
холостяковъ, и, я долженъ сознаться, были далеко не
безполезны на улицахъ Колесограда: на нашихъ глазахъ
одинъ изъ этихъ строгихъ блюстителей нравовъ какъ
изъ-подъ земли появился передъ
уличнымъ Донъ Жуаномъ, прес-
лѣдовавшимъ хорошенькую мо-
лоденькую швейку, и мигомъ раз-
рушилъ всѣ планы коварнаго хо-
лостяка.

Что было удивительно, это без-
условно полное отсутствіе пьянства
на улицѣ.

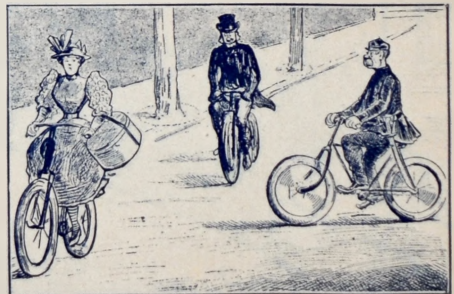
— Не удивляйтесь, — поспѣ-
шилъ съ объясненіемъ мой лю-
безный спутникъ, — все дѣло въ
томъ, что у насъ вовсе запрещено
пить на улицахъ или выходить на улицу въ пьяномъ видѣ.

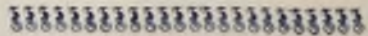
— Это хорошо, —
возразилъ я ему, —
но вѣдь и у насъ
въ Россіи все это
также запрещено,
но, однако, пьютъ.
Войдутъ въ ворота,
хлопнутъ донши-
комъ о ладонь, гор-
лышко въ ротъ и
готово дѣло. Пока
дворникъ ему кри-
чить — онъ продол-
жаетъ пить, а когда
дворникъ побѣдитъ,
онъ удираетъ.

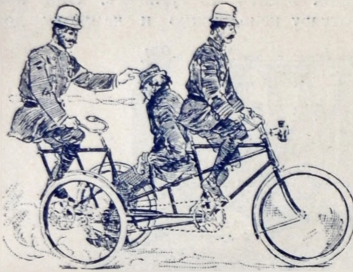
— Если такъ, то понятно, почему у васъ пьянство не
искореняется, — сказалъ колесанецъ, — такъ никогда ихъ
не изловишь, у насъ дѣбается иначе. Стоитъ только двор-
нику дать сигналъ на ближайшій постъ, и оттуда въ тотъ
же моментъ вылетаетъ на трехколескѣ нарядъ изъ двухъ
полицейскихъ, отъ которыхъ ужъ никакъ не убѣжать.

Вообще, съ шьянами у насъ не церемонятся: ихъ
старательно убираютъ съ улицы и подвергаютъ стро-
жайшему взысканію.

Смотрите, вот на ваше счастье; одного таки поимали,—продолжал он,—указывая на полицейских, везущих какого-то оборванца. У нас заведены также и пожарная летучая команда на четырехколесках, всегда готовых к выезду. А вот эта,—указал он мне,—даже постоянно объезжает свой участок, почему у нас вовсе нетъ разори-

тельных пожаровъ въ тѣхъ участкахъ, гдѣ заведены

тѣхъ участкахъ, гдѣ заведены

такія летучія команды, прекращающія пожары въ самомъ началѣ.

Цикло-граммой остановился въ началѣ великолѣпнаго, вслѣдствіе широкаго проспекта, оживленнаго массой самокатовъ; тутъ были всѣ виды машинъ, отъ одноколесной до восьмиколески.

Мы мчались среди самыхъ разнообразныхъ самокатовъ, каковыхъ не встрѣтишь нигдѣ въ такомъ ужасающемъ количествѣ и разнообразіи. Я не берусь, конечно, пере-

речислять всѣ попадавшіеся на нашемъ пути типы самокатовъ, такъ какъ нѣкоторые были настолько для меня новы, что не было возможности сразу разглядѣть ихъ особенности. Постараюсь, однако, припомнить нѣкоторые.

Начнемъ съ одноколесокъ; нѣкоторые самокатчики стояли на высокихъ педаляхъ на одномъ маленькомъ колесѣ, не держась за руль; иные напротивъ, правили рулемъ, а нѣко-

торые съ страшною быстротою мчались, сидя внутри громаднаго колеса. Эти рѣшительно не разбирали никакихъ препятствій и своимъ огромнымъ колесомъ легко перескакивали черезъ попадающіяся скамейки и подвертывавшіеся собаки.

Всѣ эти мотоциклисты поражали той легкостью и свободой, съ которыми они обращались со своими шаткими инструментами...

Я смотрѣлъ, изумляясь и положительно былъ въ затрудненіи: кого изъ нихъ признать достойнымъ жетончика; тутъ всѣ были достойны.

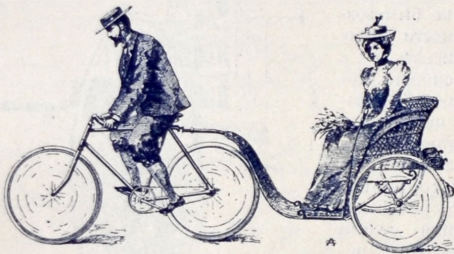

Встрѣчались двухколески, устроенная такъ, что сѣдоки, по преимуществу дамы, сидѣли какъ на стулѣ, легко соскакивая при остановкѣ черезъ маленькое переднее колесо.

Другія дамы предпочитали, чтобы ихъ везли на маленькихъ колясочкахъ ихъ поклонники или же помѣщались бокъ о бокъ съ ними на «двухколесныхъ совмѣсткахъ». Очевидно, этотъ способъ катанья былъ наиболѣе привлекателенъ, такъ какъ ихъ встрѣчалось очень много въ менѣе людныхъ мѣстахъ.

Дѣвочки-подростки и совсемъ маленькія дѣти нисколько не уступали старшимъ въ умѣніи пользоваться

самокатомъ и колесили во всѣхъ направленіяхъ на самокатахъ съ очень маленькими колесами или на миниатюрныхъ трехколескахъ.

Мнѣ показалась дѣльной мыслью отдача на прокатъ самокатовъ, развозимыхъ нѣкоторыми предприимателями.

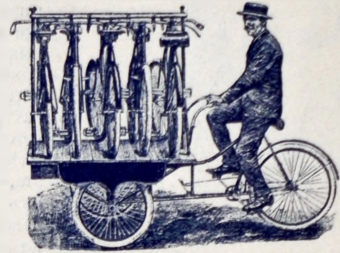
Пятокъ самокатовъ помѣщался на специальной платформѣ - трехколескѣ, откуда они отдавались по часамъ. Предприниматель отдавалъ вамъ машину, а самъ ѣхалъ дальше и вамъ не нужно его отыскивать, чтобы вернуть машину, такъ какъ онъ и самъ ѣздитъ взадъ

и впередъ по отведенному ему участку въ 1 версту. Мое вниманіе обратили также стоящія вдоль тротуара на перекресткахъ и мнѣ пришлось обратиться за разъясненіемъ къ своему спутнику, охотно посвящавшему меня во всѣ подробности жизни колесанцевъ.

— Это вовсе не пролетки, — замѣтили онъ мнѣ, —

это просто украшеніе улицы, но мы постарались сдѣлать эти украшения полезными и сдѣлали ихъ точь-въ-точь, какъ и тѣ, которыя ѣздятъ по улицамъ. Они прикрѣплены къ тротуару неподвижно и каждому доз-

воляется сѣвши въ сѣдло и вращая педали, размять свои члены или, сѣвши на среднее мѣсто, спрятаться отъ дождя или солнца.

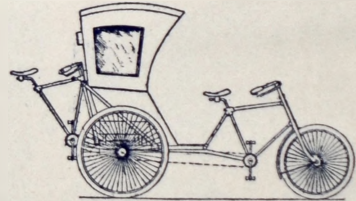
— Ба, — сказала я, — да вѣдь и у насъ, въ Петербургѣ, какъ и всюду, стоятъ въ качествѣ украшеній лошадки, напр., на Аничковомъ мосту, но только тамъ эти украшения эффектибѣе: онѣ становятся на дыбы и чуль-ли не брыкаются!

— Ничего не подѣлаешь, — благодушно возразилъ мнѣ спутникъ, — наши самокаты не умѣютъ брыкаться! Но за то ими пользуется всякій желающій.

— А вѣдь и вправду, — подумалъ я, — вѣдь и у насъ это было бы отлично, стоять только вспомнить, съ какой охотой мальчишки взбираются на мраморныхъ львовъ, которыхъ почему-то всегда вытесываютъ лежащими, ну, а на скачущихъ, какъ на Аничковомъ мосту, никакъ не взобраться, больно высоко, да и не позволять!

Мой спутникъ назвалъ улицу — Бульваръ Елагина

острова и сообщилъ, что это любимое мѣсто для прогулокъ.

Баловни судьбы катили при помощи самокатчиковъ — своихъ служащихъ, менѣе состоятельные и болѣе скром-

ные въ своихъ требованіяхъ колесанцы сами приводили въ движеніе свои самокаты.

Были и целыя группы катающихся; между ними стоит отметить самокат-поѣздъ для двадцати

круговидный характеръ. (см. стр. 15), съ гигантскимъ рулемъ на верху.

Все, что я видѣлъ во-кругъ, навело меня на раз-мышления о господствующемъ законѣ природы, заставляющемъ человѣка измѣняться духовно и физически въ его стремленіи примѣниться къ климату и странѣ, въ которой онъ живетъ.

пяти человѣкъ кавалеровъ и дѣвицъ, катящихся на трехколескѣ длинной сажени въ три.

Въ сторонѣ, подъ тѣнью деревьевъ стараго парка, прогуливался цѣлый пансионъ молодыхъ колесіанокъ.

Классная дама, сопровождавшая дѣвицъ, обладала довольно неприятной, чтобы не сказать больше, физиономіей, но за то воспитанницы этого сняго чулка, особенно нѣкоторыя, своими хорошенькими личиками не ударили бы въ грязь и въ Питерѣ.

Вѣроятно, я долго раздумывалъ бы на эту тему, но мой спутникъ, не имѣвшій склонности къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, далъ понять, что уже довольно поздно и было бы благоразумнѣе возвратиться къ наступающей ночи домой.

Я не заставилъ себя долго упрашивать, тѣмъ болѣе, что новизна впечатлѣній этого дня утомила меня больше, чѣмъ можно было ожидать. Мнѣ са-

Нихъ тосненькія тальи и граціозныя фигуры были прямо таки обворожительны.

„О женщины, женщины!“ мечтательно подумалъ я, „во всякой странѣ вы являетесь дочерьми одной и той же матери—Граціи“.

Изъ этого мечтательнаго настроенія меня вывелъ видъ триумфальной арки, построенной въ честь прежняго изобрѣтателя колеса. Удивляюсь, какъ Единбургъ ни единымъ словомъ не обмолвился объ этомъ необыкновенномъ памятникѣ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Архитектура арки, очевидно навѣянная художнику флорой и фауной острова, этого чуднаго острова, гдѣ все, рѣшительно все сдумано воспользоваться колесомъ и примѣнить его всюду, имѣла

тому хотѣлось поскорѣй остаться на единѣ, чтобы разобратъ въ томъ, что пришлось видѣть и что еще предстоитъ наблюдать въ слѣдующіе дни. Любезный колесіанецъ, проводивъ меня въ отведенную для меня комнату, шепнулъ, что на завтра осталось еще много интересныхъ и новыхъ вещей.

Я пожелалъ ему спокойной ночи и крѣпко пожалъ руку своего новаго друга.

Я легъ и заснулъ, какъ спать лишь колесіанцы... Но полагаю ни одинъ колесіанецъ въ живыхъ свою не выдвѣлъ такихъ сновъ, какія всю ночь дѣзали мнѣ въ голову...

На тендеиь-баллонь

А слѣдующій день я проснулся въ шесть часовъ утра отъ шума поднятаго дѣтьми и пѣнья птицъ, доносившагося изъ стараго парка.

Въ открытое окно моей комнаты ворвался цѣлый снапъ солнечныхъ лучей.

Я всталъ и одѣлся.

Едва мы успѣли позавтракать, какъ мой покровитель хлопнулъ меня по плечу и лукаво подмигивая сказалъ:

— Знаете ли, дружище что намъ слѣдуетъ предпринять?

— Что же?

— Путешествіе на аэроциклѣ. Какъ вы это находите?

— На аэроциклѣ? повторилъ я, не вѣря своимъ ушамъ?

— Да, да — на воздушномъ самокатѣ.

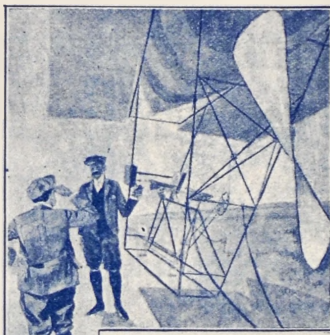
Но прежде чѣмъ предпринять это маленькое путешествие на аэроциклѣ, я вамъ посоветовалъ бы попробовать свои силы на моемъ воздушномъ тендеиь.

— Неужели вы сомнѣваетесь въ моемъ умѣніи педалировать?

— О нисколько, но вы сами убѣдитесь, что ѣзда по воздуху нѣсколько отличается отъ ѣзды по твердой землѣ.

На широкой площадкѣ парка, куда мы отправились послѣ завтрака, я увидѣлъ небольшой баллонъ въ формѣ сигары, по обѣимъ сторонамъ которой были прирѣплены горизонтальныя перепончатая крылья, поддерживавшія аппаратъ въ воздухѣ во время полета на основаніи того же физическаго закона, который заставляетъ летать игрушечный змѣй.

Къ баллону была подвѣшена чрезвычайно легкая алюминиевая рама; внутри ея помѣщался обыкновенный тендеиь, приводившій въ движеніе большой винтъ, отъ котораго зависѣло поступательное движеніе всего аппарата.

Не желая показаться трусомъ, я храбро занялъ второе мѣсто за спиной своего учителя и съ замираемъ сердца ждалъ подъема въ воздухѣ.

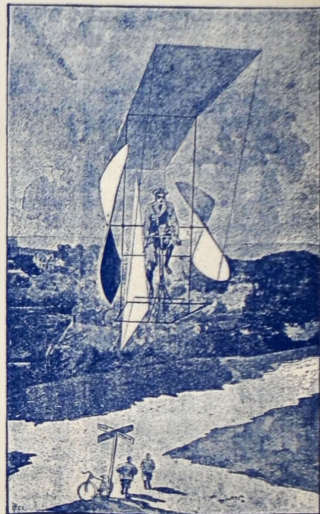
По данному сигналу рабочіе пустили концы и тендеиь птицей взвился вверхъ.

— Не глядите внизъ и держитесь тверже въ сидѣлѣ, крикнуть мнѣ спутникъ, видя, что я не важно себя чувствую.

Но это неприятное чувство продолжалось всего нѣсколько секундъ. Я быстро освоился со своимъ новымъ положеніемъ и энергично заработалъ педалями.

Мы быстро неслись надъ огромной равниной, пестрящей зелеными нивами, садами и хорошенькими деревушками; оригинальный городъ Колесіанцевъ казался отсуданарисованнымъ на картѣ.

Мой спутникъ, словоохотливый какъ всегда, сообщил мнѣ много любопытнаго объ успѣхахъ воздухоплаванія, достигнутыхъ на этомъ необыкновенномъ островѣ. Какъ видите, говорилъ онъ, наша прогулка не

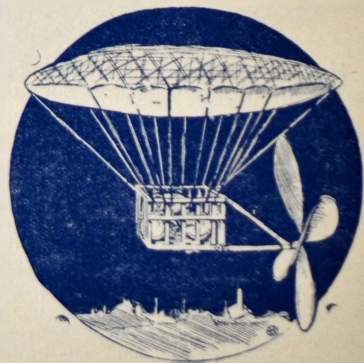

заклучаетъ въ себѣ ничего неприятнаго, но сорвись вѣтеръ — и все испорчено: придется или опуститься къ самой землѣ и медленно двигаться противъ вѣтра, какъ это дѣлаютъ ласточки или совершенно прекратить прогулку.

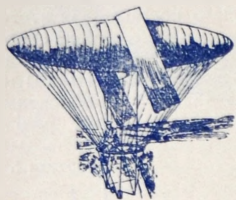
Больше аэроциклы, которые вы увидите впослѣдствіи не пмѣютъ этихъ недостатковъ и свободно идутъ даже противъ сильнаго вѣтра.

Мимо насъ пролетали на такихъ же аппаратахъ аэронавты, раскланиваясь съ моимъ спутникомъ. Большинство пользовалось одиночками устроенными по тому же образцу.

Встрѣчались также и другіе, значительно отличающіеся своимъ видомъ отъ того, на которомъ мы ѣхали. Одинъ на примѣръ, сидѣлъ на обыкновенномъ самокатѣ, помѣщенномъ въ кѣтку и вертѣлъ большой винтъ сзади.

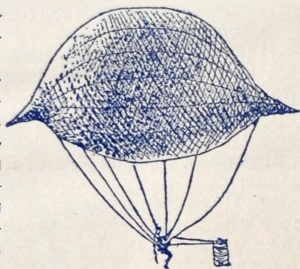

Другие сидели на раме из перекладин и помощью ног вращали, кто винтовая крылья по бокам баллона, кто какой то винт—руль. Баллоны были также разной формы вплоть до формы нашего российского картуза.

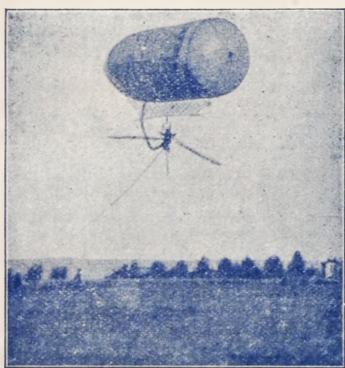

Усиленная работа на свежем воздухе развила во мне порядочный аппетит и поэтому предложение сдланное колесанцем завернуть к баллон—ресторант воздушного общества трезвости пришлось как нельзя более кстати. К воздушному буфету непрерывно подлетали воздушные путешественники.

Не успел я опомниться от впечатления, произведенного остроумным буфетом, как вдруг я приподнялся в сидле как бы желая уменьшить расстояние и в восторге протянул руку к воздушному летуну, крайне напомнившим мне летуну нашего воздухоплателя Данилевского. И действительно оказывается, что колесанцы сумели применить систему Данилевского, чего не сумели русские.

Подождите, мы попадем с вами в наше воздухоплательное училище и вы поймете почему у нас удастся то, что не удается у вас.

Без затрат на опыты дело не пойдет.

Мы спросили сандвичей и выпили по стакану какого то освежающего напитка.

Спиртные напитки воспрещены в воздушных ресторанах в виду того, что некоторые воздухоплататели напивались как сапожники и не могли держаться „на высоте своего положения“.

Через некоторые промежутки нам встречались несколько городских, причем „будки“ их были воздушные. Помощью винтов они могли передвигаться куда угодно. Меня весьма обрадовало, то, что правила, подчиняться которым было необходимо на воздухе, несколько не отличались от петербургских правил для..... лошадей.

Приходилось держаться правой стороны и не

мчаться сломя голову — и больше никаких правил.

Когда я передал свои мысли спутнику он очень изумился.

Если бы по нашему Колесограду стали ходить на лошадей сказал он, мы бы мигом выдумали для них стеснительные правила:

вдв нельзя же замнать опрятные и быстрые механизмы грязными и медленными лошадьми!

А у нас, чуть было не проговорился я, думаю как раз наоборот.

Хорошо, что я сидел сзади и мой спутник не видел краски стыда за наши грязные улицы.

Строгие полисмены и тут зорко слѣдили за порядкомъ и въ случаѣ нарушения его много составляли протоколы и на веревкѣ опускали эти протоколы прямо въ полицейскіе участки, гдѣ ихъ и ловили нарочно поставленныя сторожа.

Дамъ — аэронав-

токъ было значительно меньше чѣмъ мужчинъ, хотя на нѣкоторомъ разстояніи ихъ и трудно было отличить отъ послѣднихъ: въ виду полной непригодности обыкновеннаго дамскаго костюма для этого рода спорта, всѣ дамы были облечены въ рacionales костюмы.

Полетавъ нѣкоторое время по разнымъ направленіямъ, причѣмъ я нисколько не выказывалъ признаковъ утомленія, мы подлѣзли къ обширному огороженному пространству.

Тутъ были разной величины площадки, разной высоты пригорки и даже маленькіе озера.

Съ высоты мы видѣли, что эти озера

были не глубже одного аршина, или одного „колеса“, если мѣрять колесіанскими мѣрами.

У насъ мѣряютъ влагу не „колесами“, припомнилось мнѣ, а бутылками.

Что это такое, воскликнулъ я, смотря на какія-то уморительныя прыжки съ берега, кончающіяся грузнымъ шлепаніемъ въ воду.

Это нашъ воздухоплавательный паркъ, объяснилъ онъ мнѣ. Здѣсь даютъ уроки летанія. Чтобы показать вамъ все по порядку, направимся вотъ къ тому толстяку, берущему очевидно самый первый урокъ. Вотъ онъ сѣлъ на самокатъ, а на спину ему привязали небольшихъ размѣровъ пузырь съ очень легкимъ газомъ, еще болѣе легкимъ чѣмъ водородъ. Въ пузырь кладутъ немного порошку изъ котораго добывается этотъ газъ. Какъ только газу начнетъ прибывать, пузырь станетъ расширяться и подниметъ на воздухъ неустрашимаго воздухоплавателя.

Пока неустрашимый воздухоплаватель кричалъ съ перепугу не своимъ голосомъ, мой руководитель повлекъ меня дальше.

Не безпокойтесь за него, сказалъ онъ, для безопасности заднее колесо слѣдано изъ чугуна и пузырь не въ силахъ поднять его отъ земли.

А вотъ и второй урокъ. Онъ заключается въ томъ, что съ пригорка спускаютъ по вѣтру воздухоплавателя на парашютѣ и предоставляютъ ему или спуститься на траву или шлепаться прямо въ озеро.

Озеро такъ мелко, что свободно выбираются изъ него.

Этотъ урокъ имѣетъ цѣлью приучить къ полетамъ на извѣстной высотѣ и сказать правду не всѣмъ съ

одинаковымъ достоинствомъ летали по поднебесью.

Нѣкоторые, лишь только почувствуютъ, что колеса покинули землю, не могутъ воздержаться отъ криковъ: держите, держите! останавливая на себѣ вниманіе прохожихъ самокатчиковъ.

Затѣмъ мы замѣтили четырехъ истинныхъ самокатъ съ однимъ только колесомъ и сади рулемъ. Съ обихъ концовъ четырехъ стоекъ поддерживали два воздушныхъ шара. Этимъ снарядомъ пользовались для постепеннаго приученія къ воздушнымъ полетамъ. Новичковъ сажаютъ посреди и пускаютъ лавировать неразбирая канавъ и камней. Черезъ неглубокія рывтины онъ перелетаетъ не касаясь земли.

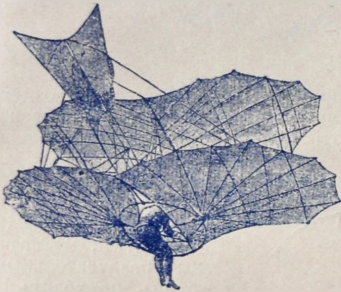
ВОТЪ и болѣе опытные летатели, указавъ мой спутникъ на движущіеся въ воздухѣ болѣе чѣмъ удивительные снаряды, настолько удивительные, что я положительно не берусь съ точностью передать всѣ особенности ихъ устройства.

Въ общемъ нѣкоторые весьма напоминали снаряды Данилевскаго,

Лиллиенталя и потому лучшее, что я могу придумать это напомнить вамъ помощью рисунковъ эти снаряды. Главное въ нихъ были плоскости аэроплановъ или какіе то воздушные зонтики, на которыхъ былъ прикреплень аэронавтъ.

Нѣкоторые были снабжены цѣлой кучей крыльевъ, винтовъ и разныхъ пластинокъ.

Летающіе мимо воробы или какія другія мѣстныя птицы не безъ насмѣшки сравнивали ихъ съ своей парой изящныхъ крыльевъ.

Другіе съ помощью двухъ паръ вращающихся винтовъ изъ большихъ пластинокъ подымались въ воздухъ болѣе или менѣе удачно.

Всѣ эти пробныя полеты производились съ берега надъ тѣмъ же озеромъ, куда начинающіе воздухоплаватели, выбившись изъ силъ, шлепались какъ лягушки, спугнутые пробѣжавшимъ по берегу зайцемъ.

— Если вы ничего не имѣете

противъ, продолжалъ мой спутникъ, мы съѣздимъ на аэроциклъ въ страну Бокканегровъ посмотреть бой быковъ, назначенный на сегодня. Затѣмъ отправимся въ Циклополисъ — отъ Колесограда это очень порядочное разстояние — чтобы посѣтить моего друга, о которомъ я вамъ уже говорилъ вчера.

Теперь только десять часовъ: мы какъ разъ посѣдемъ къ началу зрѣлища.

— Что это за народъ Бокканегры? о которыхъ вы только что говорили?

— Это не культурное племя съ довольно примитивнымъ государственнымъ устройствомъ, но очень милое и кроткое. Колесанцы ихъ любятъ и часто защищаютъ отъ набѣговъ дикихъ сосѣдей.

— Что вы! неужели еще существуютъ и другія племена, неизвѣстныя въ Европѣ?

— Разумѣется, улыбнулся онъ есть еще „Войнолюбители“ и „Миролюбители“.

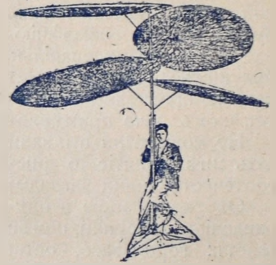
Эти два народа, вѣчно воюющіе между собою живутъ между нашей страной и Бокканеграми; съ ними мы поддерживаемъ торговья сношенія...

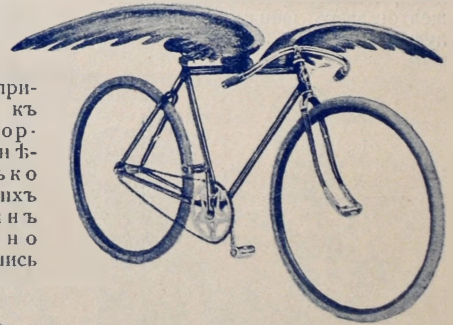
Аэроциклъ.

Но я больше его не слушалъ: все мое вниманіе было обращено на станцію аэроцикловъ, къ которой мы быстро приближались.

У широкой платформы, на значительномъ разстояніи отъ земли, плавно покачивалась въ воздухѣ цѣлая дюжина странныхъ необыкновенныхъ аппаратовъ, прикрепленныхъ къ землѣ якорями. Въ ту минуту,

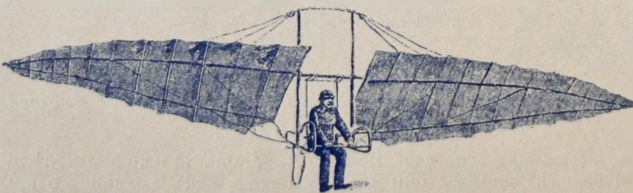

когда нашъ танъдемъ присталъ къ платформѣ, нѣсколько изъ этихъ машинъ плавно поднялись

и полетѣли съ поразительной легкостью, унося съ собою по нѣскольку пассажировъ.

Эта платформа, куда мы причалили, очевидно была одной изъ главныхъ станцій аэроцикловъ. Такъ можно было судить, глядя, какая масса ихъ рѣяла въ воздухѣ.

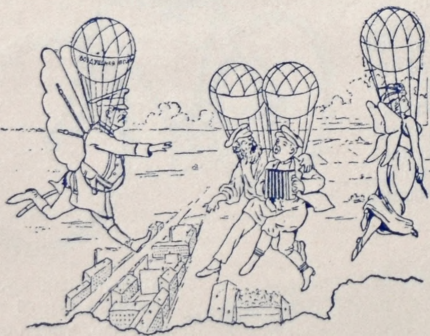

Нѣ должно быть собрались на пикникъ, предположилъ колесіанецъ, видите какъ они всѣ веселы. Вдругъ съ площадки ближайшаго изъ воздушныхъ снарядовъ сорвался одинъ изъ веселыхъ пассажировъ и полетѣлъ внизъ. но его снизу подхватили городовые, летающіе по воздуху. Послѣ этого неожиданнаго случая всѣ участники пикника собрались вмѣстѣ и цѣлой флотиліей умчались куда то вдаль.

Какъ, однако, мы далеко отстали отъ вашей страны, воскликнулъ я. Въ нашей Европѣ только, только начинають летать, но мало кому удается продѣлать болѣе или менѣе удачныя опыты. Въ Петербургѣ же къ сожалѣнію дѣло пока не идетъ дальше рисованія картинокъ „изъ будущаго“. Сидя въ Петербургѣ я никакъ не предполагалъ, что это „будущее“ съ такимъ успѣхомъ уже примѣняется въ настоящее время.

Не можете ли вы, заинтересовался колесіанецъ, дать мнѣ понятіе о рисункахъ, которыми ваши соотечественники заглядываютъ въ будущее?

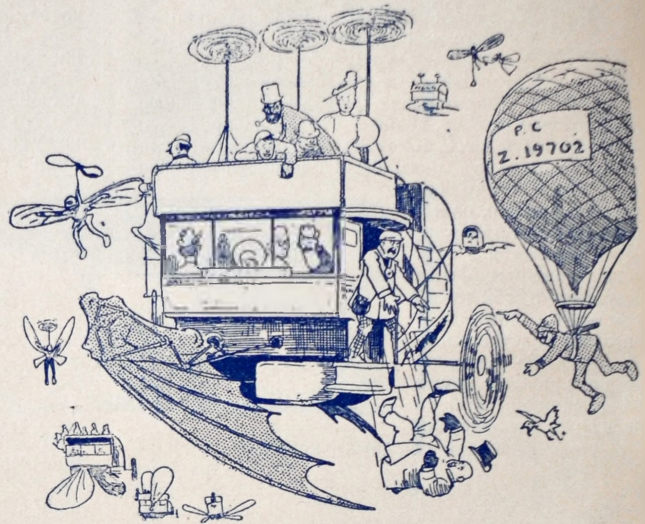
Охотно, говорю я ему и тутъ же набросалъ карандашемъ рисунки, помѣщенные въ петербургской газетѣ: городского, останавливающаго расхodiвшихся или вѣрнѣе сказать разлетающихся крикуновъ, дѣвицу моднаго фасона и наконецъ нашего желтоглазого ваньку въ пріятномъ состояніи полудремоты.

— Вотъ это и есть аэроциклъ сказалъ мой пріятель, мы отправимся на слѣдующемъ: они отходить черезъ каждыя десять минутъ.

Въ этотъ короткий промежутокъ времени я осмотрѣлъ необыкновенные экипажи. Намъ пришлось ѣхать на вѣсколькѣ иномъ аэроциклѣ.

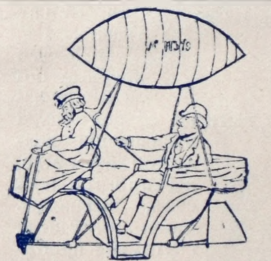
Главнымъ двигателемъ аппарата, такъ сказать его душою, былъ огромный раздувательный мѣхъ. Съ этимъ мѣхомъ соединяется вертикальный пор-

шень, позволяющій втягивать и выпускать воздухъ.

Дѣйствіе поршня находится въ прямой зависимости отъ работы пассажировъ, сидящихъ на верхней площадкѣ.

Теперь то я понялъ, почему мой спутникъ безпокоился, умѣю ли я порядочно педалировать.

Воздухъ, вытѣсняемый раздувательнымъ мѣхомъ, проходитъ черезъ сгущатель гдѣ химическія соединенія во сто разъ увеличиваютъ его силу и упругость и составляетъ двигательную силу аэроцикла.

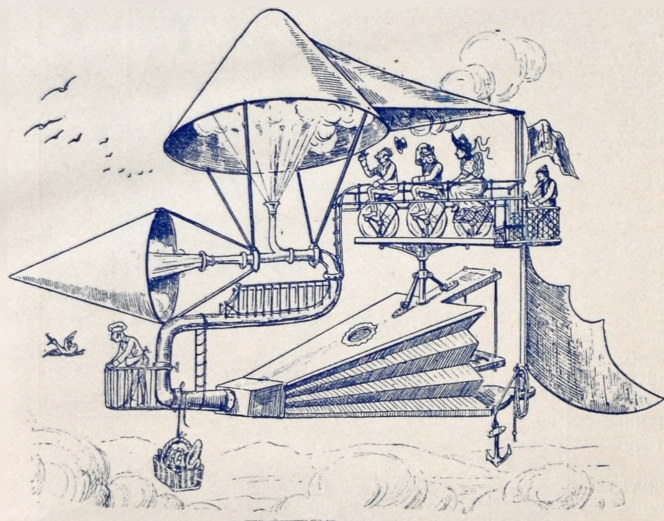
Рулевому только остается регулировать струю этого сжатого воздуха, направлять ее то по вертикальной трубкѣ, то по горизонтальной, по мѣрѣ необходимости; на концахъ этихъ трубокъ укрѣплены металлическіе конусообразные собиратели воздуха и на нихъ то дѣйствуетъ струя.

Путешествіе на Аэроциклъ въ страну Бокангровъ.

Лишь только мы успѣли занять мѣста на аэроциклѣ, какъ механикъ открылъ клапанъ вертикальной трубы и нашъ аппаратъ, какъ сказочное чудовище, плавно поднялся на воздухъ. Теперь намъ нужно было летѣть не за вѣтромъ, какъ на тендемахъ, а почти противъ вѣтра.

ЕЯ очень интересовало, как наш аппарат справится с такой не легкой задачей. Когда мы достигли известной высоты, рулевой ловким движением круто повернул аэроцикл против ветра и открыл клапан горизонтальной трубы. Аппарат рванулся вперед и полетел с такой быстротой, что у меня сразу захватило дыхание. Втерть казался ничтожной си-

лой, не имевшей никакого влияния на быстроту нашего хода.

Чтобы показать мне легкость управления аэроциклом, рулевой, по просьбе моего друга то заставлял аппарат на полном ходу подниматься в необъятную высь, то опускался почти к самой земле. На нашем аэроцикле, как и на других, отправлявшихся в дальний путь находился молодой повар, большой шутник.

Он воспользовался моментом, и когда мы пролетали над какой-то речкой, зло подшутил над одним счастливым рыболовом.

Тот едва успел вытащить из воды какую-то огромную рыбку, как наш повараенок ловко подцепил багром удочку и утащил ее вверх вместе с добычей.

Надо было видеть изумление рыбака над которыми теперь коварно издевались товарищи.

Бедняга сжимал кулаки и что то орал на своем языке по нашему адресу.

Мой приятель объяснил, что я ничего не потерял от того, что не понял криков рыбака, и галантно предложил вату единственной нашей спутнице—дамке, к сожалению уже не молодой. Та поблагодарила с кокетливой улыбкой, заткнула уши ватой, чтобы не слушать перебранки, и мы продолжали свой путь дальше.

Мой хозяин условился с рулевым о времени отхода из страны Бокканегров в Колесоград.

Аэроцикл несся с возрастающей быстротой. В одном миге над лесом мы снова поднялись на огромную высоту и увидели вдали сверкающее море. Направо и налево разстились великолечно воздушные поля. На линии горизонта, в сизой дымке виднелась цепь высоких гор.

В п р о л е т з .

Мимо нас пронеслось нечто чудовищное, похожее на гигантскую летучую мышь, страшное до того, что я невольно отшатнулся назад.

Лишь только чудовище промчалось как замедлило вдруг свой полет и полетело над нами.

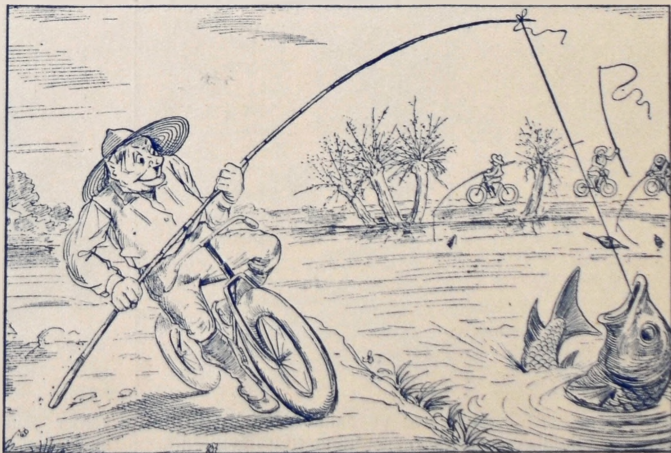
Признаюсь, я порядком струсил.

— Полноте, не бойтесь, успокойте меня колесанец.

Придя в себя, я был поражен необыкновенным зрелищем; по средине необыкновенного аппарата сидел человек самого добродушного вида и переговаривался с нашим рулевым.

Он извинился, что пролетел мимо нас, не предупредив сигналом.

Мы пожелали ему счастливого пути и незнакомец снова полетел дальше.

А АППАРАТЪ, который вы видите передъ собой называется вътролетомъ сказали мнѣ мой пріятель, видя, какъ я интересуюсь маневрами незнакомаго воздухоплавателя.

„Вътролетъ“ круто повернулъ свой аппаратъ при помощи руля, быстро заработалъ педалями, сообщивъ огромнымъ колесамъ вращательное движеніе, распустилъ косою парусъ, и подгоняемый легкимъ вѣтеркомъ быстро помчался впередъ.

— Какимъ же образомъ опускаются и поднимаются на воздухъ любители такихъ аппаратовъ? задалъ я вопросъ своему пріятелю.

— Очень просто: для подьема слѣдуетъ только распустить паруса и работать педалями. Лопасты колесъ быстро наполняютъ паруса вѣтромъ и аппаратъ поднимается на воздухъ.

Когда желаютъ опуститься, мало по малу собираютъ паруса. Если ихъ почти убрать то аппаратъ опустится на землю.

Водяной самоплавъ.

Работа на свѣжемъ воздухѣ развила у насъ отличный аппегитъ.

Мой пріятель не замедлилъ заказать обѣдъ шустрому поваренку, спокойно дремавшему у своего несложнаго буфета.

Между тѣмъ аэроциклъ уже несся надъ моремъ, оставивъ позади живописные берега Колесіаны.

Во время обѣда, посмотрѣвъ внизъ, я невольно обратилъ вниманіе на движущіяся по морю точки.

Когда мы опустились ниже, я различилъ людей, скользившихъ по водѣ на необыкновенныхъ самокатахъ съ легкостью и быстротою водяныхъ стрекозъ.

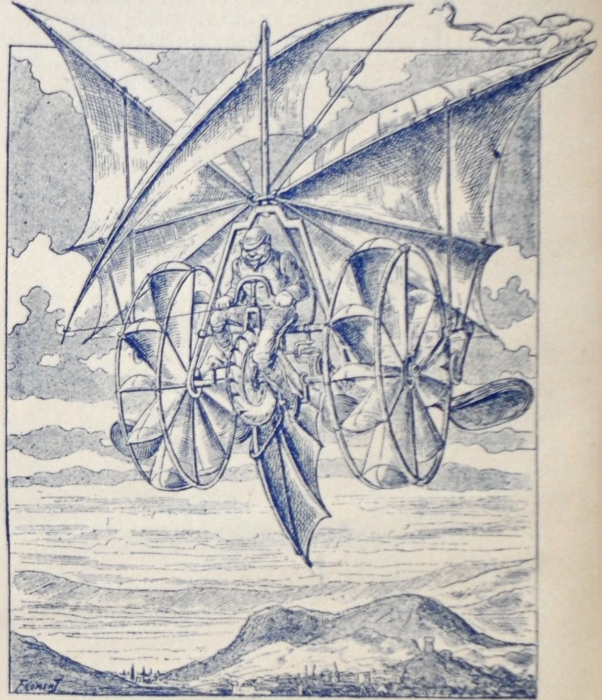
Это еще что за чудеса!? спросилъ я моего любезнаго спутника.

У насъ очень любятъ водяной просторъ, ска-

зали оны; какъ видите, это увлекающіеся фздой на своихъ годичныхъ самокатахъ. Видя мое изумленіе, колесіанецъ съ большой охотой разъяснилъ мнѣ:

Впрочемъ я позабылъ, что вы ничего не знаете о нихъ. Мы ихъ называемъ также любителями фзды на водяныхъ самоплавкахъ. Этотъ аппаратъ состоитъ изъ передняго колеса съ очень толстой надутой воздухомъ каучуковой шиной. Заднее колесо снабжено широкими лопастями, на подобіе мельничнаго и поддерживается при помощи двухъ пробковыхъ поплавковъ, прикрѣпленныхъ по бокамъ къ рамѣ.

Батюшки! да какая же это страна чудесъ! восклицать я.

Рулевой по моему просбѣ направилъ нашу аэроциклъ такимъ образомъ, что я могъ вблизи наблюдать за ихъ увраженіями. Среди нихъ преобладали трехколески, во я замѣтилъ также ебаного то шутника, который преспокойно разъезжалъ на самокатѣ изъ двухъ винныхъ бочекъ. По объясненіямъ оказалось, что чудакъ былъ не кто иной, какъ торговецъ пивомъ, предлагавшій свой товаръ спортсменамъ.

В виду простора пути, по которому они двигались, продажа спиртных напитков не возбраняется.

Когда на горизонт не видать покупателей пива, торговец занимается рыбной ловлей.

— Неужели на этих маленьких машинах, чуть не игрушечных, можно совершать продолжительные путешествия, спросил я своего спутника.

— Разумеется, улыбнулся он. Водяные самоплавки вполне пригодны для этой цели, так как отлично выдерживают какое угодно волнение.

Как вы видите, их тут плавает масса различных систем. Вот например мы как раз пролетаем над самоплавком-лодкой с качающимися боковыми плавниками.

Благодаря своей легкости и особому устройству, в брью они взлетают на самые высокие гребни

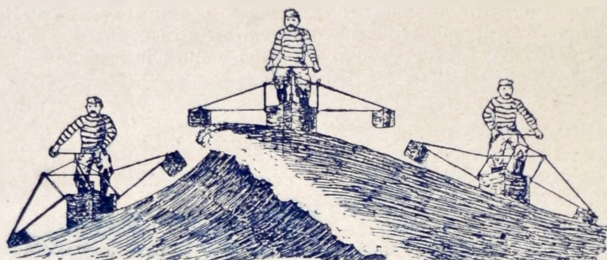

волн и никакой шторм их не может опрокинуть.

Их быстрота превосходит раз в десять быстроту самой легкой гоночной гички.

— Каким же образом эти путешественники на своих разнообразных снарядах находят путь в тех случаях, когда находятся в открытом море и на большом расстоянии от берега?

— Для этой цели имются плавучие буйки, раз-

ставленные между главными нашими портами, маяки и плавучие рестораны при них.

Кроме того туристы берут с собой на всякий случай запас пищи в свои дорожные сумки из непромокаемой материи.

Посмотревшись на быстрые движения этих снарядов, мы повернули к берегу; пролетая над заливом нам пришлось еще раз подивиться изобретательности колесанцев.

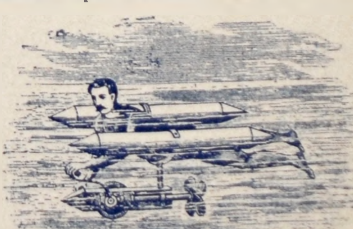
На этот раз это были больше любители купания чем любители дальних поѣздок; впрочем эффектный снаряд с парусом видѣлся не только вблизи берега, но и покачивался на значительном от него отдалении. Все же он главным образом предназначался для

моциона, так как плавательные пузыри замѣнены винтомъ внизу снаряда, каковой, само собой, приходится не

прерывно вращать, чтобы не попасть рыбамъ на обѣдъ. Этими снарядами пользовались уже достаточно опытные спортсмены, пренебрегающие маленькими опасностями. Другой снаряд, ирредназначенный исключительно для купанія, былъ крайне распространѣн въ этой местности, так как купающимися при помощи такихъ сигаръ была покрыта вся водная поверхность вблизи берега. На берегу мы замѣтили учителей, которые давали первые уроки молодежи или сѣдши за упражненіями больныхъ дѣлывшихся купаньемъ.

при помощи такихъ сигаръ

за упражненіями больныхъ дѣлывшихся купаньемъ.

Битва миролюбителей с войнолюбителями и размышления колесянца по этому поводу

Е УСПИТЬ я опомниться от удивления, вызванного этим необыкновенным зрелищем, как меня ожидал новый сюрприз.

Лишь только мы миновали залив, как с твердой земли послышался ужасный крик и шум.

Вонли ужаса, проклятий, брани, крики ненависти и бешенства, сливаясь в какую-то ужасную какофонию, наполнили воздух.

Мой приятель пришел в восторг, видя мое изумление.

— Я отлично знал, что этот день будет изобиловать для вас неожиданностями!

Воздушный снаряд остановился на несколько мгновений, и мы отлично увидели, как сражались две толпы народов. Их свирепые лица были искажены злобой.

— Это два враждебные друг другу народа — Мирюлюбители и Войнолюбители, по видимому они еще не собираются заключать мир.

— Как жаль, сказал я, рассматривая сражающихся, что эти люди не могут спокойно смотреть друг на друга: их лица так безобразны, зверски и смешны, что уже один этот вид мог бы их примирить.

— Пожалуй, согласился мой спутник, хотя по моему мнению, люди любить мир только тогда, когда они совершенно дика или вполне цивилизованы.

Признаюсь, меня поразило то обстоятельство, что эти дикари сражались на самокатах. На мой вопрос, откуда они получают машины и оружие, колесянец не замедлил объяснить, что и то и другое дикарям продают его соотечественники, так как во всем, что касается искусства и промышленности дикари совершенно невежественны. Единственная гордость этих несчастных, — искусство самоистребления.

Во мнѣ и въ моих спутниках это зрѣлище вызвало сильное отвращеніе и мы упростили рулевого продолжать путь дальше.

Однако съ подобными сѣбѣями вамъ приходится быть въ постоянномъ страхѣ! замѣтилъ я своему спутнику.

— О нисколько, возразилъ онъ.

— Наше высокое развитіе науки и техники совершенно отвѣло охоту нападать на насъ и потому уничтожило у насъ то, что называется военной доблестью. Проверьте что наши познанія въ области техники дѣлаютъ войну невозможной и отобьютъ всякую охоту у врага, не смотря ни на какую военную доблесть. Впрочемъ, намъ остается терпѣть это сѣбѣство еще всего нѣсколько лѣтъ: нѣтъ сомнѣнія, что дикари перестанутъ существовать.

— Какъ это?

— Они вырѣдятся отъ нищеты, потому что только миръ обезпечиваетъ достатокъ, онъ такой же кормилецъ людей, какъ земля.

— Но пока существуетъ злоба между челоуѣческими расами... замѣтилъ я.

— Между расами? что вы подозреваете подъ этими словами.

— Тоже, что и всѣ — людей неодинаковаго происхожденія.

— Вы шути-

те, разумеется, сказалъ мой приятель.

Развѣ не всѣ люди одного происхожденія? Спросите, откуда появляются бесчисленныя капли воды въ рѣкахъ впадающихъ въ океанъ. Точно такъ же и люди.

Между ними есть и дурные и хорошіе. Одни хотять войны, другіе мира. Вотъ вамъ и двѣ расы, если только онѣ существуютъ.

Только первые могутъ помѣшать людямъ любить другъ друга.

— Все это прекрасно, но что вы станете дѣлать въ случаѣ нападенія вашихъ сѣбѣей?

— Намъ совершенно достаточно послать на встрѣчу два военныхъ аэроцикла, чтобы побѣдить эти войско, какъ бы велико оно не было.

— Что же стануть дѣлать эти машины?

А вотъ что: во первыхъ каждая изъ нихъ вооружится электрическимъ аккумуляторомъ огромной силы. Затѣмъ онѣ нападуть на войско съ двухъ сторонъ и электрической токъ разгромитъ его во мгновеніе ока. Времени на это понадобится не больше, чѣмъ для простой прогулки. Впрочемъ опытъ показатъ этимъ варварамъ, что они вполне находятся въ нашей власти. Вотъ взгляните въ томъ направленіи, указалъ онъ мнѣ на отрядъ самокатчиковъ, быстро передвигавшійся по полю.

Военная „Демонстрация“.

Вы видите, это наши самокатчики маневрируют ввиду сражаю-

как солдаты пользовались усовершенствованной десятиметровой. Она так умно устроена, что на ней можно вьхать, переходить по ней через ручей, как по мосту, взбираться на крепостные стѣны, стрѣлять как изъ траншей и, наконецъ,

щихся дикарей, — пояснилъ колеснянецъ. Необходимо, чтобы они видѣли отъ времени до времени, что мы готовы къ защитѣ.

— Понимаю, — воскликнулъ я, а эти воздушные корабли очевидно, служатъ, говоря военнымъ терминомъ, „прикрытіемъ“ отряда самокатчиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „демонстраціей“ передъ неприятелемъ. Сообщи вамъ, добавилъ я, что и въ остальномъ мѣрѣ продѣлываютъ тоже самое, съ той лишь только разницей, что „брякаютъ“ оружіемъ на землѣ или на водѣ, у васъ же брякаютъ оружіемъ и въ заоблачныхъ высотахъ.

— Вотъ именно, согласился мой спутникъ, но мы никогда не нападаемъ на нихъ, но работаемъ, чтобы мирнолюбивые сосѣди не пострадали отъ ихъ безумія. Вотъ почему Бокканегры, покровительствуемые нами, нисколько ихъ не боятся.

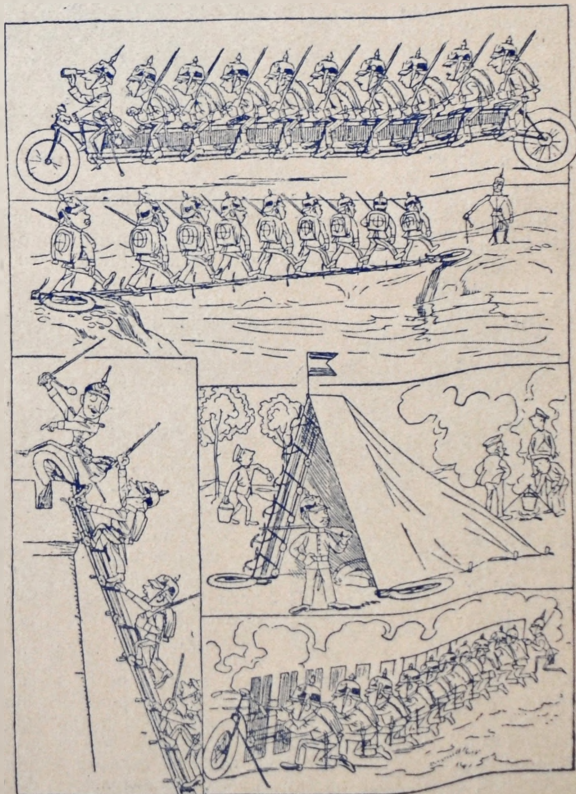
Военно-самокатные упражненія и военно-самокатная полиція.

РУЛЕВОЙ въ это время замедлилъ полетъ аэроцикла и закрылъ вертикальную трубку: — Вы, какъ видно, интересуетесь нашимъ военнымъ дѣломъ, — сказалъ мнѣ предупредительный спутникъ, — и мнѣ кажется удастся показать еще нѣчто изъ военно-самокатнаго міра.

— Не тамъ ли? — указалъ онъ рулевому и мы помчались въ сторону.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ мы настигли цѣлую роту, и могли видѣть,

пользоваться ею въ часы отдыха.

ОКА мы обсуждали выгоды десятилетия, наш аэроцикл оказался над какими то быстро движущимися точками. Чтобы рассмотреть их, мы спустились пониже, что и дало нам возможность наблюдать, как лихо мчались закованные в непроницаемые, но мягкия латы самокатчики,

въ погонѣ за какими то подозрительными личностями. Тѣ удирали во всѣ лопатки не хуже любаго изъ нашихъ гонщиковъ и очевидно было, что закованнымъ въ латы людямъ не догнать одѣтыхъ легко бѣглецовъ, но видно судьба имъ не благопріятствовала. Не успѣли они скрыться въ глубокой долинѣ, предполагая, что благополучно отбѣлались отъ погони, какъ вдругъ дорога свела ихъ съ четверью стражниками на четырехмѣсткѣ. Они также были закованы въ латы, на

этомъ разѣ настоящія и, въ противоположность другимъ, выказывали полное хладнокровіе. Сойдя съ машины, они поставили ее поперекъ дороги, сами стали по бокамъ и переловили всѣхъ бѣглецовъ. Къ нимъ на помощь подоспѣли и отставшіе далеко латники.

Прошлое еще нѣсколько минутъ и мы прибыли къ мѣсту назначенія и готовились высадиться.

— А вотъ и его величество, король Бокканегровъ, сѣшьте намъ на встрѣчу, — сказалъ колесиа-

нецъ, указывая рукой на свѣтлую ленту шоссе, обсаженного великолѣпными пальмами, по которому быстро двигался цѣлый поѣздъ самокатчиковъ, во главѣ съ перемоніемейстеромъ; восемь рослыхъ и хорошо тренированныхъ негровъ быстро везли на буксирѣ трехколеску своего повелителя; крошечный, черный какъ сапогъ негритенокъ дер-

жалъ надъ нимъ, въ защиту отъ солнца, большой зонтикъ.

Его величество подоспѣлъ къ тому моменту, когда мы остановились у платформы, предназначенной для аэроцикловъ и успѣли сойти на землю. Повелитель Бокканегровъ, уже узнавши по телефону о моемъ прѣздѣ, приветствовалъ меня съ изысканной вѣжливостью. Послѣ неизбежныхъ въ такихъ случаяхъ взаимныхъ комплиментовъ — конечно, при посредствѣ моего пріятеля какъ переводчика, мы сѣли на самокаты и по отличному шоссе покатали къ цирку, гдѣ многочисленная пуб-

лика давно уже оглашала воздухъ дикими криками и рукоплесканіями, въ ожиданіи начала представленія, не уступая въ своемъ рвеніи петербургскимъ посѣтителемъ райка.

Бой быковъ у Бокканегровъ.

— Однако мы порядочно запоздали, сказалъ мой товарищъ, — всему виной та остановка, которую мы сдѣлали на пути по вашей просьбѣ.

Мы поторопились войти во внутрь цирка и занять почетныя мѣста. Циркъ представлялъ собой огромную арену на открытомъ воздухѣ, вокругъ которой возвышались мѣста для публики. Въ ту

минуту какъ мы входили раздался цѣлый взрывъ аплодисментовъ чернокожей публики; быкъ ловкимъ ударомъ роговъ высоко подбросилъ инкадора на воздухъ.

Послѣдній, какъ ни въ чемъ ни бывало снова сталъ на ноги, продѣлавъ невольное сальтомортале. Нечего и прибавлять, что всѣ дѣйствующіи лица, не исключая и быка, были на самокатахъ.

БЫКЪ продѣлалъ ту же штуку со вторымъ и съ третьимъ пикадоромъ. Какой-то длинноногий бандерильеръ, держа въ рукахъ свою бандерилью, гордо приблизился къ животному. но и онъ раздѣлилъ участь товарищей. Быкъ, раздувая ноздри и сокрушая самокаты, продолжалъ свой побѣдоносный бѣгъ по аренѣ. Наэлектризованная зрѣлищемъ и дикой музыкой, толпа требовала смерти быка.

Тогда на арену выступили торреадоры, вооруженные шпагами и обернувшись въ нашу сторону, салютовали публикѣ своимъ оружіемъ.

Не мѣшкая, они храбро бросились на быка.

Тотъ въ свою очередь ринулся на самокаты враговъ.

Шпаги торреадоровъ безжалостно вонзились въ его широкіе бока и животное тотчасъ же рухнуло на землю.

Изъ глубокихъ ранъ хлынула ручьемъ кровь.

И, о ужасъ! побѣдители подставляли стаканы и съ жадностью ее пили, точно это была награда за ихъ побѣду.

Толпа подняла невообразимый шумъ.

Испуская дикіе воли, мужчины и женщины лѣзли на сцену, каждый хотѣлъ наполнить свой стаканъ и полакомиться кровью побѣжденного быка.

Самъ король оралъ во всю силу своихъ легкихъ и я увфренъ, еслибы не наше присутствие, принялъ бы участіе въ общей свалкѣ. Первая половина спектакля на этомъ закончилась.

— Не хотите ли и вы выпить стаканчикъ? спросилъ меня небрежно колесіанецъ.

— Очень вамъ благодаренъ за предложеніе, сказалъ я брезгливо поморщившись.

— Право, попробуйте. это великолѣпный напитокъ, продолжалъ онъ настойчивѣе.

— Развѣ это не кровь? спросилъ я, замѣтивъ, что жидкость въ стаканахъ имѣла великолѣпный золотистый цвѣтъ.

— Что вы сказали? кровь!?

Пожалуй вы думаете, что это настоящий быкъ! вскричалъ колесіанецъ и залился звонкимъ смѣхомъ: какъ только я сообразилъ, что его предположеніе вѣрно, онъ повелъ меня къ быку.

Передо мною дѣйствительно оказался механической быкъ, внутри котораго находилась бочка съ виномъ, опорожненная на половину побѣдителями.

Механизмъ представлялъ послѣднее слово техники. Всѣ части были такъ остроумно устроены, движенія автомата отличались такой точностью, что могли внести въ заблужденіе кого угодно.

— Теперь вы убѣдились, что мы не такъ жестоки, какъ это вамъ казалось раньше: представленіе это имѣло цѣлью только повеселить и позабавить публику.

— Вы правы, сказалъ я, краснѣя за свою ошбку.

Добродушный колесіанецъ крѣпко пожалъ протянутую мною руку.

Галла-дивертисментъ.

ОСЛЪ антракта, когда зрители разсѣялись по своимъ мѣстамъ, второе отдѣленіе началось съ очень головоломнаго упражненія: по высокому и очень узенькому барьеру сдѣлалъ нѣсколько круговъ эквилибристъ атлетическаго сложенія. Къ рулю и педалямъ его моноцикла были остроумно прикрѣплены плетеная стулья, на которыхъ сидѣли двое его помощниковъ. Атлетъ безъ особаго труда двигалъ этотъ живой грузъ, но когда предложилъ охотникамъ изъ публики замѣнить его помощниковъ, то не нашелъ ни одного желающаго.

Намъ еще показывали великолѣпно дрессированныхъ лошадей — животныхъ столь же рѣдкихъ въ странѣ колесіанцевъ, какъ носороги въ Европѣ. Лошади продѣлывали съ необыкновеннымъ искусствомъ различныя штуки на самокатахъ и срыпали шумные аплодисменты развеселившейся послѣ даровой выпивки черной публики. Я разсказалъ своимъ сосѣдямъ о роли, которую играетъ въ жизни европейцевъ лошадь, но слушатели отнеслись къ моему разсказу очень недобѣрливо.

Они не могли себѣ представить чтобы въ культурныхъ городахъ съ огромнымъ населеніемъ существовали десятки тысячъ лошадей, загрязняющихъ и портящихъ улицы и площади.

УПРОМЬ лошадей, показывавших свою ловкость на всевозможных системах самокатов, были выведены несколько прекрасно дрессированных экземпляров: быков, баранов, даже свиней.

Конечно, эти животные меня не могли удивить так как клоун Дуров уже много лет показывает чудеса со всевозможными животными, но мне да и вообще где либо в Европе не приходилось видеть на самокатах кого либо кроме его степенства слона, разбавившего на грандиозной трехколеске.

Поэтому можете представить себе мое восхищение, когда лошади стали крутиться на двухколесках или когда бык будто нечаянно кубарем слетал с высокого паука, а смиренные овечки принимали на самокатах уморительные позы. Свины всяких величин дополняли оживление; особенно понравилось публике, как здоровый кабан изображенный околоточным, делал хрюканьем замечание крутившейся по цирку молодой свинке, о том, что у нея фонарь на самокатах потух; свинка каждый раз нажимала кнопку и зажигала электрический фонарик.

Но вот веселый номер программы праздника закончился, шум и крики в публике утихли... на арену плавно и медленно выехал на самокатах рыцарь, бронированный с ног до головы.

Рыцарь величественно двинулся вдаль трибун как бы желая показать зрителям каковы он на вид. Зрители одобрительно покрикивали, а иные до того увлеклись, что приходилось их успокаивать ршительными мфрами.

Как видите, сказать мне колеснице, это не черны из племени Бокканегров, это наш одноплеменник из Колесограда.

— Другими словами, заметил я ему, это то, что у нас называется гастролеръ т. е. иностранец, или хотя бы житель другого города, приехавший дивить своим искусством свѣтъ.

— Вот именно, отиѣтил колеснице, и Бокканеграмъ приходится въ тридорога платить этимъ гастролерамъ, такъ какъ, у этого добродушного народа Бокканегровъ, не хватаетъ лихости и молодцеватости, чтобы возбудить въ зрителяхъ восторгъ своимъ гладиаторскимъ боемъ.

Пока мы обмѣнивались этими фразами, рыцарь обѣхалъ весь кругъ и, не слѣзая съ самоката, остановился оперевшись на копые, острие его вонзивъ въ землю. Въ это время на арену выѣхало нѣсколько другихъ рыцарей.

Сразу бросалось въ глаза, что первый рыцарь былъ вооруженъ острымъ копьемъ. тогда какъ всѣ другіе держали въ рукѣ копые съ тупымъ концомъ, какъ на нашихъ фехтовальныхъ рапирахъ.

— Въдь это несправедливо, замѣтилъ я.

— Вы всетаки думаете, что рыцарь будетъ сражаться этимъ острымъ копьемъ, возразилъ колеснице, о мы не такіе варвары, это копые не

болѣе какъ почетный знакъ, каковой имѣеть право держать въ рукѣ только побѣдитель послѣдняго дня, пока онъ не будетъ побѣжденъ кѣмъ нибудь другимъ. Для состязанія же ему придется взять тупое копые.

Между тѣмъ рыцарь-побѣдитель подѣхалъ къ группѣ остальныхъ рыцарей и, какъ это было обычаемъ въ средние вѣка въ Европѣ, бросилъ на землю свою перчатку.

ОНЕЧНО, противники не заставили себя ждать и один из них, опередив других, поднял перчатку

Сейчас же начался бой. Каждый старался столкнуть своего противника съезда; для этого им приходилось крутиться

один ввозлѣ другого, или внезапно повернувшись въ другую сторону, отъѣхать съ тѣмъ чтобы, налетѣвъ на противника съ разгону, ловкимъ ударомъ свалить его на землю.

Копья ломались, звенѣла сталь и неумолчно кричали зрители, пока одинъ изъ гладиаторовъ не палъ на землю.

Такъ билось нѣсколько паръ, пока публика не была удовлетворена.

Когда все успокоилось послѣ продолжительныхъ оваций побѣдителю, этотъ серьезный номеръ программы замѣнился комическимъ.

На арену выкатили громадный самокатъ и вывели слона. Очень было забавно, какъ громадное животное, ставъ лѣвой

задней ногой на педаль, другую ногу переносило черезъ раму на правую педаль. Ловкость его была поразительна: слонъ, то занимался ѣздой на тихой

ходѣ, то красиво выдѣлывалъ крутые повороты; единственное на что этотъ слонъ не былъ способенъ,—то пролѣзть сквозь раму самоката.

Цѣлый десятокъ клоуновъ избрался на спину умнаго животнаго и подъ звуки музыки они прокатились по аренѣ. Меня очень поразило, что клоуны были въ цилиндрахъ, но какъ оказалось цилиндръ на этомъ чудномъ островѣ былъ самымъ клоунскимъ головнымъ уборомъ, какъ самый уморительный изъ всего, что могли придумать.

„Не дурную рекламу самокатной фирмѣ дѣлаетъ этотъ ѣздокъ“, невольно подумалъ я.

Еще слонъ продолжалъ раздѣзжать по аренѣ,

пускаясь такимъ аллюромъ, что невольно становилось жутко за шутковъ на его спинѣ, какъ выѣхала десятимѣстка, съ десятью музыкантами, производившими на своихъ разнообразныхъ инструментахъ такой дикій концертъ, что публика затыкала уши и спѣшила отойти подальше.

Это лучшее средство заставить публику разойтись по домамъ, дѣйствительнѣе даже, чѣмъ обливать изъ пожарной трубы, а то, какъ видите, иначе публику не выгонили съ чистаго воздуха.

Десятимѣстка приближалась къ намъ и крайние изъ музыкантовъ яростно били по барабанамъ, замѣняющимъ колеса.

А не пора ли намъ вернуться домой, нерфшительно обратился я къ моему приятелю.

— Что вы, милѣйшій, отвѣтили мнѣ почтенный отецъ многочисленнаго семейства — въ кои вѣки урвешься изъ дому, а вы тороните обратно. Теперь еще только одиннадцать часовъ, самое время для визита въ какое нибудь веселое мѣстечко. Кстати, сегодня бенефисъ одной знаменитой чернокожей пѣвички въ саду „Ай люли“.

У меня ужъ и извозчикъ нанятъ—въ пять минутъ насъ доставитъ, не даромъ ему хорошо плачу. На прошлой недѣлѣ онъ выигралъ мѣстный чемпионатъ и теперь еще больше набилъ себѣ цѣну.

Какъ только мы вышли изъ цирка, къ намъ подѣхалъ черномазый самокатчикъ, приводившій въ движеніе трехколеску съ двумя удобными мѣстами для пассажировъ и поощряемый общаніемъ „на чай“, вихремъ помчался по великолѣпному, залитому асфальтомъ проспекту.

„Ай люли“.

Знаменитое увеселительное заведеніе походило на питерскія учрежденія этого рода. Только чахлыя березки замѣнялись роскошными пальмами, да вмѣсто румынскаго оркестра терзали уши публики „оркестръ колеса“, о которомъ я уже нѣмѣлъ удовольствіе вамъ говорить раньше.

Мы расположились въ одной изъ боковыхъ ложъ и были совершенно скрыты отъ остальной публики тяжелыми драпировками.

Очевидно, мой патронъ, извѣстный многимъ въ публикѣ, какъ лицо, занимающее видное общественное положеніе, находилъ неудачнымъ афишировать свое присутствіе въ кафѣ шантанъ.

Какъ онъ мнѣ этимъ напомнилъ родной Питеръ и милѣйшаго дядюшку Петра Петровича, директора департамента!

Утомленный впечатлѣніями этого дня, я мало интересовался происходящимъ на сценѣ и только знаменитый теноръ Дериглотъ, выѣхавшій изъ за кулис на высокоомъ бициклѣ и самъ аккомпанировавшій себѣ на этомъ инструментѣ, вывелъ меня изъ нѣкоторой апатіи.

— Слушайте, слушайте, шепнулъ мнѣ мой приятель: это отходящая въ вѣчность знаменитость. Производилъ необычайный фуроръ, въ честь его писали оперы, стихи,

романы, о психопаткахъ—поклонницахъ я ужъ и не говорю: имъ просто числа не было. Находились такія, что педали отвинчивали на память, да всего и не перечести! Первымъ пѣвцомъ себя считалъ во всемъ мѣрѣ да и требовалъ себѣ королевскихъ почестей. Однажды (его пѣние тогда еще не напоминало кошачьяго концерта), давненько ужъ это было, одного колесянца, взду-

мавшаго отнести къ знаменитости, какъ къ простому смертному, Дериглотъ велосипеднымъ насосомъ въ кровь избилъ.

— Скажите пожалуйста! замѣтили невольно я—совсѣмъ какъ у насъ.

Послѣ того какъ теноръ въ сотый разъ раскланялся съ аплодирующей публикой и безповоротно скрылся за занавѣсью, были показаны публикѣ комическіе номера

дивертисмента чтобы дать нѣкоторый отдыхъ разннченнымъ нервамъ взволнованной публики.

На самокатѣ выѣхалъ эквилибристъ, весь обвѣшанный прикрѣпленными къ корпусу, ногамъ и даже головѣ колесиками. Этотъ номеръ назывался „дѣйствительно безопасный самокатъ“: эквилибристъ съ успѣхомъ доказалъ это, со всего размаха

кувыркаясь съ самоката: какъ бы онъ не падалъ, всегда онъ оказывался на колесикахъ, то онъ катился на спинѣ, то на колѣняхъ, то на головѣ, а для окончательнаго изумленія публики ходилъ колесомъ и вертѣлся волчкомъ.

**Нѣсколько №№-въ дивертис-
мента.**

А этимъ номеромъ другой самокатчикъ показывалъ наибѣрѣйшій способъ совладать съ упрямымъ пѣшеходомъ не желающихъ понять, что самокатъ долженъ имѣть такія же права гражданства, какъ и пѣшеходное движеніе.

Вмѣсто предупредительныхъ звонковъ, на которые пѣшеходы не желаютъ обращать вниманія и зачастую не уступаютъ дорогу, самокатчикъ приспособилъ выпуклый щитъ, которымъ автоматически закрывался упрямый пѣшеходъ, а самокатчикъ переѣзжалъ по щиту яко по мосту съ удовольствіемъ для себя и безъ вреда для пѣшехода.

Пекторъ увлекательно читалъ описанія поѣздокъ, показывалъ наиболѣе удачные снимки, объяснялъ различныя важнѣйшія новости въ устройствѣ самоката, иллюстрировалъ послѣднія гонки на чемпионатъ Коле-

сограда, не замѣчая, что инныя картины приходились „кверху колесами“.

Послѣ туман-

ныхъ картинъ снова выступилъ теноръ.

Наконецъ тенора смѣнила „Звѣзда Боканегр-скаго пѣнія“, единственная и не подражаемая М-ле „Тарарабум-бія“.

Вся публика вообще, а мой сосѣдъ въ особенности, были въ восторгѣ отъ ея пѣнія и вызывали не

было конца. Онъ послалъ ей на сцену букетъ съ приглашеніемъ на ужинъ.

Къ сожалѣнію, мой почтенный пріятель быстро осонѣлъ отъ шампанскаго и крѣпко заснулъ въ предательскомъ мягкомъ креслѣ отдѣльнаго кабинета, куди мы перебрались.

Не буду подробно перечислять все что было дальше, хотя можетъ быть рассказъ и показался бы ин-тереснымъ, но...

прежде всего я самъ то плохо припоминаю что было.

Мы и не замѣчали, какъ легло время, но когда я взглянулъ на часы, то пришелъ въ ужасъ: стрѣлка показывала половину четвертаго. Послѣдній аэроциклъ отходилъ черезъ десять минутъ.

Мои попытки разбудить своего патрона не сразу привели къ результату: наконецъ онъ пришелъ въ себя, и узнавъ что проспалъ добрыхъ часа три, сильно разсердился, поднявъ цѣлую исторію изъ за приписанной къ счету по ошибкѣ бутылки содовой воды и былъ почему-то очень сухъ со мною.

Возращеніе домой.

Мы едва успѣли занять мѣста въ аэроциклѣ, переполненномъ какъ воскресный дачный поѣздъ, какъ онъ поднялся и стрѣлой полетѣлъ по одному направленію.

Такъ какъ было темно, я не могъ толкомъ разобрать, черезъ какія мѣста мы летимъ и имѣть ли чего новаго для меня, что меня заинтересовало бы. Помню, что очень часто мелькали на дорогахъ, когда мы перемѣняли ихъ, какія то снопы лучей, оказывавшіеся фонарями самокатчиковъ, освѣщавшими себѣ путь среди адской темноты.

Одинъ разъ, когда мы, онутившись почти къ самой землѣ и освѣщая себѣ путь громадными фонарями, неслись надъ полотномъ прекраснаго шоссе, оказавшагося намъ по пути, вдругъ какой то субъектъ ловко „присѣнился“ за нашимъ аэроцикломъ, какъ присѣпляются гонщики къ лидерамъ на гонкахъ и, къ моему удивленію, держался за нами довольно долго.

прикинул по секундомѣру время, что было очень удобно, такъ какъ мѣры Колесограда оказались равны верстамъ: одна верста колесоградская равнялась пятистамъ окружностямъ колеса, что ровненько составляло пятьсотъ саженъ.

Прикидывая по верстамъ, я убѣдился, что сей спортсменъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нами со скоростью, ни болѣе ни менѣ, какъ сто пятьдесятъ верстъ въ часъ.

— Но это невѣроятно, — воскликнулъ я.

— Нисколько, — хладнокровно замѣтилъ мнѣ рулевой (мой пріятель опять забылся сномъ праведника); посмотрите на его посадку и при этихъ словахъ рулевой направилъ на него лучъ фонаря.

Тогда я все понималъ: субъектъ согнулся не въ три, какъ пишутъ въ газетахъ, а въ четыре погибели, просунулъ голову сквозь руль въ видѣ кольца и правилъ шею, а руками вертѣлъ педали на переднемъ колесѣ. Мчался онъ за нами, высуня языкъ, но не отъ натуги, а исключительно для того, чтобы дразнить насъ.

Чтобы отъ него отдѣлаться, намъ пришлось свернуть съ дороги въ болото, гдѣ онъ и застрялъ.

Мы скоро подлетѣли къ Колесограду.

Очень надѣялись пройти незамѣченными въ свои комнаты, но надежды, какъ водится, не оправдались. Бѣдняга крѣпко стиснулъ мою руку и едва слышно прошепталъ: — Ни кому ни слова!

Я проскользнулъ въ свою комнату съ проворствомъ угря, вѣроломно оставивъ бѣднаго друга, съ глазу на глазъ съ тещей.

До моихъ ушей еще долго долеталъ шипящій, нравоучительный голосъ старухи и робкіи басы моего оправдывающагося друга.

Но наконецъ настала тишина, сонъ смежилъ

мои очи. Вы поймете, что въ эту ночь я видѣлъ но снѣ страшное количество всевозможныхъ самокатовъ, самокатчиковъ и самокатчицъ, летающихъ

мнѣ въ ротъ и жужжащихъ въ уши, какъ жужжать комары надъ ухомъ засыпающаго путешественника.

День состязаній.

ЧЕВИДНО я крѣпко спалъ въ эту ночь, такъ какъ меня едва удалось разбудить. Мой пріятель колесіанецъ (его звали Иванъ Колесо о чемъ я все забывалъ вамъ сообщити; какъ оказывается Ивановъ не только у насъ несмѣтное множество, но они чуть ли не приходится далекой родней жителямъ страны колеса) уже нѣсколько минутъ трясъ меня за руку и я, пожалуй, еще не скоро бы проснулся если бы онъ не догадался крикнуть мнѣ въ ухо:

— Пріѣхали, станція «Вылъзайка»; поѣздъ стоитъ 0 минутъ!..

Тутъ только я вскочилъ:

Станція?! Куда, гдѣ...? Ахъ это вы, г-нъ Колесо!

Трудно же было васъ добудити, посмѣялся Колесо, но теперь подымайтесь-ка живо; моя благовѣрная разрѣшила намъ немного попутешествовать по «странѣ колеса» и намъ не придется къ ночи возвращаться домой.

Такой благопріятный поворотъ дѣла заставить меня мигомъ одѣться и поспѣшить на аэроциклъ, дожидавшійся насъ у подъѣзда. Всѣ еще спали и потому мнѣ не пришлось сказать чадамъ и домашцамъ моего пріятеля «добрый день».

Рѣшено было дать вечеромъ вѣсточку о себѣ.

Аэроциклъ летѣлъ по тому же направленію какъ и прежде, но не отклоняясь отъ дѣли своего полета — страны Бокканегровъ, что объяснялось весьма просто: не выпавши за короткіе часы ночи, я не могъ удержаться, чтобы не вздремнуть, упросивъ предварительно рулевого избѣгать на своемъ пути всего, что можетъ показаться интереснаго, — чтобы мнѣ не пришлось жалѣть потомъ.

Впрочемъ, небезпокойтесь, утѣшаль меня Колесо, вы не уѣдете отсюда, пока не пересмотрите всего, что есть у насъ интереснаго.

Наконецъ, мы прилетѣли въ страну Бокканегровъ, но не въ тотъ же городъ, гдѣ были вчера, а въ другой, гдѣ какъ разъ должны были происходить состязанія на самокатахъ. Намъ затѣмъ предстояло облетѣть еще нѣсколько пунктовъ, гдѣ также должны были состояться такъ сказать уѣздныя состязанія, для того, чтобы побѣдители въ этихъ уѣздныхъ состязаніяхъ встрѣтились въ состязаніяхъ губернскихъ. Наконецъ, побѣдители въ провинцiальныхъ состязаніяхъ должны были прибыть въ главный городъ страны Бокканегровъ, гдѣ въ окончательномъ состязаніи рѣшался вопросъ о томъ кто изъ рѣзвѣйшихъ ѣдоковъ самый рѣзвѣй.

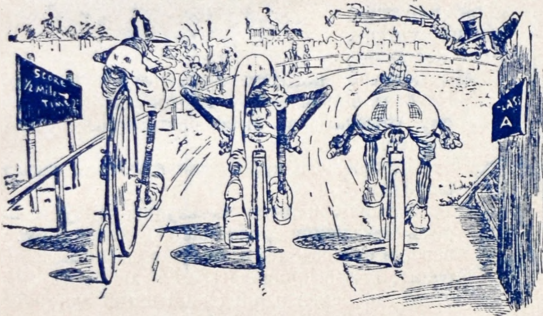
Другими словами, въ этомъ окончательномъ состязаніи гошцикамъ предстояло состязаться изъ за званія «чемпионистаго изъ чемпионовъ» страны Бокканегровъ.

ВАМЪ пришлось постѣтить много городовъ, обладающихъ, конечно, каждый своимъ названіемъ, какъ это водится повсюду, хотя бы весь городокъ состоялъ изъ десятка домиковъ; но, къ сожалѣнію, я никакъ не могъ запомнить ихъ названія на этомъ тарабарскомъ нарѣчьи и даже не всегда могъ уловить звуки. Изъ которыхъ состоятъ эти слова; поэтому я узналъ, что эти слова обозначаютъ и буду называть ихъ вамъ въ русскомъ переводѣ.

„Стремглавъ Летаевскъ“.

Прежде всего мы прилетѣли въ городокъ „Стремглавъ Летаевскъ“, называвшійся такъ, надо

полагать, изъ уваженія къ склонности жителей къ быстрой ѣздѣ. По крайней мѣрѣ этихъ самыхъ жителей намъ такъ и не удалось хорошенько раз-смотреть, до того они быстрокатилиминомъ на своихъ машинахъ.

На циклодромѣ мы также не встрѣтили публики; если бы ее подпустить близко, она немедленно же пустилась бы по треку, но за то же и скорости достигали у жителей „Стремглавъ Летаевска“...!

— Начинается, — сказала мнѣ мой пріятель Иванъ Колесо, въ ту минуту, какъ трекъ, безъ какого либо намека на виражи показался передъ нашими глазами во всей своей красѣ.

Дѣйствительно, стартеръ выстрѣломъ только что далъ сигналъ къ началу состязанія.

Трое гончиковъ уморительно рванулись изо всѣхъ силъ, но, не въ примѣръ прочимъ, никто изъ нихъ не хотѣлъ пользоваться спиной другаго въ качествѣ лидера и потому они продолжали ѣхать рядомъ. Мы подождали конца состязанія и, къ нашему удивленію, они такъ и пришли рядомъ, голова въ голову, колесо къ колесу и носъ къ носу...

Покинувъ этотъ городъ, нашъ рулевой справился съ росписаніемъ состязаній и рѣшилъ,

что мы еще можемъ посѣтить, хотя бы къ концу чемпионата города „Центръ Бокканегрской Души“.

„Центръ Бокканегрской Души“.

Сейчасъ же мы помчались и послѣ четверти часа стремительнаго полета очутились надъ негритянскимъ циклодромомъ. Этотъ „Центръ Бокканегрской Души“ былъ населенъ исключительно чернокожими франтами и потому они вели себя какъ хотѣли, не стѣсняясь рѣдкими гостями.

Я не стану описывать гонокъ подробно, т. к. это отняло бы много времени; замѣчу только, что гонщики, одѣтые въ очень откровенные костюмы, какъ это, впрочемъ, дѣлается и у насъ, звонко переругивались, не признавали носоваго платка, удачно плевали въ спину обходившаго соперника и позволяли себѣ многое другое, о чемъ принято умалчивать. Интересно, что эти негритянскіе спортсмены никакъ не могли согласиться, что возможно обойтись безъ подсыпанія гвоздей своимъ конкурентамъ.

Смотрите, у него во рту гвозди, указывалъ самый наглый изъ нихъ гонщикъ, самъ едва пережевывая гвозди въ собственномъ рту. Тому, на кого этотъ наглець указывалъ, пришлось нѣсколько разъ плюнуть ему въ физиономію, чтобы убѣдить его, что у него гвоздей нѣтъ.

— Неужели васъ не поражаетъ поведеніе этихъ господъ? спросилъ онъ меня.

— Нисколько — я часто видѣлъ гонки у насъ въ Петербургѣ и долженъ сознаться, что наши гонщики вели себя немногимъ лучше вашихъ.

Бѣдный колесанецъ сидѣлъ какъ на иголкахъ и поминутно восклицалъ: какая невоспитанность что за безцеремонность!

Передъ однимъ изъ заѣздовъ стартеръ выстрѣломъ изъ револьвера отхватилъ ногу до колѣна какому-то неосторожному товарищу. Тотъ заоралъ не своимъ голосомъ, прыгая на уцѣлѣвшей ногѣ. Тутъ ужъ и я не выдержалъ и съ нѣкоторой гордостью сообщилъ колесанцу, что у насъ такихъ звѣрствъ не бываетъ: въ худ-

шемъ случаѣ дѣло ограничивается однимъ мордобитіемъ.

ОКА мы подумывали, что пора лететь дальше, потерпевший бокканегр сдѣлалъ себѣ самую примитивную перемычку и съ аппетитомъ глоталъ отстрѣленную ногу.

— Какое безобразіе: неужели здѣсь еще существуетъ людоедство?— удивился я.

— О нѣтъ, каннибализмъ, когда то, дѣйствительно очень распространенный у Бокканегровъ, теперь запрещенъ подѣ страхомъ суровыхъ наказаній. но кто же можетъ запретить этому дикарю скушать собственную ногу. Для него это теперь пожалуй, единственное утѣшеніе.

Стараясь не смотрѣть на такое дикое зрѣлище, мы стали внимательнѣе разсматривать какъ разыгрывается чемпионатъ и, волей неволей, принуждены были расхохотаться: недовольствуясь страшною быстротою негритянского чемпиона, лихо закончившаго финишъ на изодранныхъ шинахъ, стартеръ

еще „улучшалъ рекорды“ передвигая пальцемъ стрѣлки огромнаго хронометра.

Очевидно, послѣ отстрѣленной ноги, магическаго хронометра и не менѣе удивительнаго фотографическаго аппарата намъ не удастся увидѣть что либо еще замѣчательнѣе, и потому мы, не мѣшая, снялись съ якоря.

Тѣмъ болѣе, что намъ надо было спѣшить.

Только что мы поднялись надъ вершинами роскошныхъ пальмъ, нашъ рулевой круто повернулъ аэроциклъ, предварительно сговорившись съ моимъ руководителемъ: рѣшено было посѣтить одну колонію колесіанцевъ-плантаторовъ, колонію заброшенную среди деревень чернокожихъ дикарей.

„Отголосокъ родины“.

ЭТА колонія обладала чувствительнымъ для патріотическаго сердца названіемъ „Отголосокъ родины“.

Правду сказать, мы попали въ эту колонію крайне неудачно, если не считать, что намъ посчастливилось оказать помощь гонщикамъ, потерпевшимъ крушеніе.

Вся масса гонщиковъ, человекъ десять, мчалась

кучно и мчалась настолько усердно, что не замѣчала какъ упалъ ѣдущій впереди другихъ и какъ затѣмъ падали, натыкавшись на эту, все увеличивающуюся груду тѣлъ, остальные гонщики.

Во мгновеніе ока выросла саженная куча. Въ слѣдующее мгновеніе эта куча стала шевелиться и расплзаться, каждый стараясь выволочить свою изломанную машину.

— Батюшки,

и онъ попалъ въ эту кашу!

плакался нашъ рулевой.

Оказываясь, нашъ рулевой узналъ

своего родственника въ коренастомъ

человѣчкѣ или вѣрнѣе въ клѣтчато-

мъ костюмѣ.

Мы конечно поспѣшили къ нему на помощь.

Не безъ большаго труда намъ удалось помочь ему отыскать въ пыли растерянные зубы и шарики.

Хорошо, что зубы были вставные, какъ и шарики.

Вложивъ шарики во втулки, а зубы въ ротъ неудачному родственнику нашего рулевого, и смазавъ тѣ и другіе смазочнымъ масломъ, мы распрощались, сѣли по своимъ мѣстамъ и, немедля ни одной пятой части секунды, ринулись по безбрежному простору.

„Поѣжай прямо“.

ЛЕТѢТЬ намъ предстояло не мало, такъ какъ изъ страны Бокканегровъ нужно было вылетѣть и затѣмъ влетѣть въ крайне своеобразную страну съ чрезвычайно сгѣшнымъ населеніемъ. И зрители и гонщики были удивительны!

Въ одномъ изъ городишекъ этого народца ожидалось окончательное состязаніе между двумя лучшими ѣздоками.

Къ сожалѣнію состязаніе кончилось ничѣмъ и жители этого городка, называвшагося „Поѣжай прямо“ такъ

и остались безъ своего представителя на всѣмъ ожидаемыхъ окончательныхъ гонкахъ.

Вотъ мы и подлетаемъ, проговорилъ наконецъ колесіанецъ, послѣ того, какъ показавшаяся вдали на горизонтѣ свѣтлая точка выросла въ большой чистенькій городокъ.

По всѣмъ дорогамъ къ центру городка „Поѣжай прямо“ къ циклодрому стремилось все населеніе.

А афишахъ громадными буквами было напечатано:

Съ дозволенія начальства:
Городъ Поѣзжай прямо.

Последнее
окончательное сногшибательное
Гала-состязание
двухъ нашихъ лучшихъ извѣстныхъ
несравненныхъ доморощенныхъ
быстро быстро быстрокатчиковъ

И публика валомъ валила.

— Смотрите, какъ много зрителей тянется къ циклодрому,—замѣтилъ я колесянцу.—у насъ бы въ газетахъ пропечатали, что на это зрѣлище собрался весь городъ.

— Да здѣсь такъ и будетъ,—подтвердилъ г. Колесо,—всѣ положительно жители будутъ присутствовать на этомъ праздникѣ.

— Ну, а какъ же оставляютъ квартиры безъ присмотра,—изумился я.

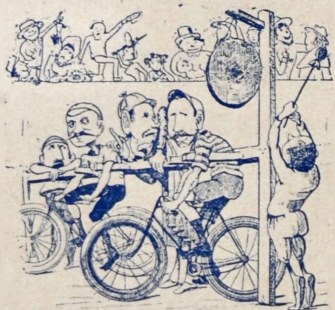
— О, это вполне безопасно,—объяснилъ г. Колесо,—вѣдь и воры люди и ни одинъ изъ нихъ не отстанетъ отъ другихъ и не пропуститъ такого случая подбодрить одного соперника и свистать другому. Поэтому ни одного вора не останется въ городѣ и квартиры остаются въ полной безопасности.

Наконецъ, когда всѣ жители собрались и церемонимейстеръ циклодрома на свой вопросъ „всѣ ли въ сборѣ?“ получилъ отвѣтъ, что никто не заявляетъ о неприбытіи кого либо изъ горожанъ, состязанія начались.

Гонщики уже сидѣли на машинахъ, поддерживаемая каждый отдельной рогадкой.

Отъ нетерпѣнія они топали ногами, какъ у насъ топчутъ поѣздители райка.

Наконецъ стартеръ гудко хлопнулъ по мѣданому тамъ-тамъ у и гонщики какъ картечь выскочили изъ рогадки.

Особенно интересно было, какъ въ этой удивительной странѣ понимались обязанности лидеровъ.

Вмѣсто того, чтобы ѣхать впередъ и разрѣзать собой воздухъ они съ гиканіемъ и свистомъ ѣхали

около злосчастнаго гонщика, стараясь подбодрить. Зачѣмъ же эти кнуты у нихъ, спросилъ я ко-

лесянца: неужели здѣсь по треку во время состязанія бѣгаютъ собаки, и ихъ приходится отгонять.

— Да нѣтъ же,—получилъ я отвѣтъ,—какія тутъ собаки, это последнее средство заставить гонщика скорѣе стремиться къ цѣли.

И дѣйствительно, какъ только скорость замедлялась, лидера принимались стегать несчастнаго гонщика въ два кнута.

Наконецъ, за кругъ до конца, лидера, обломавъ свои кнута-вища, удалились съ круга, а гонщики съ необычайнымъ усердіемъ нажимали на педали.

Они мчались такъ быстро, что казалось носились въ воздухѣ какія то тѣни.

Когда они проѣзжали мимо насъ, мы старались насколько возможно подбодрить ихъ, крича изо всѣхъ силъ „ходу, ходу!“.

Конечно это было напрасно, такъ какъ они и такъ неслись, какъ сорокъ тысячъ зайцевъ нести не могли бы, даже если бы и рѣшились попробовать.

Но тутъ то и произошло недоразумѣніе.

Передній не давалъ заднему обогнать себя, прижимая его то къ одному, то къ другому барьеру.

Тогда задній, не долго думая, рванулъ изо всей силы, налетѣлъ сзади на соперника, вскочилъ на него и въ такомъ необычайномъ положеніи уперся въ конечный столбъ.

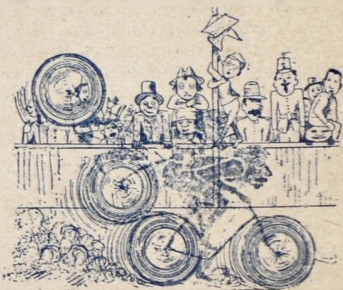
Зрители все время были въ необычайномъ волненіи и раздѣлились на два лагеря, грозившие перейти въ рукопашную схватку.

Помирились на томъ, что не признали побѣдителемъ ни того ни другого.

Не признали: верхній потому, что доѣхалъ не собственными силами, а на синій соперника, а нижній потому, что вовсе не доѣхалъ до столба.

— И здѣсь неудача,—сказалъ я колесянцу,—увидя такой конецъ состязанія.

— Не полетимъ ли дальше, въ какой нибудь другой городокъ этой удивительной страны,—поѣхали мы въ ему предложить.

В удовольствіемъ,—согласился Колесо,—мы вамъ покажемъ такой городокъ, гдѣ состязаются на двухмѣсткахъ, но погодите минутку и вы познакомитесь съ приемами тренировок.

Дѣйствительно, минуту спустя оба гонщика выѣхали снова на трекъ, но уже не на обыкновенныхъ машинахъ, а на „водолѣчебныхъ“.

Гонщикамъ только что сдѣлали легкій массажъ въ уборной и теперь они должны были подвергнуться дѣйствию душа.

— Они сами же себя и обливаютъ на ходу,— изумлялся я.

„Водолѣбный“ самокатъ былъ устроенъ очень остроумно. Въмѣсто педалей имѣлись лоханки съ водою, откуда помощью насоса вода шла по трубкѣ вверхъ и черезъ сѣтку сыпалась дождемъ на самокатчика. Насосъ былъ соединенъ съ педалями—лоханками и потому начиналъ дѣйствовать, какъ только самокатчикъ начиналъ ѣхать, и чѣмъ быстрее онъ ѣхалъ, тѣмъ сильнѣе лилась вода.

Одновременно и душъ и моционъ въ условіяхъ, напоминающихъ природныя, когда приходится бѣжать подъ дождемъ.

И „Одинъ въ полѣ не воинъ“.

Ну, а теперь полетимъ дальше въ городокъ „Одинъ въ полѣ не воинъ“,—предложилъ Колесо.

Черезъ 9 минутъ 59¹/₂ секунды мы уже подлетали къ этому городишку, гдѣ были въ ходу исключительно двухмѣстныя машины.

Прежде всего обратило на себя мое вниманіе, что гонщики хранили свои машины не на трекѣ, а въ какихъ то домахъ въ городѣ.

— Почему это такъ странно устроено,—спросилъ я Колесо.

— Нисколько не странно, напротивъ, дѣло объясняется весьма просто. Машины гонщиковъ все до одной заложены въ ломбардѣ и, такъ какъ имъ не на что ихъ выкупить, то машины имъ выдаются ломбардомъ не иначе, какъ въ обмѣнъ на верхній костюмъ гонщика.

— И они бѣгаютъ,—добавилъ я, передъ каждымъ забѣгомъ въ ломбардъ, откуда уже возвращаются почти въ костюмѣ Адама.

Но почему же они таскаютъ машины на плечѣ, а не ѣдутъ на нихъ,—продолжалъ я допытываться у г. Колесо.

— О, это ужасная халатность, какъ я думаю это и во всемъ свѣтѣ, произнесъ г. Колесо. Вѣдь и насосовъ почти ни у кого нѣтъ, а у кого есть, то всегда въ неисправности (я молча кивнулъ головой). Вотъ они и бѣгаютъ по мостовой изъ ломбарда къ треку, такъ какъ только на трекѣ имѣется одинъ поудобный насосъ...

Между тѣмъ состязанія начались. Гонщики, во славу городка „Одинъ въ полѣ не воинъ“ такъ яростно нажимали на педали, что колеса отъ страшныхъ усилій уменьшались и чуть не входили въ землю.

Побѣдительницей оказалась пара, назвавшаяся „педаледавами“.

— Ну, сказала я своему спутнику г. Колесо, пожалуй не найдется въ вашей странѣ болѣе уморительныхъ гонщиковъ?

— Нельзя этого сказать,—былъ его отвѣтъ,—и чтобы не быть голоднымъ, я вамъ доставлю случай посмѣяться.

— Рулевой,—сказалъ онъ тому,—гдѣ то здѣсь недалеко есть спортивная деревушка, въ которой чуть ли не каждый день устраиваются какія либо состязанія...

— Какъ же, есть,—отвѣтилъ рулевой,—эта деревушка называется „Унеси ты мое горе“.

— Она очень недалеко отсюда; это правда, что тамъ устраиваются состязанія очень часто и по каждому поводу: въ чьей либо семьѣ увеличеніе семейства—состязаніе на мѣстномъ циклодромѣ вокругъ лужи съ купающейся свиньей; чьи нибудь именины—опять состязаніе; подрались, но затѣмъ помирились—состязаніе, и множество другихъ поводовъ—все давало мысль посостязаться.

— Что жъ тутъ мудренаго,—подумалъ я,—наши руссаки тоже не лыкомъ шиты; что бы не случилось, все служить поводомъ выпить.

— Ввиду такого обилія состязаній,—прервалъ мою мысль мой спутникъ, они выдумываютъ все новыя и новыя названія забѣдамъ и призамъ.

— Какія же напр. названія,—поинтересовался я.

— Да вотъ хотя бы недавно у нихъ былъ забѣдъ въ честь лягушки, раздавленной на послѣднихъ состязаніяхъ, отвѣтилъ мой спутникъ.

— Вотъ такъ названіе забѣда,—изумился я; было бы недурно, дѣйствительно, посѣтить эту деревушку.

— И прекрасно!—съ удовольствіемъ согласился г. Колесо,—полетимъ туда.

Рулевой устылся на свое мѣсто и нашъ аэроциклъ поднялся повыше, чтобы лучше развѣдать направленіе, котораго слѣдовало держаться.

„Унеси ты мое горе“.

Воздухъ пришлось сдѣлать нѣсколько поворотовъ, какъ это дѣлають голуби, пока нашъ рулевой не повернулъ рѣшительно руля и не направилъ полетъ аэроцикла къ скалистой горкѣ, за которой должна была пріютиться спортивная деревушка „Унеси ты мое горе“.

Нѣсколько сотъ оборотовъ педали и мы замѣтили черезъ вершину горки развѣвающейся флагъ, очевидно по случаю какого нибудь торжественнаго состязанія.

Еще десятокъ другой секундъ и подъ нами оказалось громадное гороховое поле, какъ нельзя болѣе подходящее къ названію деревушки.

Наконецъ еще томительнодолгихъ $7\frac{1}{2}$ секунды и подъ нами какъ на ладони открылась чисто деревенская идилия.

Но, мнѣ стало очевидно, что на свѣтѣ существуетъ не одна только пастушеская идилия. Нѣтъ, въ этой чудной странѣ колеса, гдѣ жители такъ же привыкли къ пользованію самокатами, какъ европейскіе пастухи къ пользованію посохожъ, состязаніе на самокатахъ въ мирной сельской обстановкѣ при участіи собачекъ, курочекъ и свинокъ является образцомъ самой безспорной идилической картины.

И я умилился душой!

На волнистомъ неправильной формы трекѣ, безъ наклонныхъ поворотовъ, вокругъ трехъ музыкантовъ и аккомпанирующей имъ своимъ хрюканіемъ свинки, мчались съ самымъ усерднымъ видомъ мѣстные спортсмены.

Машины у всѣхъ были старыя, изломанныя и перечиненныя много разъ.

— Спросите, пожалуйста, у нихъ, — попросилъ я своего спутника, въ честь чего устроенъ у нихъ этотъ такъ яростно разыгрываемый заѣздъ.

Мы спустились пониже и предложили этотъ вопросъ одному изъ распорядителей, очевидно

стартеру, такъ какъ у него въ рукахъ была пистолетъ, напоминающій старинное оружіе.

Стартеръ съ помощью судьи очень охотно пожелалъ исполнить наше желаніе.

— Видите ли, — началъ онъ, — у насъ столько устраивается состязаній, что подчасъ бываетъ не легко выдумать названіе заѣзда...

— А развѣ нельзя безъ названій, — спросили мы.

— Невозможно; мы пробовали давать заѣздамъ названія, заѣздъ такъ себѣ „или“, заѣздъ самъ по себѣ“...

— Ну и чѣмъ же кончилось наша затѣя, — стали мы интересоваться.

— А кончилось тѣмъ, что послѣ заѣздовъ „№ 27 такъ себѣ“ и „№ 39 самъ по себѣ“ наши спортсмены безусловно отказались участвовать въ такихъ заѣздахъ.

— Выдумайте, — говорили они, — настоящее названіе.

— Ну-съ, — съ нетерпѣніемъ сталъ я говорить порусскіи. — забывъ, что они нашего языка не понимаютъ, — и какое же названіе вы выдумали?

— А вотъ какое. — Видите ли, такъ какъ нашъ чемпионъ, который... впрочемъ это къ дѣлу не идетъ, такъ вотъ, такъ какъ, когда... ввиду того что названія... ну однимъ словомъ послѣ того какъ... вотъ мы и рѣшили назвать заѣздъ, въ которомъ чемпионъ.

Такъ мнѣ и не удалось узнать названіе этого хитраго заѣзда, но очевидно, что онъ имѣлъ очень длинное названіе и я рисковалъ пропустить этотъ самый знаменитый заѣздъ.

Тѣмъ временемъ заѣздъ дѣйствитель-

но подходилъ къ концу, и, какъ увидите, очень любопытному.

Оставалось какихъ нибудь два круга. Невѣроятно, но фактъ, что впереди всѣхъ оказался толстякъ на допотопной трехколескѣ. Объясняется это очень просто тѣмъ, что онъ своей трехколеской мѣшалъ своимъ соперникамъ обогнать себя, прижимая то одного, то другого къ изгороди.

Чемпионъ, у котораго шарфъ и другіе принадлежности костюма отъ быстрого хода неслись въ догонку за нимъ, и тогъ не могъ обогнать толстяка.

ТО же это,—попросил я замѣтить судья,—развѣ это допускается у васъ?

— Ахъ, это я заговорился съ вами, а они сейчасъ и пользуются, хулиганы этикіе!

И, сказавъ это, онъ побѣжалъ къ судейскому павильону, или вѣрнѣе сказать, къ пустому боченку, опрокинутому дномъ вверхъ.

Очевидно, толстякъ испугался такого возвышеннаго судейскаго положенія и пересталъ вилать своей машиной, какъ вдругъ наше вниманіе было привлечено какимъ то хрустомъ.

Вслѣдъ за этимъ правое колесо трехколески отскочило въ сторону и вѣзлось въ публику.

Вмигъ образовалась какая то каша изъ гонщиковъ, причемъ толстякъ служилъ фундаментомъ, а остальные гонщики покрыли его какъ бы крышей.

И только одинъ изъ нихъ, самый слабѣйшій, державшійся далеко позади, имѣлъ столько времени, что изловчился не растаять, какъ это пришлось другимъ, а перескакивая съ головы на голову, со спины на спину, благополучно переѣхалъ всю эту кучу тѣлъ и помчался впередъ.

— Живѣе, вставайте,—орала публика, и догоняйте, живѣе!

Но гдѣ тутъ было догнать, когда всѣ машины были покосверканы!

Впрочемъ, только одинъ моментъ сомнѣнія, и гонщики съ жаромъ стали приводить свои машины въ порядокъ.

Кто колѣнкой выправлялъ раму, кто руль.

Удравшему гонщику оставалось послѣ столба проѣхать только одинъ кругъ.

Но ему этого не удалось.

Онъ былъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что ухмылялся и все оборачивался назадъ, чтобы поглядѣть на своихъ плачевныхъ кункурентовъ.

— Какъ бы онъ не треснулся о столбъ,— хотѣлъ я сказать своему спутнику, какъ мое предположеніе сейчасъ же и оправдалось...

Раздалась глухой шумъ и трескъ, будто грохнуло сваленное бурей столбѣнее дерево, или какой нибудь грузъ сорвался съ пятого этажа.

Это злосчастный гонщикъ треснулся головой о столбъ и смялъ свою машину какъ губку.

Этимъ происшествіемъ моментально воспользовались соперники, такъ неудачно нагромоздившіеся одинъ на другого.

Ихъ машины оказались уже годными для того, чтобы хотъ бѣжать вмѣстѣ съ ними.

Началась бѣшеная бѣготня съ дребезжащими машинами.

Толстякъ, которому пришлось приводить въ порядокъ три колеса, а не два, бѣжалъ сзади другихъ.

— Первые да будутъ послѣдними,— проговорилъ я.

Конечно, это столь взволновавшее всѣхъ состязаніе, было рѣшено немедленно же увѣковѣчить на фотографической пластинкѣ и потомъ прислать мнѣ на память, о чемъ я очень усердно просилъ.

Къ сожалѣнію, такъ я ея и не дождался.

Впрочемъ, такъ и слѣдовало думать, что снимокъ выйдетъ неудаченъ, такъ какъ фотографъ, увлекшись художественной стороной работы, не замѣтилъ, что обыкновенная четырехногая и пятачкорылая свинья чесала свою спину о треножникъ.

— А какъ жаль!— Всѣ эти спортсмены имѣли такой бравый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой уморительный видъ.

Стартеръ съ своимъ удивительнымъ ружьемъ дополнял картину.

И все это пропало изъ за противной чушки!

Не мѣшаетъ добавить характерный эпизодъ, чуть чуть также не помѣшавшій фотографу.

Гонщикъ хватившійся головой о столбъ, какъ только очнулся отъ такого казуса, первымъ дѣломъ прокричалъ:

— Ура, я первымъ!— Давайте сюда первый призъ!

— Поможемъ имъ,—попросилъ я г. Колесо, похититель въротно еще не далеко ушелъ.

Г. Колесо согласился съ полной охотой и приказалъ рулевому нашего аэроцикла подняться повыше.

— Вотъ онъ бѣжитъ, — первымъ увидѣлъ я бѣгущаго за пригоркомъ человека съ кубкомъ въ рукѣ.

Хитрый бродяга воспользовался общей суматохой при торжественномъ фотографированіи гонщиковъ и стянулъ кубокъ.

Но теперь онъ воображалъ себя въ полной безопасности, не подозрѣвая, что его убѣжище, куда онъ только что спрятался, открыто съ высоты нашего аэроцикла.

Когда мы сообщили внизъ наши наблюденія, всѣ, съ жеманя отчаянія и вмѣстѣ надежды, двинулись по указанному нами направленію.

Черезъ нѣсколько минутъ съ полицейскимъ во главѣ они застигли бродягу на мѣстѣ преступленія.

Бродяга преспокойно варилъ обѣдъ въ серебряномъ кубкѣ!

Но все хорошо, что хорошо кончается! А здѣсь было дѣйствительно хорошо, такъ какъ серебряный кубокъ вычистили и изъ него черезъ какихъ-нибудь полчаса пили мѣтное шампанское подъ названіемъ „квась“.

И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ

не попало.

Впрочемъ, это тогда уже стало не попадать въ ротъ, когда все было переполнено и некуда было лить.

МУ съ трудомъ удалось объяснить, что треснуло онъ о столбѣ, дѣйствительно первымъ и даже единственнымъ, но, что ему оставалось проѣхать еще одинъ кругъ.

— А гдѣ же остальные, — спросилъ онъ.

— Снимаются вмѣстѣ съ побѣдителемъ, — ему отвѣтили.

— А, когда такъ, когда они снимаются безъ своего чемпиона, закричалъ онъ, я имъ покажу!..

Онъ побѣждалъ къ своей машинѣ, на которой онъ столько разъ удавалось побѣждать своихъ соперниковъ на званіе чемпиона славной деревушки „унеси ты мое горе“.

Бѣдный! онъ, хватившись о столбѣ и не видаль во что превратилась его злополучная машина.

Все рѣшительно въ машинѣ поковеркано. Колеса обратились не въ восьмерки, а положительно во всѣ цифры, такъ что по нимъ можно было изучитъ табличку умноженія. Цѣпь печально смотрѣла внизъ, но зато бѣдно горделиво разглядывало небеса...

Тогда онъ со словами: „разнесу, рашину“ схватилъ первую попавшуюся машину и ринулся въ самую середину группы.

Спасъ дѣло молодецъ полицейскій, такъ же ловко ухватившись за машину, какъ петербургскіе полицейскіе ловко задерживаютъ не въ мѣру бѣшенныхъ или пугливыхъ лошадей на улицахъ.

Послѣ этого смѣхотворнаго случая немедленно приступили къ чествованію побѣдителя.

Всѣмъ скопншемъ съ гикомъ и гамомъ всѣ отравились къ столу, на которомъ все время красовался изящный кубокъ.

Каково же было разочарованіе, когда глазамъ изумленныхъ спортсменовъ предсталъ столъ, но безъ кубка.

Въ гостинницѣ.

ОЛЬКО очень поздно нашъ пиръ кончился.

Торжественный обѣдъ мало-помалу перешелъ въ ужинъ, и намъ было поздно ѣхать куда нибудь, такъ какъ всякія состязанія въ странѣ колеса происходятъ только днемъ.

Очень было бы хорошо показать вамъ наши окончательныя состязанія, на которыхъ побѣдители на предварительныхъ гонкахъ буду-

дутъ состязаться на званіе „чемпиониста изъ чемпионовъ“, и если вы подождете нѣсколько дней уѣзжать съ нашего островка, вы увидите ихъ, проговорилъ Иванъ Колесо.

Мнѣ ничего больше не оставалось пожелать, какъ только того, чтобы нашъ корабль возможно дольше чинился.

А теперь, сказалъ мнѣ Колесо, отпустимъ нашъ аэроциклъ, да пойдѣмъ-ка мы спать.

А на чемъ же мы поѣдемъ завтра, поинтересовался я узнать, вѣдь здѣсь не достать другаго аэроцикла.

Это вѣрно, но не прокатимся-ли мы на обыкновенныхъ самокатахъ, это будетъ ближе къ природѣ, а не гдѣ-то подъ облаками.

И намъ удалось ближе разсмотрѣть то, что мы разсматривали съ орлиного полета, сказалъ я съ восхищеніемъ.

Вотъ именно, подтвердилъ Колесо, направляясь со мной на поиски гостинницы.

Намъ пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ всѣ были настолько навеселѣ, что любезно предлагали ѣхать на машинѣ чемпиона. не замѣчая, что изъ нея послѣ столкновения со столбомъ осталось одно только пріятное воспоминаніе въ разломанномъ видѣ.

— Ну вотъ мы и пришли, весело замѣтилъ мой

пріятель. Правда, наша гостинница не казиста съ виду, но, за то, насъ угостятъ здѣсь такимъ славнымъ обѣдомъ, что пальчики оближешь.

Дѣйствительно, нашъ отель по вишнему виду былъ далекъ отъ того, чтобы считаться роскошнымъ, пожалуй онъ былъ даже грязноватъ, но я долженъ сознаться, что обѣдъ превзошелъ всѣ мои ожиданія.

Такъ какъ было уже довольно поздно, а на слѣдующій день намъ предстояло подняться съ развѣтомъ, то мы и рѣшили улечься спать.

Комната, предоставленная въ наше распоряженіе, была изукрашена гигантской паутиной.

Масса пауковъ съ замѣчательной быстротой сновала по нитямъ паутины и яростно набрасывалась на мухъ, имѣвшихъ несчастье зацѣпиться педалью своего самоката за липкую паутину.

Я съ удивленіемъ разсматривалъ крошечныя самокаты и восхищался, глядя съ какой ловкостью они той же паутиной возобновляли порванныя спицы своихъ самокатовъ.

Мало того, они регулировали натяженіе спицъ, тренькая на нихъ, какъ на балалайкахъ.

Я, естественно, подумалъ, что для паука съ его шестью руками легче построить самокатъ, чѣмъ для человѣка съ двумя руками.

Не даромъ прежде самокаты назывались „пауками“, хотя слѣдовало назвать ихъ „паутиной“.

Все-таки эта паутина не давала мнѣ спокойно уснуть, но наконецъ, усталость осилила нѣкоторое отвращеніе къ паукамъ и я во снѣ еще разъ пережилъ впечатлѣнія этого дня. Гонщики, видѣнные мною въ этотъ день неслись на меня то гурьбой, то по одиночкѣ.

Наконецъ въ самомъ важномъ забѣдѣ всѣ гонщики выстроились рядами, а меня положили на землю, изображать линію финиша... Раздался выстрѣлъ и вся куча гонщиковъ ринулась на меня... Вотъ уже одинъ взлетѣлъ мнѣ на грудь... какъ-то необычайно заблестѣлъ ни-

кель рулей на лучахъ солнца и... я проснулся. Солнце съѣтило въ глаза.

Сборы въ дорогу.

Маркіе лучи показавшагося солнца подняли насъ и я сейчасъ же сталъ торопить моего сотоварища и все допытывался у него, много ли мы еще увидимъ интереснаго.

О, успокоивать меня Колесо, на каждомъ шагу

дѣйствительно, разнообразіе примѣненія колеса въ этой чудной странѣ колеса положительно не имѣло предѣловъ.

Но прежде чѣмъ ѣхать, слѣдовало хорошенько изучить карту.

Съ помощью хозяйна гостиницы, мы внимательно разсмотрѣли ее и намѣтили путь, котораго держаться.

Закусывать мы здѣсь не будемъ, предупредилъ меня мой пріятель, мы найдемъ все, что нужно, по дорогѣ.

Итакъ, ѣдемъ!

Мы безъ всякаго труда взяли на прокатъ пару хорошихъ самокатовъ для дальнѣйшаго путешествія.

Когда мы собирались выѣхать изъ ограды сада при нашей гостиницѣ, я обратилъ вниманіе на

рядъ дѣтскихъ головокъ, съ любопытствомъ выглядывающихъ черезъ довольно высокій заборъ. Они радостно запрыгали, увидевъ меня, жителя неизвѣстной имъ страны.

Какъ оказалось, они приставили чей-то изящный самокатъ къ стѣнкѣ и очень удачно размѣстились на немъ по доскѣ.

Недалекъ стоялъ фотографъ, снявшій эту картинку.

Это для одной фабрики самокатовъ, пояснилъ онъ, лучшее доказательство прочности машины.

Въ дорогу!

ВЫБРАННЫЙ нами путь пролегалъ черезъ маленькія деревушки и по довольно пустыннымъ дорогамъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ не пришлось жалѣть объ этой поѣздкѣ, оставившей по себѣ неизгладимое воспоминаніе, какъ по красотѣ природы, такъ и по необычному разнообразію самокатовъ самыхъ различныхъ типовъ.

— Знаете ли, — сказалъ мнѣ Иванъ Колесо, видя мое восхищеніе, — у насъ не всегда было такое обиліе самыхъ разнообразныхъ машинъ.

— А когда же это у васъ не было, — поинтересовался я узнать. 50 или 100 лѣтъ назадъ?

— О, ибѣтъ, что вы, — ужаснулся мой пріятель, эти времена уже основательно забыты и только хорошо знакомые съ древней исторіей знаютъ, что 2800 лѣтъ назадъ наши шоссе были въ первый разъ основательно починены.

И съ тѣхъ поръ, воскликнулъ я съ восхищеніемъ, у васъ такія чудныя шоссе, что на нихъ танцевать можно!

И я попробовалъ нѣсколько туровъ вальса!

Оказалось, танцевать не хуже, чѣмъ по паркету и при томъ ни одной пылинки!

Съ какой горечью я вспомнилъ наши изрытыя мостовыя и шоссе, на которыхъ изъ выбоинки перескакиваешь на горбылки и изъ поперечной канавки въ продольную колею. Да еще къ этому добавитъ постоянно перерываемыя мостовыя, то изъ-за водопровода, то изъ-за сточныхъ канавъ, то

изъ-за газа, электричества и телефоновъ и, наконецъ, ради якобы починки.

Просто дикость какая-то, громко проговорилъ я.

Да, не понялъ меня Иванъ Колесо, 3000 лѣтъ назадъ, мы были еще дикарями и страшно много теряли изъ-за необходимости постоянно чинить наши машины.

Въ это время мой слухъ привлекъ обыкновенный, знакомый каждому, звукъ швейной машины, но только это былъ какой-то странный звукъ, приближающійся, какъ иногда приближается звукъ паровознаго свистка.

Не успѣлъ я спросить, что это за звукъ, какъ вдругъ изъ ближайшаго переулка выѣхала изящная дѣвица на самокатѣ съ швейной машиной на переднемъ колесѣ.

Вы видите, насколько хороши наши дороги, не удержался похвастаться мой пріятель, дѣвица ѣдетъ и шьетъ, не теряя времени.

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ бы ожидая, что я скажу: „и у насъ также такія же хорошія дороги“, но я съ толкомъ промолчалъ.

Да и что я могъ сказать, когда, на самомъ дѣлѣ, поѣдемъ по нашимъ дорогамъ, такъ не только новаго костюма себѣ не сошьемъ, а даже и тотъ, что имѣется, въ клочки издерешъ.

Загородомъ.

РАЗСКАЖУ, что было, когда мы поѣхали дальше.

При выѣздѣ на околицу намъ попался на встрѣчу мальчуганъ, лихо катившій на самоѣзной четырехколескѣ. Онъ также хлопалъ подошвами по землѣ, какъ европейскій изобрѣтатель самоката баронъ Драйсъ и довольно быстро двигался впередъ. Интересно, что этотъ мальчуганъ пользовался своей четырех-

колеской для развозки товаровъ и своихъ друзей-мальчугановъ.

мѣрѣ сотня подобныхъ же названій.

Скажите, — обратился я къ своему другу, — какъ у васъ называютъ эти столь несложные снаряды.

У нихъ нѣсколько названій, — былъ его отвѣтъ: евласпедтъ, ласпанетъ, елласпетъ и еще по крайнѣй

Я, конечно, нисколько не удивился, такъ какъ и въ Россіи даже интеллигентные люди говорятъ велоспедъ, не соображая, что слово велоспедъ, въ переводѣ на русскій языкъ „быстроногъ“, только и можетъ означать такой снарядъ, гдѣ ноги быстро бѣгаютъ по землѣ, какъ у этого мальчишки.

— Пока я излагалъ эти мысли г. Колесу, мальчишка скрылся изъ виду и мы продолжали нашъ путь.

— Здѣсь вамъ будутъ встрѣчаться чудесныя усадьбы, предупредилъ меня колесіанецъ и мы увидимъ не мало интересныхъ для васъ типовъ жителей этихъ усадьбъ.

— Вотъ, указалъ онъ, — одна изъ представительницъ высшаго общества катается на самокатѣ въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги.

— Вѣрный слуга слѣдовалъ на почтительномъ разстояніи, каждую секунду готовый исполнить малѣйшее приказаніе своей госпожи.

Но какой строгій видъ у этой барыни!

Ея чопорная фигура какъ бы говорила: не подходи! я совершаю свою утреннюю прогулку, необходимую для пищеваренія.

Проѣхавъ немного далѣе, мы остановились на вершинѣ горки, чтобы полюбоваться чуднымъ видомъ и я такъ увлекся исторіей этой мѣстности, набрасываемой моимъ словоохотливымъ пріятелемъ, что не замѣтилъ приближенія дождевой тучи.

Очевидно намъ предстояло попасть подъ дождикъ.

— Смотрите, что это такое, указалъ я на что то вроде лѣстницы, чрезвычайно быстро приближающейся къ намъ по дорогѣ.

Мой товарищъ съ секунду посмотрѣлъ на приближающихся и, обернувшись ко мнѣ, проговорилъ:

— Это дождевые гонцики!

— Что же это за дождевые гонцики?

— А это особый видъ гонциковъ, состязующихся не между собою, а съ силами природы.

— Вотъ, напримѣръ, теперь, пояснилъ мнѣ колесіанецъ, они во всѣ лопатки удираютъ отъ дождя. Вглянитесь сами.

Я сталъ вглядываться и дѣйствительно могъ разсмотрѣть, какъ они бѣжали впереди слѣдовавшей по ихъ стопамъ дождевой стѣны.

— Вотъ вотъ, казалось, дождь настигалъ ихъ, но еще одно геройское усиліе и „дождевые гонцики“ выходили „сухими изъ дождя“.

— О! сказалъ колесіанецъ, этотъ родъ состязаній лучшій воспитатель гончика и изъ нихъ то и вырабатываются чемпионы.

Между тѣмъ самокатъ-лѣстница чуднымъ броскомъ примчался на верхушку холма, гдѣ мы стояли и, я, отойдя подальше отъ дороги, успѣлъ разсмотрѣть, что самокатъ былъ четырехлѣстный, два мѣста пониже и два повыше.

Но что всего замѣчательнѣе, это то, что три переднихъ были совершенно сухи, а задній—четвертый очевидно не успѣлъ ударить изъ-подъ дождя.

Его спина была мокрая!

Не успѣлъ я закрытъ изумленного

рта, какъ въ него ужешель дождь какъ изъ ведра.

Только тогда мы спохватились и побѣжали развязывать и надѣвать наши плащи отъ дождя.

АКЪ мы и переждали дождь под плащами и разговаривали.

— Вот, говорю я, теперь ужъ намъ не придется увидѣть самокатчиковъ по дорогѣ.

— Почему же это, изумился г. Колесо.

— А какъ же говорю, грязь!

— Кескесе грязь, спрашиваетъ.

Тутъ только я вспомнилъ, что вѣдь у нихъ лошадей нѣтъ и потому грязи на шоссе неоткуда и взятыя.

Поэтому я рѣшилъ лучше не объяснять происхожденія петербургской грязи.

— У насъ, напротивъ, продолжать Колесо, есть любители выѣзжать именно въ дождь.

Я подумалъ, что въ ихъ жаркомъ климатѣ прогулка въ дождь представляетъ своего рода удовольствіе.

И въ этомъ мнѣ пришлось сейчасъ же убѣдиться, такъ какъ на дорогѣ стали появляться прелестныя дамы и дѣвицы, катающіяся съ веселой улыбкой налицѣ. Ихъ самокаты были сплошь покрыты непромокаемой покрывкой, закрывавшей одновременно и платье. Кофты ихъ были также непромокаемыя, а прическу они защищали зонтиками, прикрѣпленными къ рулю.

Видимо дождикъ доставлялъ имъ большое удовольствие, такъ какъ они весело переговаривались между собой.

Наконецъ, дождикъ кончился, выглянуло солнце и шоссе черезъ пять минутъ было такое же сухое, какъ и до дождя.

Не оставалось ни одной лужицы, такъ какъ шоссе было гладко, какъ столъ.

Мало-по-малу мы подвигались дальше и въ наиболѣе живописныхъ мѣстахъ намъ стали попадаться

увлеченныя другъ другомъ парочки. Вотъ ѣдетъ милостивая наѣздница, а за ней отстутя какъ разъ настолько, чтобы было удобно любоваться своей

спутницей, слѣдуетъ кавалеръ, очевидно ухаживающій за нею.

Впрочемъ, очевидность слово здѣсь неподходящее.

Прежде всего это не кавалеръ, такъ какъ кавалеръ происходитъ отъ слова „cavalero“ и значитъ ѣздящій на лошади, и потому онъ не ухаживаетъ, а уѣзживается.

Эту мысль я хотѣлъ высказать своему спутнику, но новое разсужденіе спутало мою прежнюю мысль.

Дѣйствительно, самокатъ называютъ такъ же стальнымъ конемъ, а самокатчиковъ называютъ въ военномъ мѣрѣ ѣздящей пѣхотой.

А кромѣ того, когда эта парочка спѣшится, то ѣздящій пѣхотинецъ все равно будетъ за ней ухаживать, если только онъ не будетъ стоять какъ чурбанъ.

Немного далѣе мы встрѣтили трехколеску для новобранныхъ, специально приспособленную, чтобы быть защищеннымъ отъ нескромныхъ взглядовъ.

Окрестные жители могли только догадываться, но видѣть не могли.

Мы, конечно, постѣшились поскорѣе промчатся мимо этой парочки, не желая отвлекать ихъ отъ серьезнаго занятія.

Долженъ сознаться, что намъ не скоро пришлось остановиться, такъ какъ такихъ трехколесокъ было много и мы все ѣхали впередъ, а счастливые трехколесники закрывались отъ насъ вѣромъ то съ одной, то съ другой стороны.

Наконецъ, намъ надоѣло ѣхать безъ остановокъ и мы, выбравъ тѣнистое мѣстечко, расположились отдохнуть.

— Не желаете ли на память рисуночекъ,

услышали мы голосъ позади себя.

Оказалось, что голосъ принадлежалъ художнику, предлагавшему за сходную цѣну снять съ насъ портретъ въ прелестной обстановкѣ группы деревьевъ и съ самокатомъ въ рукахъ.

Конечно, онъ сейчасъ же подучилъ заказъ и мой пріятель Иванъ Колесо заплатилъ нѣсколько туземныхъ монетъ, а я со своей стороны добавилъ нѣсколько серебряныхъ пятакочковъ.

Картина

художника.

И совсем не похожи на того англичанина, который недавно посетил наш остров, сказал художник; англичанин не признавал расплаты деньгами, он за все расплачивался длиннотой и очень навязывался ополумь.

Между тем, в несколько минут художник окончил прелестную картинку, в которой мы были изображены любующимися природой, а природа в лицах могучих деревьев поощряла наше восхищение, протягивая нам ветви с тяжелой зеленой листвою.

Окончив работу, художник сложил свой зонтик и мольберт и поехал дальше отыскивать заказчиков.

Потихоньку и мы тронулись за ним.

Завтрак на дороге.

Так как с нашего отъезда с ночлега прошло несколько часов и явилось желание позавтракать, то я стал расспрашивать своего спутника, далеко ли до деревни, где бы можно было перекусить.

— Погодите немного, ответил мне Колесо, еще несколько сот оборотов и мы въедем в деревушку „Обиралово“, где вы найдете все то, что просите и даже то, чего не просите.

— Отлично, говорю я, подождем.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось такъ спокойно доѣхать до завѣтной деревушки.

Дѣло въ томъ, что мой едва замѣтный аппетитъ сразу обратился въ голодь, когда на нашемъ пути стали попадаться несомнѣнные слѣды остатковъ пищи.

Вотъ яичная скорлупа, выброшенная на край дороги, немногочисленные косточки бараньей котлеты, еще далѣе пустая коробка отъ какихъ то заморскихъ лакомствъ.

Но вотъ по дороге медленно движется четырехко-

леска, но безъ сидѣнія, а вмѣсто сидѣнія подвѣшенъ гамакъ.

Въ гамакѣ обрѣтался какой то лежебока, медленно вращающій педали ногами, почитывая книгу и покуривая.

Запасъ провизіи былъ у него всегда подъ рукою въ корзинѣ, откуда такъ заманчиво выглядывали какія то бутылки.

При видѣ такого аппетитнаго склада жизненныхъ продуктовъ, намъ осталось только налечь на педали, чтобы скорѣе достичь деревенской гостиницы.

Эта деревушка уже видѣлась на ближайшемъ холмѣ.

Но, еще не доѣзжая до деревни, мы могли насытить свой аппетитъ.

Какой то толстый, я сказалъ бы нѣмецъ, если бы дѣло не произошло въ странѣ, гдѣ о нѣмцахъ не имѣютъ понятія. такъ вотъ этотъ толстякъ оказался ни болѣе ни менѣе какъ развѣзжающій рестораторъ, какъ бывають бродячіе музыканты или разносчики фрукты.

Этотъ толстякъ даже что то выкрикивалъ, когда мы подѣхали ближе, точъ въ точъ какъ у насъ выкрикивають „сахарное мороженое“! или „сиги кошечные“!

Само собой разумѣется, мы остановились, такъ какъ это былъ для насъ самый подходящій случай, какой только можно себѣ представить.

— Неправда ли, сказалъ Колесо, на вольномъ воздухѣ будетъ пріятнѣе позавтракать, чѣмъ въ какомъ бы то ни было ресторанѣ.

— Гѣмъ болѣе, добавилъ я, что на вашихъ дорогахъ положительно нѣтъ пыли.

Толстякъ моментально все устроилъ: у него была уже готова зажаренная какая то птица, десятокъ сосисекъ, несмѣтное количество пива, и въ меньшемъ бочекѣ достодолжное количество мѣстной водки, подъ названіемъ „монополька“.

Спереди на руль имѣлось еще столько табаку, что можно было бы выкурить всѣхъ комаровъ изъ цѣлаго лѣснаго уѣзда, правда небольшого.

Насытившись и хлѣбнувъ пива, за немѣнимъ чего другого (и оставивъ водку и табакъ въ пользу курищихъ и выпивающихъ), мы въ наилучшемъ настроеніи снова покатали къ деревнѣ.

Толстякъ думалъ было ѣхать съ нами, но его бочки не очень то скоро катились.

Деревня „Обиралово“.

УДО ли, хорошо ли, но мы таки добрались до деревни „Обиралово“ и вот наконец мы въ деревнѣ.

Деревушка оказалась маленькой, но очень и очень забористой; не уступить и большому городу.

Объявленія, анонсы, плакаты, афиши и вывѣски такъ и пестрѣли повсюду.

При въѣздѣ чуть было не наѣхалъ на пѣтуха, а благополучно увернувшись отъ пѣтуха, чуть не прикончилъ взглядаго существованія откормленнаго поросенка.

Такъ какъ вся эта животная тварь металась на привязи изъ стороны въ сторону, мнѣ пришлось остановиться и слѣзть съ самоката.

Моментально лица всѣхъ поселянъ преобразились: изъ веселыхъ они стали печальными.

Еще бы, они такъ надѣялись, что мы раздавимъ или пѣтуха или поросенка, и они взыщутъ съ насъ изду, какую пожелаемъ!..

Осторожно пробираясь между этими живыми препятствіями, я сталъ однимъ глазомъ всматриваться въ пестрѣющія вывѣски и, какъ прикованный, сталъ посреди дороги.

Куда пойти, куда голову преклонить, подумать я, если за то только, чтобы прислонить самокатъ къ забору, конечно мѣстными монетами.

— Въѣдъ это, сказала я своему спутнику, какъ будто не тае! Пожалуй и чихнуть въ этой деревушкѣ обойдется такъ съ физиономіи.

Мы стали разсматривать надписи.

Мастерская, напѣтки, гостинница и бублики это еще было въ порядкѣ вещей,

но населеніе очевидно задалось цѣлью возможно больше обработать прѣзжаго.

Выгодно оказывается жить при дорогѣ!

Мальчишки предлагали везти вашъ самокатъ въ рукахъ, нарвая что нибудь изломать въ вашей машинѣ.

Вамъ предлагали подняться на водокачку (цѣна 1 руб. впередъ), клятвенно увѣряя, что съ верхушки я непременно увижу главный городъ своей родины.

Непремѣннѣйшимъ образомъ хотѣли добиться, чтобы мы познали всю прелесть спуска на самокатѣ со стога сѣна (плата 10 к.).

— Сюда, сюда, тащилъ кто-то въ другую сторону, предлагая пройти напрямикомъ черезъ его поле, чтобы сократить разстояніе (25 коп. впередъ).

Хорошо, что мы закусили передъ деревней, со гласился съ моими мыслями Иванъ Колесо.

Пока мы отбояривались отъ назойливыхъ приставаній, мы были все время окружены плотнымъ кольцомъ поселянъ.

Наконецъ, мы рѣшительно двинулись впередъ, но... раздался страшный визгъ и мы остановились.

— Поросеночка и пѣтушка раздавили! изверги этикѣ! возопила толпа.

Вышелъ старшина деревни и объявилъ, что поросенокъ стоитъ 3 р., а пѣтухъ 1 р!

Дѣйствительно между спицами въ машинѣ моего пріятеля болталось безжизненное тѣло удушеннаго поросенка, а цѣпь моей машины отрѣзала пѣтушу голову...

Оказалось, что пока мы объяснялись съ поселянами, они, какъ говорится, умудрились подложить намъ свинью... и за одно пѣтуха.

Нечего дѣлать, уплатили требуемое.

Конечно, намъ предложили зажарить эти мертвые тѣла тутъ же въ гостинницѣ.

— Нельзя ли, обратился я къ своему спутнику, выбрать подальше закоулокъ отъ этой деревни.

— Хотите, поѣдемъ дальше, но только...

— Что—но только... ужъ съ безпокойствомъ спросилъ я.

— Видите ли, эта деревня называется Обиралово, за ней булетъ Разуваево, затѣмъ Колупаево

Обиралово, Раздѣваево, и наконецъ Нефлоно, Непилово и Горьфолово...

— А потомъ?

— А потомъ деревни Захудалово и Пустынная. Такъ что, рѣшилъ я, пожалуй здѣсь будетъ не хуже, чѣмъ въ любомъ другомъ мѣстѣ?

— Вотъ именно, подтвердилъ Иванъ Колесо.

— Конечно, когда собирались, послѣ отдыха, продолжать путь, мы внимательно смотрѣли, чтобы въ спицы нашихъ машинъ не попало бы еще по парѣ фазановъ или утокъ; съ насъ было совершенно достаточно и больше съѣсть мы ничего не могли.

Съ трудомъ даже поднялись отъ стола.

Съ осторожностью, но благополучно выѣхали на свободу.

За Обираловкой.

ЕЩЕ разъ намъ въ этотъ день пришлось позавидовать одному любителю природы, умѣло приспособившемуся къ поѣздкамъ по разнымъ Обираловкамъ.

Онъ возилъ за собой двухколесную колясочку, наполненную самымъ разнообразнымъ багажемъ. — Это комми-воаяжеръ, пояснилъ Колесо; онъ съ собой возитъ

образцы товаровъ; поѣздки обходятся крайне дешево.

Иногда они возятъ за собой цѣлые поѣзда изъ нѣсколькихъ такихъ колясочекъ, но только для этого приходится уменьшать передачу и ѣхать тише.

Немного дальѣ наше вниманіе было привлечено показавшимся вдали бѣлоснѣжнымъ парусомъ.

Я сразу же замѣтилъ, что этотъ парусъ какъ-то слишкомъ быстро двигался, быстрее чѣмъ можетъ двигаться парусная лодка.

Но еще было удивительнѣе, когда парусъ полѣлъ кверху на какой-то холмъ.

— Какъ же это лодка подымается на горку, задалъ я вопросъ.

— Это вовсе не лодка, былъ отвѣтъ Колеса, это самокатъ съ парусомъ. Подождите полминуты, онъ подѣдетъ къ намъ.

Дѣйствительно этотъ сухопутный пловецъ не заставилъ себя долго ждать. Правда ему приходилось лавировать по разнымъ дорогамъ, но, къ его удобству, въ странѣ колеса было множество дорогъ по всевозможнымъ направлениямъ.

Парусъ, то быстро двигался по вѣтру, то едва замѣтно полѣлъ, когда становился бокомъ къ вѣтру. Наконецъ, мы дождались, пока онъ подкатилъ къ намъ и по нашей просьбѣ остановился.

Я любопытствовалъ узнать, почему на его самокатѣ не имѣется цѣны для работы педалями на случай безвѣтрія.

Иванъ Колесо перевелъ мнѣ отвѣтъ парусника: я въ такомъ же положеніи, какъ на яхтѣ; въ безвѣтріи остается только грести веслами, а я спѣшиваюсь и толкаю руками.

— Вы видите, что я не спѣшу, добавилъ онъ; это не болѣе, какъ способъ убѣжать отъ дѣловыхъ заботъ. Это наилучшій отдыхъ отъ дѣла, а вы знаете, дѣло не вѣтри, въ дѣла не убѣжить.

Но оказалось, что и онъ никуда не убѣжалъ, такъ какъ вѣтеръ окончательно стихъ; парусъ безжизненно повисъ и машина отказалась идти хотя бы со скоростью 100 сажень въ часъ.

Впрочемъ, парусникъ этимъ не смутился, онъ досталъ изъ разныхъ кармановъ всякую живность и принялся закусывать въ ожиданіи дуновения вѣтерка.

Приятнаго аппетита! пожелали мы, удаляясь на своихъ самокатахъ.

Очевидно, чѣмъ болѣе мы удалялись въ глубь страны, тѣмъ болѣе намъ предстояло увидѣть необыкновеннаго.

Напримѣръ, при выѣздѣ изъ какого-то „Неѣлова“ насъ чуть не сшибъ съ ногъ странный двухголовый звѣрь, быстро промелькнувшій мимо. Только на подъемѣ въ гору, гдѣ они бѣжали много тише, мы рассмотрѣли, что эти звѣри не болѣе какъ двое людей, одинъ верхомъ на другомъ.

Будь это въ Европѣ, непременно была бы

выпущена реклама вродѣ слѣдующей: „Новость! усовершенствованный самокатъ, дешевле всѣхъ прочихъ, но лучше стоящихъ въ 4 раза дороже!“

Мой спутникъ не преминулъ обратить мое вниманіе, что въ этой „механикѣ“ имѣлось только одно колесо да пара педалей.

Дѣйствительно дешево, изумился я. — И сердито работаютъ, — добавилъ Колесо; посмотрите какъ „верховой“ помогаетъ „бѣгуну“ передвигать ноги при помощи привязанныхъ къ ногамъ педалей.

Нѣсколько такихъ паръ убѣдили насъ, что этотъ способъ очень хорошъ.

Въ особенности, конечно, для желающихъ съэкономить на колесахъ.

Разговоръ нашъ по этому вопросу еще не былъ законченъ, какъ вдругъ до насъ долетѣлъ звукъ лавины, сорвавшейся съ горы.

На парь валовъ.

ПВЪЕ, — предостеречь меня Колесо, пойдемъ-ка лучше на эту скалу, тамъ мы будемъ въ безопасности.

Э, говорю я, да на этой лавинѣ какъ будто человѣкъ сидитъ!

Ну вотъ, усомнился Колесо, какъ это можетъ человѣкъ на лавинѣ развѣзжаться!

Поди, чай, это не пара валовъ, а пара валовъ, добавилъ я.

Между тѣмъ лавина была уже близко отъ насъ и на ней не только возсѣдало живое существо, но даже издавало человѣческимъ голосомъ нечеловѣческіе крики.

Исторія закончилась очень печально, но начнемъ лучше сначала.

Начало было, отнюдь не обещающее ничего хорошаго, такъ какъ шоссеинный сторожъ, желая показать свою удалъ мѣстному дамскому персоналу, избралъ крайне шаткое положеніе на рукояткахъ двухъ шоссеинныхъ катковъ.

Онъ не ожидалъ, конечно, что въ этотъ день камни заговорятъ и оживутъ.

На первомъ поворотѣ катки сорвались съ дороги и покатались по склону горы, а несчастный сторожъ изо всѣхъ силъ цѣплялся за воздухъ.

Наконецъ, катки отделились одинъ отъ другаго и сторожъ, вылетѣвъ на воздухъ, угодили подъ одинъ изъ нихъ.

Когда катки были почти надъ нашими головами, мнѣ пришлось взять своего спутника пріятеля подъ мышку и спрыгнуть въ какую то яму, а катки пронесли надъ нами.

Ахъ, наши машины, вспомнилъ я, видя, какъ катки прокатились по нимъ и вдавили ихъ въ землю...

О, это ничего,—спокойно проговорилъ Иванъ Колесо, это машины знаменитой фабрики „Кремень“ и, я думаю, не они боятся катковъ, а напротивъ, какъ бы не пострадали сами катки...

Дѣйствительно, когда мы откопали наши машины, онѣ оказались даже нисколько непоцарапанными.

Ради истины надо добавить, что въ педаляхъ завязали кусочки гранита, отколотые отъ катковъ.

Но, впрочемъ, это ровно ничего въ сравненіи съ прочностью машины петербургской фирмы „Фундаментъ“.

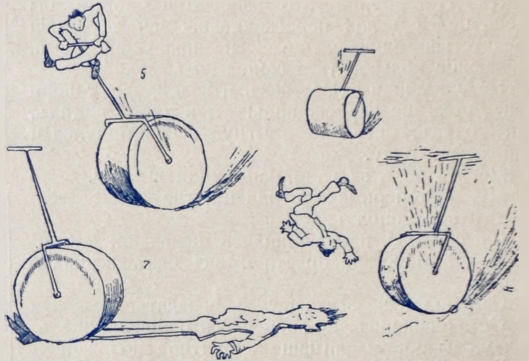
Посудите сами, сказалъ я своему спутнику. Машина стоитъ днемъ на верху земли, но когда земной шаръ къ ночи повернется этой машиной внизъ, то вся тяжесть земного шара давить на эту чудесную крѣпчайшую машину, а она ни гу-гу!

А!—сказалъ Колесо.

Такъ какъ мой пріятель не могъ еще прийти въ себя отъ восхищенія передъ столь необычайной прочностью машины „Фундаментъ“, я стоялъ молча около него.

Наконецъ, онъ сталъ показывать признаки здраваго мышления и съ нимъ опять можно было разговаривать попрежнему.

Какъ это хорошо,—сказалъ я ему, что въ ва-

шей странѣ такъ много прекрасныхъ шоссе, но, я думаю, что и здѣсь имѣются мѣста, гдѣ дорогъ нѣтъ и потому нельзя ѣздить на самокатахъ.

Это зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на самокатную ѣзду,—отвѣтилъ Колесо. Конечно, самокатамъ удобнѣе всего катиться по дорогамъ, но можно передвигаться и вовсе безъ дорогъ. Но только это уже будутъ не самокаты...

А самоскоки и самоползы, догадался я.

Вотъ именно,—подтвердилъ Колесо, и мнѣ удастся вамъ ихъ показать, если пожелаете удалиться вглубь страны подалеже отъ шоссе.

Конечно, я пожелалъ.

Пришлось, сойдя съ дороги, пойти по направленію какой-то маленькой фермы, заброшенной среди кустарниковъ и громадныхъ камней, не то упавшихъ съ неба, не то выброшенныхъ изъ земли.

Это была ферма поселяня, любящихъ уединеніе и потому забравшихся въ такую глушь, куда ни пройти, ни проѣхать.

Безъ дорогъ.

ОВОЛЬНО долго мы перелѣзали черезъ рвы, продирались сквозь кусты... какъ вдругъ надъ нашими головами пролетѣлъ какой то самокатчикъ съ лошадиными копытами и на лету вѣжливо съ нами раскланялся.

Потомъ онъ подѣхалъ къ намъ и показалъ устройство самоскока. Къ задней оси были приделаны деревянные ноги, которыя дѣйствовали также, какъ дѣйствуютъ ноги у кузнечика.

Въ Петербургѣ это изобрѣтеніе было очень полезно для перескакиванія черезъ всякія препятствія одушевленныя и неодушевленныя, мѣшающія пользоваться самокатомъ.

Но все таки и здѣсь, какъ и вездѣ, „не говори гопъ, пока не перескочишь!“ я лично видѣлъ, какъ одинъ, неудачно прыгнувъ, сквернулся и попалъ въ лужу.

Деять разъ за вами, напомнили мы ему.

Ну, а теперь ѣдемъ или вѣрнѣе поплетемся смотрѣть самоползъ.

Къ счастью, идти пришлось недалеко, иначе бы совсѣмъ устали брести такъ безъ всякихъ дорогъ.

Самоползъ не заставилъ себя ждать.

Остановившись, не зная какъ перейти черезъ рѣчку, мы обсуждали наше неприятное положеніе.

Вдругъ я замѣтилъ, что-то страшное и, желая предупредить пріятели, тихохонько его толкъ ногой.

Но въ слѣдующую секунду я уже смѣялся, такъ какъ то, что было мной принято за кольцо громадной змѣи (мнѣ со страху показалось и раскрытая пасть и двойной змѣинный языкъ) было самоползомъ, показавшимся изъ глубины кустовъ.

Не долго думая, всадникъ этого самополза направилъ его прямо въ ручей и, даже не замочивъ ногу, выѣхалъ на нашъ берегъ.

Устроены были самоползъ замѣчательно: ободъ—колесо свободно переѣзжалъ черезъ камни, канавы, стволы деревьевъ почти незамѣтно для сѣдока, а сѣдокъ только работалъ педалями.

Обратите вниманіе, указалъ Иванъ Колесо, какъ движется этотъ самоползъ: педали вращаютъ зубчатку, которая помощью коническихъ зубчатокъ, крутитъ колесико подъ сѣдокомъ. Это-то колесико и заставляетъ ободъ ползти впередъ.

Этотъ самоползъ очевидно очень нравился мѣстному звѣрью; это можно было заключить изъ того, что, когда сѣдокъ поѣхалъ дальше, зайцы, попадавшіеся на пути, проскакивали въ это единственное въ своемъ родѣ колесо безъ спихъ.

Конечно, зайцы всегда останутся зайцами и они и тутъ проскакивали безъ билета.

Постоявъ на мѣстѣ, пока счастливый обладатель самополза скрылся изъ виду, мы были тронуты въ обратный путь.

Но не тутъ то было...

На самоползахъ.

ТЧАЯННОЕ бездорожье дало себя знать и мы такъ устали, что рѣшили хорошенько тутъ отдохнуть.

Мы посидѣли нѣсколько минутъ, какъ вдругъ къ намъ подошла помощь. Сѣдокъ на самоползѣ встрѣтилъ еще одного такого же сѣдока и вернулся къ намъ съ очень любезнымъ предложеніемъ услугъ: они скрѣпили свои самоползы рядомъ на нѣкоторомъ разстояніи и предложили намъ усѣсться на перекладины.

Конечно, мы согласились на любезное предложеніе, но съ тѣмъ только условіемъ, что мы будемъ вертѣть педали, а владѣльцы самоползовъ сядутъ на перекладины. Наши машины (фирма „Кремень“) сначала волочилися сзади на веревкахъ, но это оказалось неудобнымъ, такъ какъ они цѣплялись за землю какъ якоря.

Пришлось перекинуть ихъ черезъ плечо.

Наши новые знакомцы, владѣльцы самоползовъ, указывали путь. Оказалось, что мы выѣдемъ на ту самую дорогу, которой держались раньше, но въ вознагражденіе за нѣкоторую трудность дороги намъ удастся увидѣть еще не мало необычайнаго.

Выбирая болѣе или менѣе отлогія мѣста, мы были крайне удивлены, замѣтивъ самокатчиковъ высоко надъ головами на крутизнахъ.

Какъ же они ѣздятъ по этимъ кручамъ, спрашивалъ я, у нихъ должны быть стальные мускулы!

Во всякомъ случаѣ не крѣиче вашихъ, любезно отвѣчали наши новые спутники.

По крутизнамъ.

ДНАКО, возразилъ я, мнѣ ни за что бы не взобраться на такую крутизну.

Посложите, отвѣтили мнѣ, вамъ еще придется перемѣнить мѣнѣе.

Дѣйствительно. спустя короткое время, поперекъ нашей дороги проѣхалъ самокатчикъ, странно устѣвшій почти на руль машины.

На нашихъ глазахъ онъ сталъ взбираться на крутѣйшій склонъ.

Мнѣ сразу стало понятно, откуда у него взялись стальные мускулы.

Сдѣло его машины передвигалось вдоль по рамѣ и потому онъ могъ по желанію вертѣть педали для задняго колеса, или же вертѣть другими педалями ось передняго колеса.

На спускахъ онъ сидѣлъ сзади, а на подъ-

емахъ онъ пересаживался впередъ и вертѣлъ переднее колесо.

Это, говорю я, и выразить нельзя, на какой передачѣ онъ ѣдетъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ никакой передачи.

Потому то и легко ему, что онъ ѣдетъ безъ передачи на колесахъ въ 28 дюймовъ, добавили мои спутники.

Вотъ бы такія машины завести у насъ, сказалъ я; можно было бы вѣзжать на пятые этажи, если прикрѣпить доску вдоль лѣстницы поверхъ ступеней.

Между тѣмъ мы все стремились дальше. Мы уже нѣсколько времени не встрѣтили никого, и такъ какъ наши чудные самоползы не знали препятствій, то мы забрались въ такую глушь, куда казалось никто и не заглядывалъ отъ сотворенія міра.

Да живутъ ли тутъ самокатчики, спросилъ я. Отчего же имъ не жить здѣсь, изумился Иванъ Колесо, вѣдь мы же здѣсь проѣзжаемъ. Здѣсь живутъ отшельники, почитающіе себя счастливейшими изъ смертныхъ.

Они живутъ въ чудномъ лѣсу, а плодовъ имъ даже собирать не надо, такъ какъ они сами въ ротъ падаютъ.

Мой пріятель помолчалъ немного и потомъ проговорилъ:

Одна только бѣда, между ними существуетъ секта, въ одноиѣ только расходящаяся своими взглядами со всей нашей страной.

Ну! изумился я, въ чемъ же они не сходятся съ вами?

Не признаютъ быстроты! отрѣзалъ мой пріятель.

Немедленно же наши самоползы замедлили ходъ, настолько я былъ изумленъ.

Тихоходы.

ВЪ это время въ ближайшемъ лѣсу послышался невообразимый скрипъ, будто ѣхалъ длиннѣйшій чумацкій обозъ и хохлы забыли захватить съ собой дегтя для колесъ.

Неужто, подумалъ я, сюда хохлы пріѣхали съ обозомъ соли?

Конечно, такая мысль пропала черезъ 1/3 части секунды и было пора, такъ какъ скрипъ, принявшій алскіе размѣры совсѣмъ оглушилъ насъ и мы наконецъ увидѣли едва замѣтно двигающееся что-то.

Можно сказать, что это „что-то“ двигалось неподвижно. Пока мы стояли, рассматривая, я быстро рассчиталъ, съ какой скоростью это „что-то“ движется впередъ.

Скорость въ 4 сажени и 1 1/2 аршина въ часъ, былъ результатъ моихъ вычисленій.

Или по нашему 4 обода колеса и 1 1/2 спицы, добавилъ Иванъ Колесо.

И они дождутъ до насъ черезъ 12 часовъ...

...и 30 минутъ, предупредилъ онъ меня.

Если гора не ѣдетъ къ намъ, поѣдемъ мы къ ней, было нашимъ общимъ желаніемъ и мы почались.

Едва—едва остановились передъ интереснѣйшей парочкой. „Она“ въ костюмѣ Евы возсѣдала на переднемъ обручкѣ, а „онъ“ въ костюмѣ Адама толкалъ второй обрубокъ.

Все вмѣстѣ было соединено рамой изъ палокъ.

Они вполнѣ подтверждали поговорку „тише ѣдешь, дальше будешь отъ того мѣста, куда ѣдешь“.

Мы задали имъ вопросъ: почему такъ тихо ѣдете?, на

что въ свою очередь должны были отвѣчать на вопросъ, предложенный намъ:

Падаютъ ли плоды прямо въ ротъ?

Я посмотрѣлъ вверхъ и такъ какъ въ тотъ же моментъ въ ротъ свалилась сочная груша, то искренно отвѣтилъ:

Да, падаютъ!

Такъ вотъ, сказали они, куда же спѣшить?!

Затѣмъ мужчина добавилъ: вотъ рядомъ съ нами извивается змѣй, онъ все время соблазняетъ мою спутницу ѣхать скорѣе и для этого съ змѣиной быстротой извивается кольцами и показываетъ какъ быстро можно катиться. Но мы не хотимъ въ погѣ лица крутить колесо жизни и соблазнамъ змѣя не поддадимся.

Бѣгство отъ мамонта.

А ЮБЕЗНЫЕ! надолго ли? хотѣли мы имъ сказать, но снова скрипъ, неспѣша пустившейся въ путь пары, покрылъ наши слова.

Эта секта все уменьшается, сказалъ мнѣ Колесо и причиной этого то, что теперь звѣри не такіе безобидные, какъ въ райскіе времена и приходится иногда спасаться отъ нихъ.

Какъ же они спасаются на такихъ тихихъ дорожкахъ, не понялъ я.

О, не они и не на такихъ штукахъ спасаются; тутъ живутъ люди, которые также, какъ и другіе жители страны, изобрѣтаютъ каждый годъ новинки...

Отчего же они не покупаютъ этихъ новинокъ у васъ, вѣдь у васъ такъ много разныхъ изобрѣтений?

Представьте себѣ, не хотятъ; и не хотятъ по пятнадцати причинамъ, сердито сказалъ Колесо.

Почему же, былъ мой вопросъ.

Во первыхъ, отвѣтилъ онъ, наши машины для нихъ не совсѣмъ подходятъ.

Во вторыхъ они патріоты своего лѣса и потому не хотятъ платить денегъ за границу своего лѣса. А въ пятнадцатыхъ, спросилъ я.

А въ пятнадцатыхъ, денегъ нѣтъ!

Такъ бы вы и сказали сразу, кольнуль я его и нажалъ на педали самополза.

Мы проѣхали еще нѣсколько камней, рывтинъ, и ручейковъ; затѣмъ остановились, чтобы полюбоваться величіемъ природы.

Къ этому величію природы были бы къ мѣсту и величайшіе звѣри, подумали мы чуть не всѣ разомъ, какъ вдругъ наши мысли оправдались.

Изъ лѣсу выскочилъ огромнѣйшій мамонтъ и только тогда мы замѣтили, что впереди него катитъ со всѣхъ ногъ самокатчикъ на машинѣ мѣстнаго производства.

Очевидно это и есть мѣстный патріотъ, не имѣющій денегъ и потому пользующійся исключительно мѣстными матеріалами—деревомъ, деревомъ и деревомъ, точъ въ точъ какъ наши мужички строятъ свои телѣги.

Я очень испугался за участь несущагося во всѣ лопатки дикаря, но Иванъ Колесо успокоилъ меня.

Неужели вы думаете, спросилъ онъ, что мамонтъ догонитъ дикаря?

Ну, конечно, съ тревогой отвѣтилъ я, видя какъ разстояніе между самокатчикомъ и мамонтомъ быстро уменьшается.

Дѣйствительно, мамонтъ уже занесъ свой страшный хоботъ, но потомъ подскочилъ кверху, издавъ трубный звукъ и сталъ все больше отставать отъ самокатчика.

Что сей сонъ значить, вопрошаю я.

А это видите ли, послѣднее изобрѣтеніе чудища Д., предлагающаго новый способъ избавиться отъ конкурентовъ на гонкахъ. Чудище Д., научило

жителей сыпать одинъ другому гвозди подъ пневматическія шины.

Впрочемъ жители оказались благороднѣе Д., и попросили его убраться, но при нападеніи звѣрей вродѣ мамонта они съ успѣхомъ примѣняютъ этотъ способъ.

Теперь я и самъ это вижу, подтвердилъ я.

А что же мы слѣдземъ, если мамонтъ кинется на насъ?

Точъ въ точъ тоже самое, сказалъ Колесо и вынулъ изъ кармана пакетика съ надписью: мелкіе гвозди, модель Д, 1/8 фунта 25 к.

Ходкій малый!

Между тѣмъ самокатчикъ благополучно улетпнулъ, а мамонтъ съ горечью на серагѣ и окончательно сконфуженный удалился въ чащу лѣса вѣроятно къ мѣстному сапожнику для починки подошвъ.

Ночлеги.

Въ этихъ тропическихъ странахъ солнце садится быстро и мы не успѣли прѣхать къ какому либо жилью, какъ насъ застигла черная южная ночь.

Рѣшили переночевать.

Выбрали вѣтвистое дерево и, на нѣкоторой высотѣ отъ земли, устроили изъ веревокъ нѣчто вродѣ корзины.

Если говорить по петербургски, то мы помѣстились въ бель-этажъ.

Оставалось приспособить на ночь наши машины и мы занялись ихъ подвѣшиваніемъ на вѣтвяхъ.

Глядя, какъ разукрасилось наше ночлежное дерево двумя самоползами и двумя самокатами обыкновеннаго петербургскаго пошиба, мнѣ вспомнилась извѣстная сказка, гдѣ говорится о шукѣ, висѣвшей на деревѣ.

Но намъ не удалось выспаться въ эту ночь. Звѣри, вѣроятно тѣ самыя, которые стали гоняться за самокатчиками, почували запахъ резины и намѣревались вмѣстѣ съ резиной скушать и насъ.

Впрочемъ, Иванъ Колесо не слишкомъ боялся звѣрей.

Онъ зналъ много способовъ утрашить босую звѣриную команду.

Я настолько увѣровалъ въ его умѣние, что даже рѣшился прогуляться немного.

Для безопасности мы надѣли на себя рамы самокатовъ, держа ихъ горизонтально у бедеръ и закрутили колеса.

Звѣри яростно рычали, но не рѣшались броситься на насъ.

Тигровая комедія.

АША хитрость, давшая намъ возможность побродить ночью по лѣсу, наполненному звѣрьемъ, доставила намъ случай полюбоваться еще болѣе необычайной хитростью двухъ худосочныхъ дѣвицъ. Какъ послѣ оказалось, эти двѣ смѣлыя дѣвицы пролагали себѣ путь какъ разъ оттуда, куда мы ѣхали, но не успѣли добраться, какъ и мы, до жилища.

Конечно, мы предложили имъ наше, можно сказать уютное помѣщеніе, не менѣе уютное, чѣмъ на ютѣ парохода, такъ какъ и на пароходѣ и на деревѣ одинаково качаетъ вѣтромъ. Дѣвицы съ охотой приняли наше предложеніе и скоро наше древесное жилище приняло въ себя еще пару живыхъ существъ, а на вѣтвяхъ появилась еще пара самокатовъ, на этотъ разъ дамскихъ.

Все это хорошо устроилось, но могло быть совсѣмъ иначе.

Когда мы въ первый разъ ихъ увидали, онѣ находились въ крайне затруднительномъ положеніи.

Къ нимъ лѣнливо сытой походкой приближался откормленный тигръ.

Дѣвицы сначала нѣсколько обомлѣли отъ страха, но только на одинъ моментъ. Онѣ оказались хорошими физиономистками и очень быстро разглядѣли основныя черты физиономіи тигра, желавшаго ихъ скушать.

Дѣвицы пошентались между собой и повидимому приняли какое то рѣшеніе. Мы конечно кинулись имъ на помощь, но, пробѣжавъ немного, остановились въ нѣкоторомъ смущеніи.

На насъ смотрѣли разомъ двѣ тигровыхъ морды, но одна изъ нихъ была обыкновенной, какъ вообще полагается имѣть каждому порядочному тигру, а другая была разбѣровъ невозволительныхъ.

Между тѣмъ тигръ, испуганный, повернулъ назадъ и прямо на насъ. Тутъ только мы разглядѣли, что догадливыя дѣвицы составили изъ своихъ самокатовъ точь въ точь повтореніе тигровой рожи.

Со своей стороны мы также отгугнули его, ставъ для этого на четвереньки и пятясь на него, какъ это дѣлаютъ въ Индіи. Переднія колеса вертѣлись надъ нашими головами, а руками мы крутили педали.

Тигръ посмотрѣлъ на этукую механику, съ до-

сладой махнулъ лапой и что-то пробурчалъ на своемъ діалектѣ.

Хоть и невѣжливо было съ нашей стороны, но такъ какъ мы не знакомы съ тигровымъ языкомъ, то мы ничего не отвѣтили.

Послѣ этого мы отправились на наше дерево и благополучно провели ночь.

Пока сонъ не смежилъ нашихъ очей, время было проведено за интересными для меня и моихъ спутниковъ разговорами о чудесахъ страны колеса.

Я узналъ много чрезвычайно простаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно поразительнаго.

Страна обезьянъ.

ОСТАРАЮСЬ въ нѣсколькихъ словахъ передать самое важное. Вотъ что я узналъ:

Горная лѣсистая страна, черезъ которую намъ предстоитъ проѣхать, принадлежитъ обезьянному племени „Мартышекъ“.... такъ началъ говорить Иванъ Колесо.

Какъ такъ принадлежитъ обезьянному племени? изумился я.

Такъ же, отвѣтилъ Колесо, какъ намъ принадлежитъ Колесоградъ, а вамъ принадлежитъ Петроградъ.

Да ну!? говорю я.

Вотъ вамъ и ну! а всетаки это такъ и есть. Еще въ незапамятныя времена предводители обезьяннаго народа заключили съ нами при помощи мимики и восклицательныхъ знаковъ соглашеніе и намѣтили границы владѣній. Съ тѣхъ поръ у нихъ началась обособленная жизнь болѣе близкая къ природѣ, чѣмъ въ нашемъ Колесоградѣ.

И они забросили свои самокаты, сдѣлалъ я предположеніе.

Почему вы это думаете, съ недоумѣніемъ спросилъ Колесо; напротивъ, они такъ наострились въ примѣненіи самоката, что мы, колесіанцы противъ нихъ малышки и шенки.

Мало того, что все обезьянье народонаселеніе прямо таки виртуозы въ ѣздѣ на самокатѣ, но и все прочее живущее въ этой части острова либо фабрикуетъ себѣ самокаты, либо настолько сроднилось съ самокатами, что появились живыя существа не то съ ногами, не то съ колесами, не то съ крыльями.

Та—та—та, недовѣрчиво киваю я головой.

Удивительнаго въ этомъ не больше, чѣмъ вообще все на землѣ, обидчиво замѣтилъ Иванъ Колесо.

Развѣ, говорю я.

Я сейчасъ вамъ докажу примѣрами, горячился мой пріятель.

Поскорѣй, пожалуйста подбодрилъ я его съ усмѣшкой.

Такъ слушайте же и смотрите. Вотъ ползеть гусеница по вашей шляпѣ и извивается, намѣреваясь перебраться вамъ на носъ.

Машинально я скинулъ гусеницу рукой, но Иванъ Колесо ловко подхватилъ ее и показалъ ее мнѣ:

Вы видите на этой гусеницѣ крылья?

Превращеніе.

НЪГЪ, не вижу на гусеницѣ крыльевъ, говорю я.

Тогда онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и нашелъ прикрѣпленный къ вѣточкѣ коконъ и подалъ мнѣ.

А на этомъ коконѣ вы видите крылья, спросилъ онъ и сказалъ, что этотъ коконъ такой же гусеница, какъ и первая.

Крыльевъ, говорю, не вижу, но какъ будто уже крылья внутри кокона есть и обрисовываются изнутри.

Этому кокону уже пришелъ срокъ, сказалъ Колесо, осторожно разорвалъ коконъ и извлекъ изящную разноцвѣтную бабочку.

Бабочка стала расправлять крылышки и скоро полетѣла.

Къ этому всѣ люди настолько привыкли, сказалъ я, что не находятъ въ этомъ ничего удивительнаго.

А здѣсь, представьте себѣ, не находятъ ничего удивительнаго, добавилъ Колесо, если еще большія перемѣны происходятъ съ мѣстными жителями и жительницами.

Вдругъ до нашего слуха коснулись звуки мелодіи, распѣваемой гдѣ-то въ высотѣ. Затѣмъ послышались частые усиленные взмахи крыльевъ и я почувствовалъ, какъ что-то сѣло на вѣтку, на которой я сидѣлъ.

Это „бабочка-колесо“, шепотомъ сообщилъ мой пріятель.

И снова раздались чарующіе звуки напѣва. Въ чудныхъ стихахъ она съ грустью воспѣвала золоченныя спицы своихъ колесъ, блестящій руль и (нельзя же безъ этого) свое чудное платье. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ еще большимъ чувствомъ восхищалась прелестными узорчатыми крылышками и шестью (завидуйте, дамы) тоненькими ножками.

Въ концѣ концовъ она звала „его“ и тоскливо закончила чуднымъ контральто: „отчего не идешь ты!“

Я было шаркнулъ къ ней, но свалился съ дерева, а бабочка-колесо испорхнула и улетѣла.

Кіевская вѣдьма.

Ри помощи своихъ друзей снова занялъ высокое положеніе (на деревѣ), послѣ чего только сновидѣнія немного мѣшали спать.

Самое для меня интересное во снѣ это было увидѣть что-нибудь со своей родины.

И я увидѣлъ, подъ вліяніемъ впечатлѣнія „бабочки-колеса“, я увидѣлъ настоящую бабу-ягу, она же кіевская вѣдьма.

Кіевская вѣдьма все время летала вокругъ меня и все старалась увѣрить меня, что для полета по воздуху не нужно ни колесъ, ни крыльевъ, а достаточно одной метлы.

Она даже взяла меня за воротникъ и посадила верхомъ на метлу. Метла закачалась, и я что было силы уцепился обѣими руками и ногами, чтобы не упасть... съ вѣтки, на которой я спалъ.

Въ испугѣ проснулся.

Съ первыми лучами солнца тронулись въ дальнѣйшій путь.

Самокатныя букашки.

НАМЪ сразу же пришлось увидѣть много интереснаго.

Прежде всего наше вниманіе обратили на себя цѣлые рои какихъ-то черныхъ булашекъ, державшихся вмѣстѣ, несмотря на полное между собой несходство.

По землѣ, между листьями, шмыгали черные, какъ будто кролики, по воздуху летали черныя, какъ будто осы, а вокругъ кроликовъ стремглавъ носились такіе же черныя какъ будто... миниатюрныя самокатницы.

Ростомъ они были съ ноготокъ.

Что это за царство лилипутовъ, допытывался я, и что у нихъ общаго съ кроликами и осами?

Общаго у нихъ? отвѣтилъ Колесо, все!

Они также перерождаются, какъ „бабочка-колесо“, которую вы видѣли ночью.

Впрочемъ, вы не удивляйтесь, сказалъ Иванъ Колесо, вѣдь всѣ женщины, въ какой бы странѣ ни жили, постоянно мѣняютъ свой обликъ. То они кротки, какъ кролики, то жалятъ какъ осы.

То онѣ вѣзять на самокатахъ, добавилъ я.

Птичья павлина.

ПОЛЮБОВАВШИСЯ еще на быстрые движения удивительного роя, тронулись дальше.

Въ этой странѣ обезьянъ, сказалъ Иванъ Колесо, положительно всѣ звѣри и всѣ птицы стали ѣздить на самокатахъ.

Съ какихъ же это поръ, спрашиваю я.

А съ тѣхъ поръ, когда мы вели переговоры съ предводителями обезьянннго племени и они основали свое царство въ этой странѣ.

И все-таки, говорю я, непонятно, почему птицамъ понадобилось ѣздить на самокатахъ.

Вы это поймете, сказалъ Иванъ Колесо, когда я вамъ скажу, что птицы, посмотрѣвши на обезьянъ, сами стали обезьянничать.

Теперь понимаю, говорю я, это вопросъ моды. Птицы, видя въ какомъ почетѣ ихъ начальство—обезьяны, что даже люди заключаютъ съ ними договоры, стали поддѣлываться подъ привычки обезьянъ.

Вотъ именно, подтвердилъ Иванъ Колесо, и все, что дѣлають обезьяны, считается моднымъ. Обезьяны ѣздятъ на самокатахъ, и птицы не хотятъ отставать отъ моды, хотя это для нихъ вовсе не нужно, разъ у нихъ есть крылья.

Даже неразумно, прибавилъ я, точь въ точь, какъ люди стараются одѣться по модѣ, хотя модныя вещи всегда самая неудобная.

А у васъ, спросилъ Иванъ Колесо, птицы подражаютъ обезьянамъ или же людямъ?

Въ нашемъ климатѣ, говорю я, обезьяны и люди ходятъ въ шубахъ и на двухъ ногахъ и потому птицы подражаютъ имъ и...

Ну? говоритъ Колесо,

...тоже ходятъ на двухъ ногахъ, прибавилъ я.

Вотъ и птицы легки на поминѣ, указалъ Колесо. Дѣйствительно, въ долинѣ между холмовъ, мы замѣтили какихъ то спортсменовъ, со всѣхъ ногъ кающихся на стальныхъ коняхъ.

Представьте же себѣ наше изумленіе, когда я узналъ въ этихъ спортсменахъ своихъ старыхъ европейскихъ друзей—павлина и журавля.

Когда они проѣхали мимо насъ, я даже раскланялся, такъ какъ мнѣ показалось, будто я гдѣ то видѣлъ выразительное лицо этого журавля.

И я не ошибся! Оказалось, что это тотъ самый журавль, который поселился на крышѣ нашего дома въ Малороссіи. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться, такъ какъ у него были мною выкрашены нѣкоторыя перья на крыльяхъ и хвостѣ несмываемыми красками, чѣмъ мой аистъ очень гордился, съ завистью впрочемъ поглядывая на своего спутника—павлина.

Интересно, что и журавль узналъ меня. Смѣтливость его оказалось поразительной и онъ умудрился дать мнѣ понять, что уже имѣеть честь и удовольствие быть знакомымъ со мной.

Посмотрѣвъ на меня внимательно, онъ очень осторожно досталъ изъ моего кармана часы съ календаремъ и, держа часы ногой, ткнулъ носомъ (своимъ, а не моимъ) въ календарь на моихъ часахъ.

Мартъ мѣсяцъ, воскликнулъ я.

Тогда журавль замахиуль крыльями и продержался въ воздухѣ нѣсколько секундъ, держа свой длинный клювъ въ одномъ направленіи.

Моментально я вынулъ компасъ и опредѣлилъ, что журавлинный носъ глядѣлъ какъ разъ по направленію той деревушки, гдѣ и онъ и я жили въ тѣни одного и того же дерева.

Ничего не можетъ быть яснѣе, сказали мои спутники, онъ прилетитъ къ намъ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда начнется перелетъ птицъ.

Затѣмъ мы распрошались съ журавлемъ; онъ подаль мнѣ руку, т. е., виноватъ, ногу, или нѣтъ онъ подаль крыло, а я лапу... ну, совсѣмъ сбился, однимъ словомъ мы обмѣнялись рукою, ногою, или крылопожатіемъ.

Журавль поѣхалъ дальше. Онъ съ усмѣшкой на лицѣ смотрѣлъ на павлина и очевидно не находилъ его хвостъ слишкомъ удобнымъ для передвиженія на самокатѣ.

Ему очень скоро пришлось перемѣнить мнѣніе. Сталь накрапывать дождь и павлинъ, спустивъ свой чудный хвостъ, защитился имъ отъ брызгъ.

А бѣдный журавль выглядѣлъ мокрой курицей.

Теперь я знаю, сказалъ я своимъ спутникамъ, почему журавли рѣютъ надъ проѣжающими на самокатахъ, издавая трудныя звуки, а павлины принимаются глосить, когда самокатчикъ заѣдетъ во дворъ усальбы. Очевидно, они радуются появившемуся въ Россіи прогрессу и распространенію самокатовъ, какъ они распространены въ странѣ колеса.

Почему же, сказали я, имъ не принести съ собою самокатовъ изъ страны колеса?

Во-первыхъ, отвѣтили мнѣ, самокаты тяжеловаты для подъема на воздухъ, а потомъ, быть можетъ, въ вашей Россіи, сказалъ Иванъ Колесо, еще не имѣется мастерскихъ для починки птичьихъ самокатовъ.

Не имѣется, говорю я, да кромѣ того, есть еще большее препятствіе для взлета машинъ въ Россію. Неужто! сказали мои спутники, какое же?

А пошлаина? былъ мой саркастическій отвѣтъ.

Птичий разговор.

НЕМНОГО далѣ мы увидѣли презабавную па-

рочку.

Высооченный журавль точилъ лясы съ кургузой уткой.

Журавль въ изящныхъ штиблетахъ и въ спортивной шапочкѣ ради шутки предлагалъ попробовать уткѣ своей самокатъ съ большой передачей и длинными шатунами.

На это утка очень резонно посылала его въ болото, нисколько, впрочемъ, не въ качествѣ браннаго выраженія, а съ единственной цѣлью попробовать ухитриться при своихъ длинныхъ ножкахъ поплавать въ мелкой болотной водѣ.

У нихъ тамъ есть водяные самоплавы, сказалъ Иванъ Колесо.

Птицы поговорили, поговорили и разѣхались.

Для ясности оговариваюсь, что совсемъ не нужно знать для того, чтобы понять о чемъ они разговоръ ведутъ.

Главное здѣсь мимика.

А они такъ ясно дополняли свои слова мимикой, и мы все вошли въ такой азартъ, что вмѣшались въ ихъ разговоръ, для чего стали махать руками, какъ крыльями, трубить по журавлинымъ и тякать по утиньи.

Но, надо полагать, мы ихъ обидѣли какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ и они ушли.

Среди обезьянъ.

ОСЛѢ двухъ часовъ ѣзды по плодородной равнинѣ мы приблизились къ опушкѣ лѣса обезьянъ и храбро пу-

стали въ

чащу. Здѣсь царилъ пріятная прохлада; огромные баобабы, кедры, пинии, камфорныя и фруктовыя деревья всѣхъ видовъ и порода давали чудную тѣнь.

Ліаны, обвивая вѣтви, образовывали узорчатый переплетъ и въ видѣ гирляндъ спускались до самой земли.

Древовидные папоротники давали пріютъ птицамъ, сверкавшимъ всеми цвѣтами радуги.

Отрывистые крики заставили насъ поднять голову: это обезьяны посылали намъ свои привѣтствія.

Онѣ оказались настолько ручными, что позволяли намъ приблизиться.

Можете себѣ представить мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что обезьяны разѣзжали на самокатахъ по вѣткамъ деревьевъ.

Ихъ гримасы, прыжки и мимика заключали въ себѣ столько комизма, что я хохоталъ до упада.

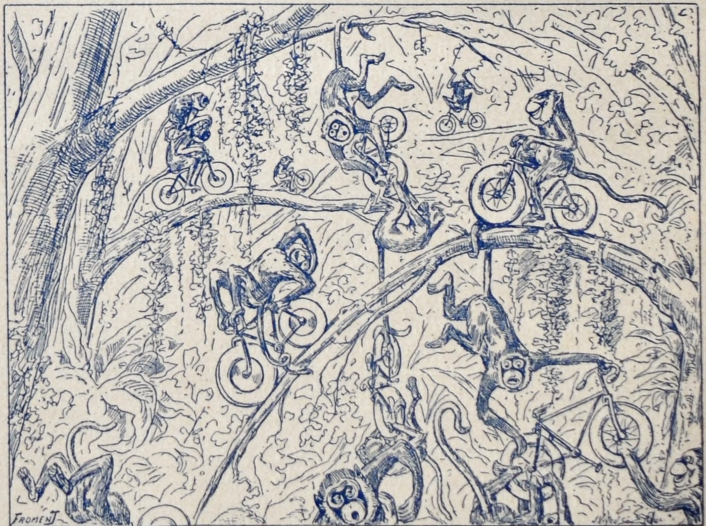
Несомнѣнно, мой смѣхъ производилъ на нихъ не важное впечатлѣніе: при моемъ приближеніи обезьяны поворачивались спиной и высоко поднимали свои хвосты, что, увѣряю васъ, не представляло ничего интереснаго.

Но потомъ, усмотрѣвъ среди насъ иностранца, они, надо полагать, простили намъ нашъ смѣхъ и и вернулись поглазѣть на насъ.

Онѣ стали на своихъ самокатахъ ѣздить по вѣтвямъ съ такой ловкостью, какая доступна только тѣмъ, у кого руки цѣпкія. Онѣ, напр. опускались по вѣткѣ лежа на спинѣ и вращая педаль хвостомъ.

Счастливыя, подумалъ я, имъ дозволяется ѣздить всюду, такъ какъ вѣтки здѣсь еще не рѣшили подвести подъ категорію пѣшеходныхъ тропинокъ.

Мало по малу онѣ такъ осмѣльчались, что подошли совсемъ близко къ намъ и стали выкидывать такія уморительныя колѣнца, что я, какъ

ни старался, не могъ удержаться, чтобы не фыркнуть, что было мочи.

Обезьяны отъ такой неожиданности, попадали какъ горохъ.

Въ странѣ обезьянъ и зѣбрѣй.

ТРУДНО было оторвать наши восхищенные взгляды отъ этихъ ловкихъ мартышекъ, такъ хитро увеличившихъ свою и безъ того изумительную природную ловкость. Къ четыремъ рукамъ и хвосту они добавили пару колесъ.

А что бы, говорю я въ видѣ шутокъ, прикрѣпить имъ по парѣ №№ на машину, звонокъ на руль, фонарь спереди и обязать имѣть при себѣ постоянно книжечку съ правилами ѣзды...

Было, было уже это, воскликнулъ Иванъ Колесо, и вотъ какъ это случилось. Одна обезьянка побывала съ какимъ то матросомъ въ чужеземныхъ странахъ и ей удалось вернуться обратно, такъ какъ судно, на которомъ она плыла, потерпѣло крушение у Страны Колеса. Изъ всего экипажа судна спаслась только обезьянка. Вернувшись къ своимъ, она уговорила съобезьяничать, устроивъ и у себя правила и №№.

Ну и что же? спрашиваю я.

Да то и вышло, что съ каждымъ правиломъ стали на самокатахъ ѣздить все меньше и меньше.

Точь въ точь какъ у насъ, хотѣлъ сказать я, вспомнивъ, какъ при перемѣнѣ №№, самокатчики годъ съ лишнимъ брали эти новые №№, и, значитъ, многіе иблѣй годъ не ѣздили изъ за того, что ихъ обязали взять новые №№.

Конечно, мнѣ было совѣстно сказать, что обезьяна вѣроятно побывала въ нашемъ Питерѣ и научилась правиламъ у насъ.

Эта обезьяна не у насъ была, сказалъ я, краснѣя.

Ну конечно, она была гдѣ нибудь въ дикой странѣ, проговорилъ Иванъ Колесо.

И чѣмъ же кончилось съ ихъ правилами и №№, спросилъ я.

Да тѣмъ и кончилось, отвѣтилъ онъ, что наконецъ не осталось ни одной обезьяны на самокатѣ. Тогда была выбрана коммиссія по вопросу о передвиженіи, которая и отмѣнила всѣ правила и №№, замѣнивъ ихъ слѣдующими:

„Каждый имѣеть право ходить на двухъ рукахъ (дѣло идетъ объ обезьянахъ) или ѣздить на двухъ колесахъ“.

„Не возбраняется ходить и на переднихъ рукахъ или на всѣхъ четырехъ“.

„Не возбраняется ходить и ѣздить руками или колесами вверхъ, какъ напр.; ходить мухи по потолку или ѣздить на самокатѣ „въ петлѣ““.

„Каждый отвѣчаетъ самъ за себя за причиненныя другому поврежденія“.

И вотъ, прибавилъ Иванъ Колесо, у нихъ снова завелись машины.

Пока мы разговаривали, къ намъ близко подѣхало изящное животное, въ которомъ я безъ труда призналъ кенгуру, несмотря на то, что его движенія на самокатѣ совсѣмъ не были похожи на обычныя движенія кенгуру.

Конечно я вспомнилъ, что у насъ лѣтъ 15 назадъ существовалъ типъ машинъ подъ названіемъ „Кенгуру“ и я нашель что нѣкоторое сходство между животными и между самокатомъ „Кенгуру“ все таки есть.

Я только что собирался повѣдать кенгуру, что въ музеяхъ хранятся остатки машинъ „Кенгуру“, но онъ закатилъ такойспуртъ какъбудто онъ намалялъ не

ногами, а машиной.

Ужъ не дикій ли звѣрь гдѣ поблизости, сказали мои спутники.

Дѣйствительно Иванъ Колесо сообщил мнѣ, что нашъ путь лежитъ черезъ страну дикихъ звѣрей, составляющихъ составную часть страны обезьянъ. Я выразилъ свою сердечную признательность моему пріятелю за его желаніе познакомиться со мною такъ подробно съ интересной страной.

— Это я считаю своей обязанностью отвѣтить онъ. Вѣдь если бы мнѣ пришлось посѣтить ваши края, вы столько же участія проявили бы ко мнѣ.

О, непременно, съ охотой я вамъ покажу все, что у насъ есть интереснаго въ Россіи, напр. чай китайскій, ромъ ямайскій, сыръ голандскій и швейцарскій, миліоны машинъ мѣстнаго производства (Чикаго, Нью-Йоркъ, Лондонъ, Парижъ, Берлинъ) и многое многое, чѣмъ можетъ похвастаться Россія. Въ заключеніе покажу самоваръ и баню!

Получивъ этотъ утвердительный отвѣтъ, онъ прибавилъ: впрочемъ, все, что я сдѣлалъ для васъ, доставило мнѣ самому огромное наслажденіе. Онъ мнѣ предложилъ свернуть направо съ большой дороги и черезъ какихъ нибудь пять верстъ пути мы выбрались изъ лѣса и достигли поляны.

Едва только мы успѣли остановиться, чтобы оглядѣться, какъ увидѣли такое зрѣлище, какого пожалуй никому изъ васъ, дорогіе мои слушатели, не приходилось видѣть.

Мимо насъ неслась газель каррьеромъ въ растяжку, а за нею во всю прыть мощными ногами левъ старался приналечь.

Ему не удалось догнать газель только потому, что я его озадачилъ, крикнувъ ему: покажите ваше свидѣтельство на право ѣзды!

Левъ схватился за бокъ, но вспомнивъ, что онъ забылъ пиджакъ дома (вмѣстѣ съ книжкой), онъ былъ очень сконфуженъ, и сразу не сообразилъ, что у нихъ №№ и книжки отмѣнены.

Сообразивъ въ чемъ дѣло, онъ очень разсердился, но побоялся напасть на насъ четверыхъ и, чтобы только поддержать свой престижъ, кинулся за газелью. Но она успѣла скрыться.

Почему же у газели нѣтъ своей машины, спрашиваю я.

Исключительно по бѣдности, былъ отвѣтъ

Колеса; онъ уже обратился къ правительству за вспомошествованіемъ.

Миниатюрный миръ.

Поляна скоро осталась позади насъ и мы подъѣхали къ опушкѣ лѣса съ необычайно изумительными живыми существами.

Признаюсь, что, посмотрѣвши всѣхъ этихъ чудесъ, я совершенно сталъ иначе относиться къ животнымъ и насѣкомымъ извѣстнымъ доселѣ европейцамъ.

Какая нибудь летучая мышь, летучая рыба или какой нибудь кузнечикъ со своими несообразно большими ногами, было ничто въ сравненіи съ миниатюрными, какъ колибри, летающими существами, питающимися соками прелестныхъ цвѣтковъ. Они съ мелодичнымъ жужжаніемъ летали вокругъ этихъ цвѣтковъ, какъ въ теплое лѣто вьются ночныя бабочки вокругъ цвѣтковъ въ нашихъ странахъ.

Но только эти летающія крошки чудесной страны колеса жужжали не крыльями, а быстро вращая миниатюрное колесико.

Эти существа переговаривались между собой „языкомъ спицъ“. Каждая спица звучала особымъ тономъ, и когда мы подъѣхали подъ одно громадное вѣтвистое дерево, то отовсюду доносились къ намъ мелодичные звуки то соло, то хоромъ.

Но еще болѣе удивительныя существа мы нашли среди насѣкомыхъ.

Когда Иванъ Колесо замѣтилъ ихъ въ травѣ, онъ указалъ ихъ мнѣ.

Не желаете ли, сказалъ онъ, полюбоваться на чемпионатъ бокса между атлетами любителями изъ породы насѣкомыхъ.

Т. е. какъ это такъ, атлеты насѣкомыя? изумился я.

Мало того, добавилъ Колесо, насѣкомыя, да еще и разборныя!

Чемпионатъ бокса клапановъ.

И дѣйствительно, онъ мнѣ показалъ такое чудо природы, передъ которымъ все другое ничто. Этихъ насѣкомыхъ можно было развинчивать на отдѣльныя части, причемъ всѣ отдѣльныя части продолжали жить, и если ихъ свинтить опять, то они сейчасъ же принимались

за прерванное занятіе.

Въ настоящемъ случаѣ они сейчасъ же возобновили розыгрышъ чемпионата бокса и такъ ловко работали своими рукавицами для бокса, что было очевидно ихъ нешуточное знакомство съ его правилами.

Интересно, что эти „боксеры“ имѣли форму клапановъ для пневматическихъ шинъ и мя, желая подкачать шины нашихъ самокатовъ, затруднялись сказать, гдѣ настоящій клапанъ, а гдѣ насѣкомое, что было дѣйствительно трудно. такъ какъ у насѣкомыхъ шапочки отвинчивались какъ у клапановъ.

Досаднѣе всего, что сквозь нихъ можно было даже и накачивать воздухъ, но конечно не въ шину и я думалъ, что шина проколота.

Качайте скорѣе, говорили мнѣ мои спутники, сами посмѣиваясь надъ моею оплошностью.

И я сталъ до того сильно накачивать, что насѣкомое осталось недовольно и устроило маленький сеансъ бокса съ моимъ насосомъ.

Наконецъ, съ не малымъ трудомъ я таки отыскалъ настоящіе, нефальсифицированные клапаны и подкачалъ шины.

Зубчатая насѣкомыя.

МОТРИТЕ, не потеряли ли вы зубчатку, сказали мнѣ Иванъ Колесо и указалъ на крохотную зубчатку, скрывающуюся между стебельками травы.

Дѣйствительно, я замѣтилъ зубчатку, но какую! Съ необычайной легкостью она взбиралась по стебельку до самой его верхушки

и, поглядѣвъ зубцами въ разныя стороны, перепрыгивала на сосѣдній стебелекъ.

Такъ она прыгала, пока, наконецъ, не наткнулась на такую же миниатюрную зубчатку, но только зубцами внутрь.

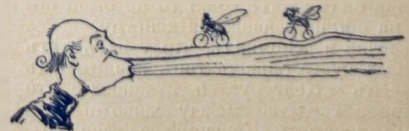
Немедленно же пошла баталія.

Ну говорю, опять боксъ!, хоть бы они затѣяли фехтованіе или французскую борьбу по всѣмъ правиламъ искусства.

Между тѣмъ на шумъ баталіи стали стекаться живыя существа, которыя немедленно же вступали въ общую свалку.

Оказалась страшная масса выбитыхъ зубовъ... съ зубчатокъ.

Но еще поразительнѣе проявилось искусство и разнообразіе природы въ насѣкомыхъ, пріѣхавшихъ на самокатѣ полюбопытствовать на состязаніе въ боксъ.

Хитрое насѣкомое.

В Европѣ приходится иногда видѣть насѣкомыхъ, очень похожихъ по своей формѣ и цвѣту на стебелекъ или вѣтку, на которыхъ они сидятъ.

Или хамелеона, который цвѣтъ своей шкуры подгоняетъ къ цвѣту предмета, на которомъ сидитъ.

Но чтобы живое существо придавало своему тѣлу формы машины, на которой оно летитъ, это, признаюсь, мнѣ ни до посѣщенія Страны Колеса, ни до возвращенія оттуда, не приходилось видѣть.

Подъѣхавшее насѣкомое именно и отличалось этимъ качествомъ. Оно все приспособилось, чтобы быть похожимъ на части самоката. Туловище состояло изъ колеса, ноги изъ покрышекъ для цѣпи, руки изъ переднихъ вилокъ, а голова изъ сѣдла...

Для чего, спрашиваю, насѣкомое такъ разукрасило себя?

О, это хитрый способъ самозащиты, объяснилъ Иванъ Колесо;

они стараются обмануть своихъ враговъ, заставляя ихъ думать, что они и ихъ машина одно цѣлое.

Для чего же это имъ нужно, не понимаю. я.

А это было того, объяснилъ Иванъ Колесо, чтобы насѣкомыя—враги кусали бы не ихъ, а ихъ машины.

И мнѣ сейчасъ же пришлось видѣть, какъ какіе то жучки набросились съ клещами на колеса машины и мигомъ отскочили въ сторону: клещи попали въ спицы и были сломаны, а цѣпь отдала имъ лапы.

Нечего сказать, просто и ловко отбито нападеніе!

Зубчатая дорога.

И ТАКОНЕЦЪ, мы подъѣхали къ крутѣйшей горѣ съ такими глубокими пропастями, что, казалось, уже не было никакой возможности подняться на необъятныя выси горныхъ вершинъ.

Посмотримъ, что будетъ дальше, подумалъ я.

Между тѣмъ мои спутники остановились и стали соображать, въ какую сторону имъ ѣхать. Подумавъ, они двинулись направо и потомъ сказали:

Ну, здѣсь намъ придется распрощаться, такъ какъ на нашихъ самоползахъ по такимъ кручамъ взбираться немислимо.

Не смѣю васъ удерживать, отвѣтилъ я, и очень благодаренъ за ваше любезное соупутствіе въ этой столь интересной для меня поѣздкѣ, но смѣю спросить, какъ же мы съ Иваномъ Колесо взберемся на гору, на нашихъ машинахъ?

О, это нисколько для васъ не будетъ затруднительно, сказали они, и Иванъ Колесо покажетъ вамъ дорогу.

Нечего дѣлать, пришлось окончательно распрощаться со своими спутниками на самоползахъ.

Когда приѣдете, говорю я, въ Петербургъ, угощу васъ кулебякой!

Они поѣхали обратно, а я съ Иваномъ Колесо, взявъ наши машины знаменитой фирмы „Кремень“ на плечи, стали пробираться между скалами.

Но не прошли мы и сотни шаговъ, какъ я остановился, пораженный какимъ то страннымъ шумомъ, будто кто вертитъ кофейную мельницу.

Что за шумъ, говорю я, прислушиваясь.

Иванъ Колесо тоже сталъ прислушиваться, но сейчасъ же повесѣлъ.

Оно самое и есть, сказалъ онъ, мы совсѣмъ правильно попали на большую дорогу, идущую черезъ эту гору.

Дѣйствительно, намъ едва пришлось сдѣлать сотню шаговъ, и мы вышли изъ ущелья на большую дорогу, по которой то идѣло подъѣзжали ѣздоки на самокатахъ самаго различнаго типа.

Еще немного далѣе мы наконецъ увидѣли, какъ мѣстные жители умудрились переваливать черезъ горный хребетъ. Для этого они устроили зубчатую дорожку, по которой и подымались на особыхъ самокатахъ съ зубчатыми колесами.

Ѣздоки нагружались кто биноклемъ, кто pozorной трубой, а кто не переносить холоднаго воздуха горныхъ высотъ, тѣ надѣвали себѣ на спину маленькую печку съ кипящей водой, которая обтекала вокругъ туловища по змѣвинку.

Не долго думая, мы привязали наши самокаты на спины, а сами усѣлись на зубчатые самокаты.

Поѣзжайте ка вы впередъ, предложилъ Иванъ Колесо, посмотримъ, какъ вы поѣдете.

Оказалось, что ѣхать очень легко, такъ какъ передача была очень маленькой и потому усталости вовсе не чувствовалось.

Тѣмъ не менѣе у первой же гостиницы я остановился, чтобы хорошенько разсмотрѣть, глубоко ли падать, вслучаѣ придется.

Страсть какъ глубоко!

Сморгонская академія.

Посидѣвъ въ гостинницѣ, поѣхали дальше.

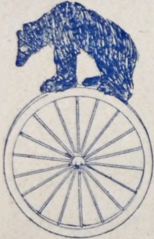
Я замѣтилъ, что чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ растительный міръ становился бѣднѣе, а животныя смѣнялись однѣ другими.

Ба! говорю я, вотъ и наши Мишки Топтыгины тутъ, какъ тутъ! Совѣмъ, какъ въ нашихъ сѣверныхъ холодныхъ странахъ.

Наше вниманіе у слѣдующей станціи привлекло какое то сборище четвероногихъ существъ. Въ бинокль мы рассмотрѣли, что на площадкѣ упражнялась цѣлая компанія сѣрыхъ медвѣдей. Кто умудрялся балансировать на колѣсахъ, кто сидѣлъ на трехколескѣ, подталкиваемой другимъ Топтыгинымъ.

Но, что было всего смѣшнѣе, это удивительный тандемъ, на которомъ возсѣдали лицомъ къ лицу медвѣдь и быкъ.

Объясните же мнѣ, наконецъ, обратился я къ Ивану Колесу, чего ради они такъ ретиво упражняются и какъ этотъ быкъ попалъ въ общество медвѣдей.

Видите ли, отвѣтилъ онъ, это ихъ медвѣжья академія.

И въ Россіи была, говорю я, медвѣжья Сморгонская академія, откуда ученыхъ медвѣдей водили мужики.

А здѣсь они дѣлаютъ безъ мужиковъ, и потому весь заработокъ идетъ въ ихъ пользу.

А быкъ?

А это не болѣе какъ костюмированный медвѣдь для усиленнаго привлеченія зрителей.

Когда мы поднялись на самую верхушку, предстояло спуститься по такой же зубчатой дорожкѣ по другую сторону горы.

Но мнѣ немного наскучило это однообразие и потому я предложилъ спуститься прямо по скаламъ.

Охотно, согласился Иванъ Колесо, но только надо быть осторожнѣе, такъ какъ этихъ медвѣдей здѣсь водится много и ихъ слѣдуетъ опасаться.

Чѣмъ же они опасны, спрашиваю я, если они настолько учены, что даже отправляются на гастроли въ артистическое турнѣ?

О, они ужасные разбойники, отвѣтилъ Колесо, они забираютъ путниковъ въ плѣнъ и заставляютъ служить себѣ. Они заставляютъ плѣнныхъ, ради забавы медвѣжать, выкидывать разные колѣнца икрумъ того требуютъ, чтобы ихъ учили новымъ штукамъ, какія показываютъ акробаты на самокатахъ.

Чтожъ, будемъ осторожны, говорю, да тѣмъ болѣе насъ двое!

И мы поѣхали, подозрительно оглядывая скалы, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ.

Мы такимъ образомъ очень медленно спускались уже впродолженіе получаса, бесѣдуя о томъ, что собирались осматривать, какъ вдругъ мой спутникъ крикнулъ мнѣ „полный ходъ впередъ!“. Не успѣлъ я спросить о причинѣ, какъ онъ взволнованнымъ голосомъ прибавилъ.

— Смотрите — медвѣди! Дѣйствительно, эти огромные бурые чудовища отовсюду мчались съ искусствомъ настоящихъ самокатчиковъ.

Медвѣди кричатъ что то очень похожее на „гипъ, гипъ, уррра!“, чрезвычайно ловко лавировали между нагроможденными осколками скалъ и камнями, перепрыгивая по ямамъ и рытвинамъ и весело переглядываясь между собой.

Ихъ веселость была понятна: они были убѣждены, что мы не избѣжимъ ихъ лапъ, такъ какъ они считали, что по ихъ медвѣжьимъ дорогамъ никто не сдумѣетъ мчаться полнымъ ходомъ.

Но какъ они ошиблись!

Они не знали съ кѣмъ имѣли дѣло! Они не знали, что каждый петербургскій настолько привыкъ къ ухамамъ, ямамъ, колеямъ, камнямъ, скользкой грязи, канавамъ, рыхлому снѣгу, лужамъ и самымъ разнообразнымъ препятствіямъ, что ѣзда по скаламъ не болѣе, какъ дѣтская забава. И не косолапымъ мишкамъ состязаться съ ѣздокомъ, привыкшимъ ѣздить по нашимъ улицамъ и дорогамъ! Когда французскіе гонимыя пріѣзжали въ Россію на шоссеиныя состязанія, они всегда жаловались, что наши шоссе очень плохи и годятся только для того, чтобы медвѣдей водить.

Но, повторяю, медвѣди этого не знали и потому все еще не бросали погоню. Гораздо хуже было положеніе Ивана Колеса, не привыкшаго ѣздить по бездорожью полнымъ ходомъ.

За мной! Въ кильватеръ! крикнулъ я ему и, какъ дирижеръ машетъ палочкой, такъ и я предупреждалъ его мановеніемъ руки въ какую сторону выплунуть ему колесомъ.

Иванъ Колесо уже ощущалъ на своей спинѣ горячее дыханіе ужасныхъ четвероногихъ, какъ мы счастливые достигли площадки, куда не отваживаются являться эти чудовища.

Висячія дорожки.

МЫ сдѣлали большую ошибку, — сказала Иванъ Колесо, когда онъ нѣсколько оправился отъ страха — сдѣдало намъ спуститься съ горы по зубчатой дорожкѣ, это немного скучно, но зато безопасно. А теперь мы поѣдемъ по специальной дорожкѣ, очень удобно устроенной. Катиться по значительному, хотя вполне безопасному уклону, — одно наслажденіе!

Дѣйствительно, площадка, куда мы поѣхали, была конечной станціей

висячихъ горныхъ тропинокъ.

Такихъ площадокъ было нѣсколько и на каждой изъ нихъ были построены прекрасно устроенныя гостиницы съ террасами и плоскими крышами, откуда открывался чудесный видъ на окружающія горныя вершины.

Въ то время какъ мы въѣзжали на площадку, на ней показалась изъ подъ земли группа ѣздоковъ съ самокатами въ рукахъ.

Откуда это они лѣзутъ, спросилъ я у моего спутника.

Это они поднимаются съ нижней площадки на подъёмной машинѣ, от вѣтилъ тотъ.

Тѣмъ временемъ прибывшая партія бѣгло осмотрѣла окрестную панораму и одинъ за другимъ направилась по наклонной тропинкѣ.

Послѣ нашего нелегкаго путешествія мы не спѣшили сейчасъ же продолжать путь. Я съ интересомъ сталъ слѣдить за нѣкоторыми спускающимися ѣздоками. Они съ чрезвычайной быстротой скатились по дорожкѣ и, нисколько не останавливаясь, по другой такой же дорожкѣ снова неслись къ подошвѣ горы, на которой мы стояли. Еще минута и они снова вынырнули изъ земли и опять двинулись къ дорожкѣ.

Что они бѣлены объѣлись, говорю я, что такъ безтолково носятся туда и обратно?

Это они парше держатъ, отвѣтилъ Колесо, кто изъ нихъ большее число разъ спустится и подымется въ одинъ часъ.

Очевидно, медвѣди, взгромоздившіеся на ели, хорошо были знакомы съ этимъ видомъ забавы и презабавно ждали, когда кто сверзится къ нимъ въ пропасть.

Станція телекатовъ.

ОГДА мы отдохнули, мой пріятель предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ контору телеката: онъ собирался успокоить своихъ домашнихъ коротенькой запиской, полагая, не безъ основанія что наше продолжительное отсутствіе можетъ имъ внушить нѣкоторыя опасенія.

Онъ объяснилъ мнѣ, что телекатъ это учрежденіе, занимающееся передачей свѣдѣній на большія разстоянія; какъ телескопомъ пользуются, чтобы смотрѣть вдаль, такъ у нихъ телекатомъ пользуются, чтобы катить вдаль.

— Почему же, говорю я, у васъ не пользуются телеграфомъ и телефономъ?

— О, наша страна уже испытала всѣ прелести телефоновъ и телеграфовъ и навсегда отказалась отъ нихъ, отвѣтилъ Колесо.

— Но почему же?

— Да потому, что по телефону стану и нужное и ненужное время дня и ночи шили человека не только заснулъ-звонокъ, всюду звонокъ и звонокъ.....

Мы подошли къ конторѣ.

Контора телекатовъ.

ней мѣрѣ это всѣмъ извѣстно, что когда по телеграфу извѣщаешь о своемъ прїѣздѣ, то самъ же ее и получаешь послѣ своего прїѣзда.

КАЗАЛАСЬ контора квадратнымъ зданіемъ, окруженнымъ цѣлымъ лѣсомъ высокихъ столбовъ, на которыхъ по всѣмъ направленіямъ были натянуты крѣпкіе канаты, одинъ надъ другимъ, въ общемъ напоминающіе нашу телеграфную линію. На этихъ

Многомѣстни.

канатахъ было подвѣшено множество аппаратовъ, которые, какъ сказалъ мой спутникъ, назывались телекатами.

Каждый изъ нихъ состоялъ изъ пары одноколесокъ, прикрѣпленныхъ къ крѣпкой стальной рамѣ съ тяжелой гирей внизу, удерживающей снарядъ въ отвѣсномъ положеніи. Два ѣздока, очень расторопные съ виду, имѣя черезъ плечо почтовую сумку. при насъ взобрались на верхъ, сѣли въ сѣдла аппарата и съ быстротой курьерскаго поѣзда двинулись въ путь.

Какъ-то странно было видѣть колебаніе канатовъ, по которымъ катились аппараты и темные силуэты ѣздоковъ, принимавшіе фантастическія формы на свѣтломъ фонѣ неба.

Необыкновенно громкій звонокъ заглушилъ голосъ моего спутника и мимо насъ промчалась многомѣстка чудовищныхъ размѣровъ. На первомъ и послѣднемъ мѣстѣ этой странной машины сидѣли 2 самокатчика и переговаривались при помощи телефонныхъ аппаратовъ, укрѣпленныхъ на руляхъ.

— Вотъ, кстати, убѣдитесь, что мы не пренебрегаемъ телефономъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ дѣйствительно необходимъ, сказалъ мой спутникъ.

Это прогулочная машина Общества «Единодушіе». Она рассчитана всего на пятьдесятъ ѣздоковъ, но есть еще большія. Конечно, безъ телефоннаго аппарата, на ней было бы нѣсколько затруднительно двигаться. Рулевой не успѣлъ бы. напримеръ, въ случаѣ опасности, предупредить своихъ болѣе отдаленныхъ товарищей.

Какъ-то странно было видѣть колебаніе канатовъ, по которымъ катились аппараты и темные силуэты ѣздоковъ, принимавшіе фантастическія формы на свѣтломъ фонѣ неба.

— Почему же вы не пользуетесь для пересылки корреспонденции своими, хотя бы, аэроциклами, снова продолжая, когда мы выпли изъ конторы.

Впрочемъ, такая многомѣстка вамъ вѣроятно не въ диковинку, продолжалъ словоохотливый Колесіанецъ, устраиваютъ же ваши кружки совмѣстныя прогулки.

— Увы, отвѣтилъ ему я, невольно краснѣя; если у насъ и устраиваются общественныя поѣздки, то на нихъ никогда не наберется пятидесяти желающихъ, да и тѣ что соберутся часто кончаютъ тѣмъ, что разѣзжаются въ разные стороны. Кромѣ того, (это я уже скрылъ отъ него) многомѣстки даже тѣмъ, считаются

— Объ этомъ мы сами думали, но въ концѣ концовъ рѣшили, что при помощи аэроцикловъ и вентицикловъ свѣдѣнія, а слѣдовательно и постоянная безпокойства будутъ доставляться еще скорѣе, чѣмъ при помощи электричества, а потому и было рѣшено отклонить такое предложеніе, тѣмъ болѣе что при нашихъ ограниченныхъ потребностяхъ будетъ совершенно достаточно старой испытанной системы телекатовъ.

у насъ опасными для уличнаго движенія и потому Петербургъ остался чуть ли не единственнымъ городомъ, въ которомъ мужъ и жена «для безопасности» должны ѣздить на отдѣльныхъ самокатахъ одномѣстныхъ.

Ужъ не для того ли, чтобы не подралась!

Истинная правда, подтвердилъ и я, у насъ также электричество вовсе не шибко бѣгаетъ. По край-

Почтовые голуби.

Я съ вами согласенъ, вернулся я къ разговору о телекатахъ но, знаете, бывають случаи, когда бываетъ крайне необходимо послать известіе возможно скорѣе.

Въ такихъ необычныхъ случаяхъ, сказалъ Колесо, есть способъ, но только крайне дорогой.

Какой же это способъ?

Почтовые голуби, и вотъ, смотрите, какъ разъ къ намъ подъѣзжаетъ трехколесникъ съ корзиной почтовыхъ голубей за спиной.

Изъ какихъ мѣстъ, говорю я, ваши голуби? Есть ли изъ Колесограда, или съ берега моря, гдѣ стоитъ нашъ пароходъ.

Зачѣмъ же вамъ нужно чтобы голуби были непременно оттуда, изумилъ Колесо.

Какъ зачѣмъ?! Вѣдь они же полетятъ къ своимъ голубицамъ въ голубятню!

Нисколько! это уже давно такъ не дѣлается. Мы всегда посылаемъ двухъ голубей: голубя и голубицу вмѣстѣ и потому имъ незачѣмъ летѣть въ свою голубятню. А чтобы они знали куда летѣть, имѣна клювъ прикрѣпляется маленькой компасъ и на немъ отмѣчается направленіе, куда слѣдуетъ держать стрѣлку компаса. На слѣдующей станціи имъ, шообразуясь съ адресомъ на письмѣ, исправляютъ направленіе и они снова летятъ, пока не долетятъ по назначенію.

Я живо написалъ записку капитану парохода: «Путешествую въ свое удовольствіе, собралъ много интересныхъ свѣдѣній; что не забуду, сообщу вамъ, а вы не забудьте захватить меня, когда сниметесь съ якоря. Вашъ Быстроѣздъ».

Пріятно было смотрѣть, какъ парочка голубей, однимъ окомъ глядя на компасъ, а другимъ на спутника или спутницу, стремглавъ скрылась за пригоркомъ.

На проволочномъ телекатѣ.

ПОДАВЪ о себѣ вѣсточку и, закусивъ въ ближайшемъ ресторанѣ, немедленно двинулись въ путь.

Но, какъ оказалось, въ этой гористой мѣстности съ очень частыми ущельями и скалами обыкновенный самокатъ былъ не слишкомъ удобенъ.

Поэтому, для скорости мы рѣшили поѣхать «на почтовыхъ» телекатахъ. Сами мы уѣхали на одну такую пару, а для нашихъ самокатовъ мы подрядили почталіона отвести ихъ на другомъ телекатѣ.

Ѣхать на телекатѣ очень пріятно, такъ какъ сидишь высоко и видишь далеко.

Скажите, обратился я къ Ивану Колесо, эти телекаты всѣ одинаковы?

О нѣтъ, отвѣтилъ тотъ, есть много различныхъ системъ. Эта система, на которой мы теперь ѣдемъ, примѣняется въ очень скалистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ много ущелій. Но теперь намъ скоро должны встрѣтиться и другія системы телекатовъ.

На подвѣсномъ телекатѣ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, черезъ нѣкоторое время мы подкатали къ конечной станціи проволочныхъ телекатовъ, гдѣ намъ предложили переѣхать на телекаты подвѣсные, такъ какъ мѣстность

стала ровнѣе и не было надобности переноситься на проволочѣ чрезъ пропасти.

Усаживайтесь, предложилъ Колесо, теперь мы будемъ ѣхать немного ближе къ землѣ, но все-таки не касаясь ея.

Я не заставилъ себя ждать и уѣхалъ на инструментъ, немного смахивающій на люльку, съ которыхъ наши безстрашные малыра красятъ стѣны домовъ.

На такихъ инструментахъ мы помчались очень быстро, тѣмъ болѣе, что скоро начался уклонъ и намъ приходилось только тормазить. Мы неслись надъ болотами, нисколько не чувствуя отъ этого ни малѣйшаго неудобства.

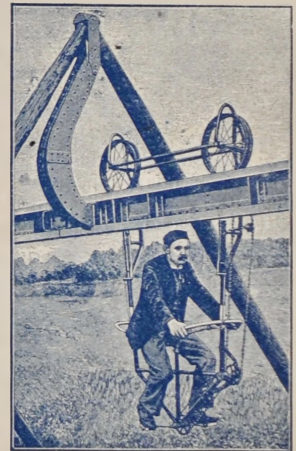
Вотъ, подумаешь, было бы очень хорошо провести такіе пути надъ нашими городскими улицами. Тогда снѣгъ, грязь, починка мостовой—все нипочемъ! А столкновений и въ поминѣ бы не было!

Знаете, какъ я назвалъ бы этотъ снарядъ, спросилъ я Колесо.

А какъ?

«Метрополитенъ» или сокращенно, «тропа».

Такія «тропы» пролегалы бы надъ всѣми улицами, перекрещивались бы одна надъ другой, а тамъ, гдѣ улицъ мало, онѣ, поднявшись легкими извилинами на высоту домовъ, побѣжали бы по крышамъ, какъ телефоны.

На заборномъ телятѣ.

АТЪМЪ, еще немного далѣе мы должны были пересѣсть на особый типъ телеката, такъ называемаго „заборный“.

Намъ предстояло ѣхать по забору, пролегающему уже по сравнительно ровной мѣстности.

Заборъ былъ очень невысокъ, такъ что ѣздокъ сидѣлъ на немъ на такой же вышинѣ отъ земли, какъ если бы онъ ѣхалъ на ослѣ.

Тѣмъ не менѣе это была штука отноду не глупая и мы нашли, что такой способъ передвиженія какъ нельзя лучше отвѣчалъ цѣли нашей поѣздки.

Гдѣ намъ было угодно, мы оставались, слѣзали съ нашего забора и изучали или просто любовались необычными животными и растениями чудесной Страны Колеса.

Любоваться, конечно, было чѣмъ, такъ какъ наша „заборная дорога“ пролегла черезъ густыя лѣсныя заросли, зеленяя лужайки по берегу озеръ

и рѣчекъ и подъ куполомъ отдѣльно стоящихъ деревьевъ.

Деревья, кусты, трава, вода, все кишѣло бой-

кой, свистящей, поюшей и прыгающей жизнью миллионѣ живыхъ существъ.

Надъ нашимъ заборомъ деревья протягивали свои вѣтви, по которымъ носились осы на двухколескахъ и даже одноколескахъ.

Гонка съ лидерами.

ПРИ нашемъ приближеніи къ одному такому дереву, вокругъ котораго кружились цѣлый рой осъ, нѣсколько ихъ слетѣло съ дерева и помчалось впереди насъ по нашему забору.

Эта неожиданная гонка очень насъ заинтересовала, въ особенности же когда я постарался ихъ обогнать. Это мнѣ никакъ не удавалось и вѣроятно, такъ и не удалось бы, еслибы не помогъ поднявшійся противный вѣтеръ. Но мои осы оказались знаками со всѣми тонкостями гоночного искусства. Какъ только вѣтеръ сталъ имъ мѣшать, они остановились, пропустили мимо себя колеса моего заборнаго телеката и, какъ настоящіе гонщики, прицѣпились за мной какъ за лидерамъ.

Самыя большія осы впереди, а самыя маленькія

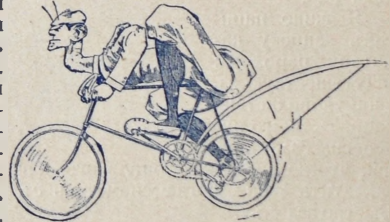

позади подъ защитой предыдущей, неслись одна за другой колесо къ колесу.

Очевидно, они очень тренированы для ѣзды съ лидерами и ихъ бы слѣдовало пригласить въ Европу для состязаній въ трекахъ-чашкахъ (обыкновенныхъ, для турецкаго кофе).

Уже долго за нами тянулся цѣлый хвостъ изъ различныхъ насѣкомыхъ и всѣ они одинъ за другимъ пытались нѣкоторое время держаться впереди насъ противъ вѣтра, но сдавались и рѣшались прицѣпиться въ хвостѣ.

Но одинъ какой то лихой насѣдникъ такъ и не сдался и побѣждены оказались мы, а не онъ. Какъ чайки летаютъ вокругъ корабля или дельфины ныряютъ передъ его носомъ,

такъ этотъ лихой кузнечикъ на самокатѣ издѣвался надъ нами и то подпускалъ насъ поближе, то уходилъ впередъ едва замѣтной точкой. Очевидно этотъ кузнечикъ былъ въ полной гоночной «формѣ».

Стало темнѣть и черезъ какія либо четверть часа ночь окутала все земное мракомъ.

Я говорю все земное, такъ какъ небо было безоблачно и на небосклонѣ одна за другой всплывали звѣзды и цѣлыя созвѣздія.

Прямо впереди меня вырисовывалось на небѣ созвѣздіе, котораго я никогда не видалъ ни въ натурѣ, ни на звѣздныхъ картахъ.

Послушайте, обратился я къ Ивану Колесо, ужъ не галлюцинація ли со мной?

А что вы такое странное видите?

Созвѣдїе.

ВШЖУ, говорю я, много созвѣдїй, которыя я знаю, но только съ добавленїемъ массы звѣздъ, но потъ впереди меня созвѣдїе, котораго нѣтъ ни на одной картѣ.

Передъ вами созвѣдїе „Самоката“. хладнокровно сказалъ мой прїятель.

Но почему же я его никогда не видалъ раньше. Я понимаю, что у васъ въ вашей Странѣ Колеса могутъ быть чудеса, о которыхъ я и понятїя не имѣлъ, но небо то вѣдь отовсюду видно...

Вы правильно говорите, сказалъ Колесо, но, пожалуй, я объясню вамъ это явленїе: дѣло въ томъ, что у насъ воздухъ гораздо чище, чѣмъ въ нашихъ странахъ и потому здѣсь видно гораздо больше звѣздъ чѣмъ у васъ.

Съ этимъ я не могъ не согласиться, съ наслажденїемъ втянувъ въ себя этотъ чистый какъ хрусталь воздухъ, и оглянулся вокругъ.

Свѣтляки.

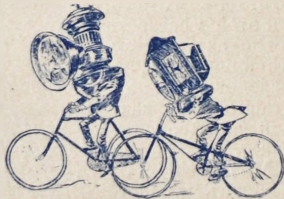
это что такое, указалъ я на какїя то движущїяся точки, это тоже, что ли, звѣзды спустились съ неба ради чистаго воздуха?

Это свѣтляки, сказалъ Колесо.

Но вѣдь свѣтляки не дымятъ, а эти копятъ такъ, что того и гляди вашихъ звѣздъ видно не будетъ.

Пришлось остановиться и изловить нѣсколько свѣтляковъ. Въ общемъ конечно въ этихъ свѣтлякахъ ничего особеннаго не было, такъ какъ наши европейскїе свѣтляки тоже не лыкомъ шиты и свѣтятъ фосфоромъ, а въ Странѣ Колеса они свѣтятъ масломъ или ацетиленомъ, всего только и разницы. Развѣ только то, что они ѣздили на самокатахъ, но вѣдь этому удивляться можно только въ Петербургѣ, а не въ Странѣ Колеса.

Намъ конечно нисколько не помѣшала ѣхать темнота ночи, такъ такъ съ забора нельзя было ни свалиться, ни сбиться. Такой увѣренной вѣдь по-

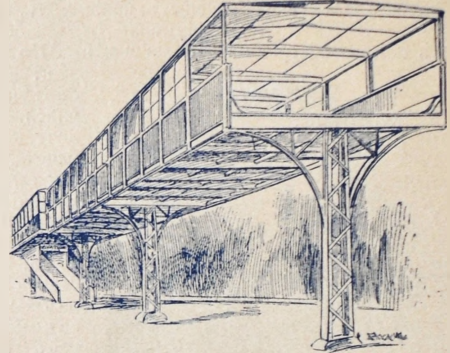

могали также и свѣтляки, длинной свѣтящейся лентой указывавшіе направление изгибовъ забора.

Крытая дорога.

Но всему бываетъ конецъ, такъ и нашему забору пришла пора смѣниться на особую просторную крытую дорогу.

Эта крытая дорога была устроена образцово. Она пролегла по столбамъ для того, чтобы не мѣшала проезжающимъ по очень здѣсь многочисленнымъ поперечнымъ дорогамъ; поэтому можно было ѣхать съ полной безопасностью чрезвычайно

быстро, такъ какъ некому ѣхать поперекъ дороги разиня ротъ.

Каждый строго держится правой стороны и потому на уклонахъ мы неслись съ такой быстротой, что только однѣ звѣзды оставались неподвижны, все же остальное въ бѣшеной вѣдѣ скрывалось у насъ за спиной какими то туманными полосами.

А знаете, говорю я, вѣдь по забору лучше ѣхать, чѣмъ по этой дорогѣ.

Почему же, объясните-ка, заинтересовался Иванъ Колесо.

А потому что по забору можно ѣхать въ какую угодно темъ и въ какомъ угодно сонномъ видѣ (тутъ я невольно вспомнилъ глубокую мысль одного русскаго мужичка о томъ, что въ телѣгѣ ѣхать лучше всего: завалился пьяный спать, а лошадь сама доезветъ или до дому или до казенной лавки), а по дорогѣ, по которой мы теперь ѣдемъ, приходится все время быть на чеку, такъ какъ меня сильно клонитъ ко сну...

Эге, такъ вы хотите спать? Да и пора, одобрилъ Иванъ Колесо мое желанїе. Потерпите минутку, мы должны подѣхать къ гостинницѣ, такъ по крайней мѣрѣ объ этомъ говорятъ знаки, накрашенные на стѣнкахъ дороги.

Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно мы подѣехали къ гостинницѣ. Въ этотъ моментъ изъ за пригорка показалась луна съ какой то очень кислой физиономїей, какъ это мнѣ показалось сквозь усталыя вѣки. Иванъ Колесо приглашалъ меня полюбоваться чуднымъ луннымъ освѣщенїемъ, но я знать ничего не хотѣлъ и просилъ поскорѣ лечь спать; послѣ столь продолжительной поѣздки желанїе было вполне законнымъ.

Вухнулся въ постель и многомъ заснуть. Вижу сонъ.

Петербургский сон.

УДТО я ъду изъ Петербурга на дачу. Ђду по всячѣму телекату надъ улицами; заѣмъ, когда городъ кончился, я пересѣлъ на заборный телекатъ и помчался какъ вихрь. Долго я такъ беззаботно мчался и восхвалялъ предусмотрительность нашихъ думскихъ гласныхъ: какіе, молъ, они хорошіе, устроили этотъ заборъ и намъ болѣе не страшна дорожная грязь. Но что это?! „Заборъ“ кончился и я лечу, какъ ракета, въ эту самую уличную грязь! Подымаюсь. Луна, вся состоящая изъ частей самоката, какъ нарочно освѣтила всю эту картину. Но гдѣ же заборъ, по которому я такъ

хорошо ѣхалъ и такъ не хорошо пріѣхалъ? Его нѣтъ, и я стою на такомъ же грязномъ пути, какъ и всегда подъ Петербургомъ послѣ дождя. Но все таки ѣздъ заборъ былъ. Можетъ быть мой чудодѣйственный заборъ, на которомъ можно ѣздить, обратился въ обыкновенный заборъ дачевладѣльцаскупердяги, отказывающагося почистить шоссе на томъ основаніи, что его содержитъ въ порядкѣ (?) земство? Чтожъ, полѣзу на этотъ дачевладѣльческій заборъ и осѣдлаю его!

Что съ вами, куда вы лѣзете, услышалъ я голосъ Ивана Колесо.

Тьфу! а я думалъ что сейчасъ поѣду, виновато проговорилъ я, слѣзая съ изголовья постели.

Спите покрѣпче, добавилъ мой спутникъ, завтра еше не то увидите!

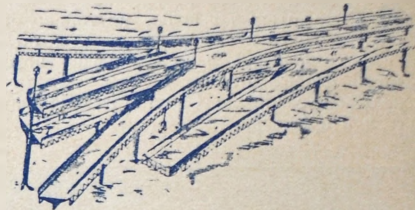
На утро, едва померкла луна и заалѣлся востокъ, мы уже были на ногахъ.

Слегка закусивъ, мы поѣхали дальше.

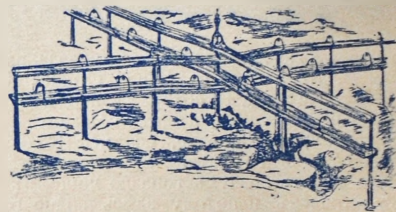
По открытой дорожнѣ.

ЦТОБЫ разнообразить нашу поѣздку, мы оставили въ сторонѣ отъ нашего пути крытую дорожку, по которой мы ѣхали ночью, и поѣхали по открытой, каковая также какъ и та, на столбахъ. Очевидно, вся мѣстность была покрыта такими дорожками, такъ какъ отъ главной дороги во всѣ сто-

роны отвѣтвлялись такія же дороги. По временамъ особые покаты спуски соединяли дорожку съ землей. Фонари освѣщали ее ночью.

Дорога была двухэтажная для того, чтобы можно было ѣхать съ невозможной быстротой, не боясь столкновенія.

Даже на перекрестахъ мы не уменьшали хода, такъ какъ наша дорога переходила поверхъ поперечной или нырала внизъ.

Заѣсъ мѣстность становилась все населеннѣе и потому все чаще и чаще попадались намъ попутчики или встрѣчные.

Очень много попадалось ѣздоковъ на колесныхъ конькахъ.

Заѣмъ это, спрашиваю я, они не снимаютъ своихъ колесныхъ коньковъ, когда пріѣзжаютъ домой?

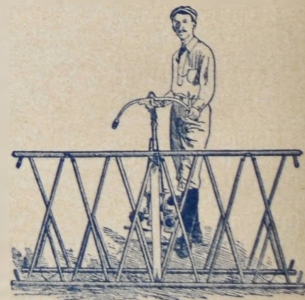
А для чего же ихъ снимать, говоритъ Колесо.

Да ѣздъ они мѣшаютъ, напр. переходить черезъ порогъ.

Прежде всего, отвѣтилъ Колесо, въ этой мѣстности въ домахъ совсѣмъ нѣтъ пороговъ, но, малото, нѣтъ и лѣстницъ, такъ какъ всѣ дома одноэтажные.

Мы нарочно оставились у одного дома, чтобы посмотреть какъ именно устроены ихъ дома.

Прежде всего наше вниманіе привлекъ очень удобно устроенный заборъ, но на этотъ разъ не для того, чтобы по немъ ѣхать, а только для того, чтобы ставить самокаты. Заборъ былъ какъ разъ такой величины, что переднее колесо самоката затискивалось въ заборъ. И ставить и брать самокатъ можно быстро.

Колесная обувь.

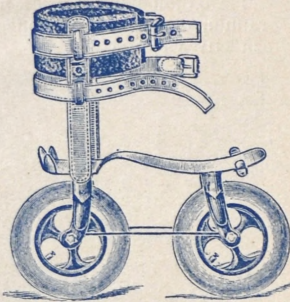

ЧЕНЬ малы были эти домики, похожие на большой бѣсъдаки.

Неужто, говорю я, не тѣсно въ такомъ павильончикѣ жить пѣблomu семейству.

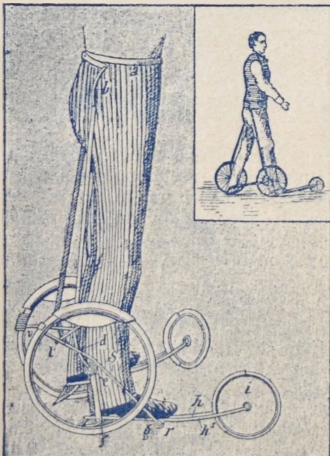
Ужъ не думаете ли вы, возразилъ Колесо, что жилище ихъ состоитъ изъ одного домика? Нѣтъ, они живутъ

въ десяткѣ домиковъ, съ аллеями и садиками между ними. Столовая въ отдѣльномъ домикѣ, кухня

отдѣльно, гостинная отдѣльно, гимнастическій залъ, все, все, отдѣльно и все въ одноэтажныхъ домикахъ.

Но только бѣгать изъ одного домика въ другой мглобы надоѣсть, и потому они и не знаютъ другой обуви, какъ вмѣстѣ съ колесными шинами.

изящными никелированными колесиками.

Съ утра?, удивляюсь я.

Нѣтъ, съ утра, пока еще не выходятъ изъ комнаты, они надѣваютъ туфли, а туфлями у нихъ называется обувь безъ колесъ.

Замѣчательно разнообразіе этой колесной обуви. Были тутъ и высокія и низкія, для большой мужской ноги и кокетливыя миниатюрныя сапожки съ

Для болѣе быстрой ѣзды употреблялись колеса побольше, съ механизмомъ для тормажения.

Эти машины были „что-то вродѣ чего-то“ и представляли изъ себя что то среднее между колесными коньками и двухколеснымъ самокатомъ на каждой ногѣ.

Дорога и солнце.

ПУСТЯ нѣкоторое время мы побѣхали по идеальнѣйшей въ мірѣ дорожкѣ, которую только возможно построить.

Дорога эта построена изъ какого то мѣстнаго дерева, пропитаннаго составомъ, предохраняющимъ его отъ гніенія. Составъ былъ такъ хорошъ, что эта дорога, по словамъ старожилловъ, которые, какъ извѣстно, ничего запомнить не могутъ, существуетъ что-то около 10.000 лѣтъ безъ какого либо ремонта.

Вообще, какъ оказывается, на языкѣ Страны Колеса совершенно не существуетъ слова ремонтъ и они совершенно не знакомы съ этимъ понятіемъ.

Если кто не можетъ представить себѣ, какъ это можно пользоваться чѣмъ нибудь безъ ремонта втеченіи 10.000 лѣтъ, то такого человека слѣдуетъ назвать мальчишкой и щенкомъ, если бы только онъ умѣлъ визжать. Пусть онъ вспомнить о солнцѣ, которымъ безъ какого либо ремонта все пользуются не только 10.000 лѣтъ, но даже и больше, а сколько именно въ исторіи не записано.

Поэтому домовладѣльцы такъ бы и должны были стронть и содержать деревянныя мостовыя, что-

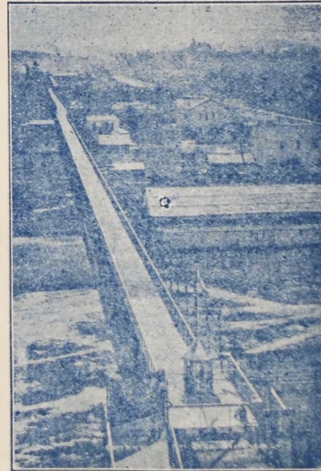
бы онѣ служили тысячекѣтїя, для чего, понятно, безусловно необходимо святъ лошадей за хвосты и изгнать изъ города. Тогда мостовыя не будутъ гнить отъ грязи и щепаться подковами.

Дорога эта, не требующая ремонта, была замѣчательно гладкая, прямая какъ стрѣла и достаточно широка.

Наконецъ

пришелъ конецъ и этой дорогѣ.

Въ концѣ ея былъ устроенъ крытый павильонъ и подъ крышкой этого павильона я увидѣлъ нѣчто такое, что меня очень поразило, но что на самомъ дѣлѣ ничего особеннаго не представляетъ.

На рельсовомъ пути.

ПЛАДКАЯ деревянная дорожка кончалась, какъ отрѣзанная ножемъ и, какъ бы продолженіе ея, къ ней были при- ставлены двѣ пары рельсъ, какъ змѣи тянувшіяся по землѣ и пропадающія въ синевѣ горизонта.

Такъ и казалось, что недоставало только покрыть ихъ досками и получился бы отличный путь для пневматиковъ.

Почему здѣсь не покрыто досками, спрашиваю я у Ивана Колесо.

Это рельсовая дорога, отвѣтилъ онъ.

Какъ, спрашиваю, неужели же и у васъ есть рельсы? Отчего же я не видалъ ихъ нигдѣ въ вашей странѣ?

О, это грустная исторія! Да и стоитъ ли вамъ разсказывать, да вамъ и знать то не нужно!

Какъ же не нужно, не удержался я, вѣдь и у насъ всюду проводятъ рельсы.

Да ну? изумляется Колесо.

Правда не вру! подтверждаю я.

Ужъ если правда, что и у васъ дороги покрываются рельсами, то такъ и быть, я разскажу вамъ грустную исторію чрезмѣрнаго распространенія рельсъ.

Хорошо, сказалъ я, я выслушаю васъ съ интересомъ, но прежде вы мнѣ скажите, какъ же это мы поѣдемъ по рельсамъ на нашихъ самокатахъ? вѣдь мы не акробаты!

Вотъ также, какъ этотъ, котораго вы видите вдали, и онъ указалъ на ѣздока, катящаго по направлению къ намъ по одному рельсу, нисколько повидимому не боясь упасть.

Мое изумленіе только тогда разсѣялось, когда ѣздокъ подѣхалъ поближе и я увидѣлъ, что къ его обыкновенному двухколесному самокату было

придѣлано третье очень маленькое колесо, которое и катилось по второму рельсу.

Это было такъ удобно, что мы сейчасъ же придѣлали къ своимъ машинамъ такія же колеса, отдающіеся тутъ же на прокатъ.

Вотъ гдѣ, подумалъ я, выраженіе „на прокатъ“ вполне подходитъ къ предмету. Рояли слѣдовало бы отдавать не на прокатъ, а на прозвонъ или на прогуль, а самовары на проваръ или на прокингъ.

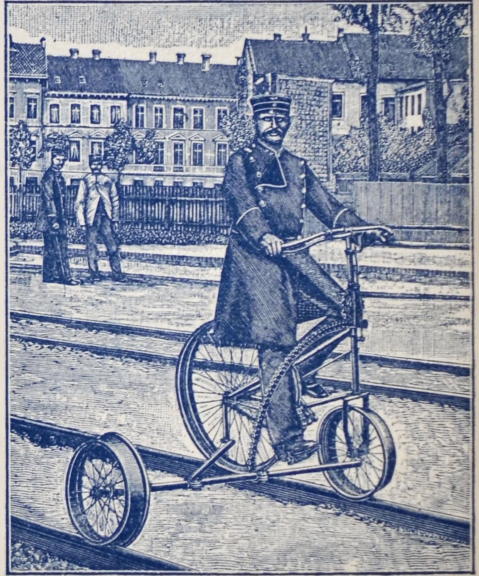
Послѣ нѣсколькихъ хорошихъ бросковъ по гладкому желѣзному пути и, послѣ того какъ мы лихо спустились по длинному уклону, я спросилъ своего пріятеля разсказать мнѣ обшванную исторію о томъ, какъ въ ихъ странѣ появились рельсы.

Но это оказалось не такъ легко разсказать. Мы ѣхали на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, боясь коснуться колесами.

Только и было у насъ слышно: Что? да А?..

Такъ мы и доѣхали до станціи „Стопъ машина“, гдѣ были нѣкій городокъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Мимо главнаго станціоннаго зданія тянулось нѣсколько паръ рельсъ, и по нимъ то и дѣло мчались съ большой скоростью. Нѣкоторые рельсы начиная со станціи отклонялись въ стороны, очевидно направляясь куда нибудь въ другое мѣсто въ сторонѣ отъ главной дороги.

На одной парѣ рельсъ мы замѣтили начальника станціи, очевидно осматривающаго подвѣдомственный ему участокъ.

Мы было остановились около него и мой пріятель по моей просьбѣ хотѣлъ предложить ему нѣсколько вопросовъ, но онъ что то намъ быстро крикнулъ, Иванъ Колесо вскочилъ въ сѣдло и показалъ рукой назадъ.

Я мигомъ сообразилъ, что мы остановились поперекъ дороги.

Оставалось изъ всѣхъ силъ налечь на педали, что мы и сдѣлали, и счастливо улетнули отъ мчащейся по тѣмъ же рельсамъ цѣлой команды самокатчиковъ на самыхъ разнообразныхъ рельсовыхъ самокатахъ.

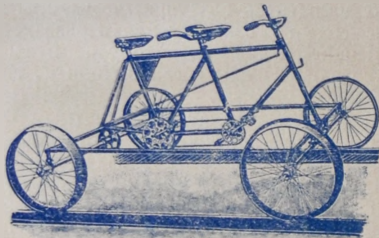
Впрочемъ мы, пожалуй, не успѣли бы укатить отъ нихъ, если бы стрѣлочникъ не догадался перевести стрѣлку на другой путь, а когда мы проѣхали стрѣлку, то снова поставилъ ее въ прежнее положеніе.

Жельзнодорожное крушеніе.

О едва мы почувствовали себя въ безопасности, какъ вдругъ попали изъ огня да въ полямя.

Мы увидѣли, что намъ навстрѣчу несетя бѣшеннымъ ходомъ четырехколеска безъ сѣдоковъ. Мы едва-едва успѣли соскочить съ нашихъ машинъ и стащить ихъ съ рельсъ и въ ту же секунду мимо насъ промчалась съ зловѣщимъ бряцаніемъ цѣля эта четырехколеска, казавшаяся какимъ то одушевленнымъ существомъ.

Но другіе не отдѣлались такъ дешево, какъ мы. Четырехколеска, перейдя на другой путь, куда ее перевелъ стрѣлочникъ, благополучно мновала цѣл-

ый поѣздъ какихъ то стрѣлой мчавшихся рельсовыхъ самокатовъ съ почтовыми посылками, а также и телеграммами, которыя также какъ и подъ Петербургомъ, тамъ перевозятъ по желѣзнымъ дорогамъ, и врѣзалась въ веселую кампанію, отправившуюся по рельсамъ на пикникъ...

Трескъ, крики, колеса, рули, люди и смазочное масло, все смѣшалось въ высоко нагриможденную кучу. Словомъ, катастрофа полная...

Протоколъ.

ПРОЧЕМЪ, для успокоенія слушателей и читателей сообщаю, что катастрофа ограничилась исключительно поврежденіемъ

мягкихъ частей и потому всѣ, подобравъ обломки своихъ машинъ, направились къ главному станціонному зданію для составленія длинѣйшаго протокола въ шесть аршинъ длины и въ полпуда вѣсомъ.

Записываніе протокола велось подъ руководствомъ начальника станціи, который въ этомъ дѣлѣ былъ большой мастеръ, такъ какъ ему приходилось составлять ихъ десятки ежедневно.

Начальникъ станціи подѣхалъ на своей машинѣ къ платформѣ, гдѣ ее принялъ сторожъ. Онъ сложилъ ее вдвое, такъ какъ третье колесо вмѣстѣ съ перекладной приподнималось, особой зубчаткой вверхъ и укрѣплялось у руля. Затѣмъ сторожъ вкатилъ ее по одному специальному рельсу на платформу и поставилъ ее въ почетный уголъ подъ колоколомъ.

Изъ протокола явствовало слѣдующее: причиною происшества оказался четырехколесный самокатъ, оставленный безъ призора въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи. Сѣдоки, мужчина и женщина, удалились, какъ они потомъ говорили—покурить и забыли закрѣпить тормазъ. Тѣмъ временемъ поднявшійся вихрь погналъ машину по рельсамъ съ уклона по направленію къ станціи, что и окончилось катастрофой съ поврежденіемъ мягкихъ частей.

Пріѣздъ инспектора.

ТОЛЬКО что протоколъ былъ благополучно законченъ и вся публика, кое какъ починивъ свои машины, разѣхалась въ разныя стороны, какъ къ станціонной платформѣ подкатила изящная четырехколеска.

Иванъ Колесо объяснилъ, что такъ разѣзжаются инспектора дороги. Двое стрѣлочниковъ въ часы, назначенные для отдыха, должны вращать педали четырехколески, а инспекторъ возсѣдалъ посреди и зорко всматривался вдаль, не покажется ли гдѣ станціоннаго буфета.

Иногда приходилось останавливаться въ пути, но это бывало сравнительно рѣдко, когда никакія понуканія не оказывались дѣйствительны для приведенія въ движеніе окончательно выдохшихся стрѣлочниковъ. Особенно обидно это было тогда, когда станціонный буфетъ былъ виденъ вблизи.

Близокъ локоть, да не укусишь.

Исторія появления желѣзныхъ дорогъ.

АКЪ вотъ послѣ такого неприятнаго случая этотъ инспекторъ злой, презлой, наконецъ подѣхалъ къ станціи. Къ нему подскочилъ начальникъ станціи:

Честь имѣю доложить, что на вѣрренной мнѣ станціи все обстоитъ благополучно! отрапортовалъ онъ.

Бла-го-по-лучно?! А что же это за туча самокатчиковъ, которые какъ крысы только что разѣхались въ разныя стороны?

Ужъ не упомяну, г-нъ инспекторъ, но во всякомъ случаѣ теперь то все обстоитъ благополучно и кстати въ буфетѣ все приготовлено.

Ну теперь то я вижу, что все благополучно на этой станціоннѣйшей изъ станціи, проговорилъ инспекторъ и прослѣдовалъ въ зданіе буфета.

Мы сдѣлали тоже самое и устроили ему въ нѣкоторомъ родѣ конкуренцію, такъ какъ станціонное начальство, узнавъ, кто мы такіе, не знало, кому больше оказывать вниманіе, намъ, какъ иностранцамъ, причемъ я казался имъ чуть не съ другой планеты, или же своему мѣстному инспектору, у котораго око, какъ говорится, видитъ на сяженъ вглубь земли.

Начальство разрывалось на-двое!

Послѣ плотнаго обѣда мы немедленно же пустились въ дальнѣйшій путь. Но только на этотъ разъ мы выбрали себѣ самокатъ двухмѣстный, на которомъ можно было слышать одинъ другаго.

Конечно, мы работали попеременно на нашей рельсовой трехколескѣ. Бѣда на ней производила на насъ чудодѣйственноевліяніе. Напр. сидѣть спереди было настолько восхитительно, что стоило посидѣть съ полчаса, чтобы замѣтно пополнить.

Такъ мы и полѣзли поочередно.

Какъ только мы поѣхали, я съ мѣста же обратился къ Ивану Колесу съ просьбой разсказать таки мнѣ исторію развитія желѣзныхъ дорогъ.

Видите ли, такъ началъ Иванъ Колесо, вотъ какъ было дѣло. Въ этой странѣ издавна существовали большіе заводы для выдѣлки, насколько помнится, гнущей металлической мебели. Это было еще въ тотъ отдаленный періодъ, когда еще не

были изобрѣтены самокаты и когда поэтому жители вели сидячую жизнь...

Какъ и у насъ въ Петербургѣ, подумалъ я.

Само собой, продолжалъ Колесо, имъ только и была интересна мебель, а всякія колеса были не въ модѣ и даже не было кресель на колесахъ.

Колесобоязнь какая то, сказали я.

Такъ какъ мебель очень охотно покупали, то постоянно открывались все новые и новые заводы для выдѣлки мебели и кончилось дѣло тѣмъ, что мебели у всѣхъ было болѣе чѣмъ достаточно и ее перестали покупать. Тогда фабриканты выдумали самокаты, взявъ образцы ихъ изъ природы, чѣмъ и положили прочное начало развитію въ нашей странѣ передвиженію на самокатахъ.

Но случилось какъ то такъ, что качество самокатовъ оказалось лучше, чѣмъ предполагали и потому они совершенно не ломались. Ихъ можно было даже сбрасывать съ воздушныхъ шаровъ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что у всѣхъ оказалось по кручкѣ машинѣ, а новыхъ никому не нужно.

И разорились бы заводы, если бы они не выдумали грандіознаго проекта.

Геніальные люди! Они выдумали рельсы!

По дорогамъ они стали прокладывать рельсы, конечно сдѣланные на своихъ фабрикахъ. Затѣмъ они построили спеціальные рельсовые самокаты и доказали почтеннѣйшей публикѣ, что по ихъ желѣзной дорогѣ можно ѣхать быстрѣе, чѣмъ по обыкновенной, тѣмъ болѣе что тогда обыкновенныя дороги были очень скверныя.

Такъ отчего же, спросилъ я, они не сдѣлали сплошной желѣзнаго пути, по которому каждый могъ бы ѣхать на какой угодно машинѣ?

Вотъ именно этого они и не хотѣли, такъ какъ ихъ выгода была въ томъ, чтобы возить публику на своихъ машинахъ и брать за проѣздъ.

И потомъ, добавилъ я, чтобы завести станціи, контроль, инспекцію, тарифный отѣлъ и пр. и пр.

Да, да, все это вѣрно, подтвердилъ Иванъ Колесо, но откуда вы все это знаете?

Да вѣдь и у насъ все точъ въ точъ то же самое, удивилъ я Ивана Колесо.

Значитъ, продолжалъ онъ, и у васъ также нужно ѣхать до вокзала на наемномъ самокатѣ съ тѣмъ, чтобы на вокзалѣ пересѣсть на рельсовый?

Да, отвѣтилъ я, но только эти самокаты у насъ зовутся „Ваньками“.

И, значитъ, постоянно приходится, не доѣзжая до того мѣста, куда ѣдешь, пересаживаться съ рельсового пути на шосейный?

Да, отвѣтилъ я, но только эти шосейные пути у насъ называются „выбоинами и колдобинами“.

И, значитъ, продолжалъ Иванъ Колесо, перейдя съ рельсового пути на шосейный, приходится примириться съ первобытнымъ состояніемъ дороги и съ первобытною медленностью инструмента, приспособленнаго для скверныхъ дорогъ.

Да, сказали я, и эти инструменты у насъ называются „бричка“ и „ямшикъ“.

И, значитъ, продолжалъ Иванъ Колесо, бывають часы, когда вокзалы закрыты и потому нельзя поѣхать, и приходится долгіе томительные часы проводить на вокзалѣ въ ожиданіи, когда подадутъ рельсовые самокаты?

Да, сказалъ я, но только рельсовые самокаты у насъ называются „поѣздами“.

Выдумка железнодорожников.

МОЖНО было бы еще много найти „и значить“ если бы хотѣли продолжать этотъ разговоръ, но это было лишнее, такъ какъ одного взгляда на окрестности было достаточно, чтобы выяснитъ себѣ влияние рельсъ. Мѣстности вблизи станцій были благоустроены, горизонтъ же былъ дикъ, такъ какъ оставался безъ хорошихъ дорогъ, ввиду того, что всѣ средства ушли на постройку рельсовыхъ путей.

Въ это время мы подѣхали къ станціи „Выльзайка“.

Мое вниманіе привлекла какая то странная машина, имѣющая какое то отдаленное сходство съ паровозомъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи она оказалась обыкновеннымъ двухколеснымъ самокатомъ, но съ возможными и невозможными принадлежностями.

Это что за машина, спрашиваю я у Ивана Колесо.

Это, отвѣтилъ тотъ, послѣдняя выдумка господъ железнодорожниковъ. Они предлагаютъ обязать всѣхъ снабдить свои двухколески этими приспособленіями. Вы видите здѣсь рессоры, буфера, отталкиватель препятствій, необычайный тормазъ, фонари, звонки, словомъ все, что есть на желѣзныхъ дорогахъ.

Такъ зачѣмъ же это все на дорожной машинѣ, изумляюсь я; что то больно много желѣза, словно въ паровозѣ.

О, это все для поддержки желѣзной промышленности, да кому же есть надежда, что, покатавшись на такой „безопасной“ машинѣ, жители и впрямъ заголосятъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ туда, куда ихъ еще не надумали проводить.

Въ железнодорожномъ уѣздѣ.

ДАЛЕКО ЛИ отсюда до имѣнія вашего пріятеля, хозяйство котораго вы мнѣ хотѣли показать, обратился я къ Ивану Колесо.

Не такъ далеко для такихъ ѣздоковъ, какъ мы, отвѣтилъ тотъ, но все же придется порядкомъ поработать.

Почему же, спрашиваю я, развѣ къ нему идутъ какіе нибудь корявые рельсы?

Въ томъ то и дѣло, сказалъ Иванъ Колесо, что

къ нему никакихъ рельсъ нѣтъ, ни корявыхъ, ни дурныхъ.

Но зато, говорю я, вѣроятно есть какія нибудь хорошія дороги шоссеиыя или грунтовыя?

А вотъ вы увидите, каконы тамъ дороги! какъ говорится на нашемъ колесарскомъ языкѣ „чертъ ногу сломить“.

Затѣмъ Иванъ Колесо пояснилъ мнѣ, что въ этой мѣстности уже давно денегъ нѣтъ на шоссеиыя дороги, такъ какъ всѣ деньги извели на желѣзныя; поэтому стало невыгодно жить вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, и всѣ стали селиться вдоль рельсъ по линіи, какъ ласточки садятся на телеграфную проволоку. Въ результатѣ, мѣстности подальше отъ рельсъ были заброшены и перестали давать тотъ доходъ, который онѣ давали раньше.

На станціи „Выльзайка“ мы слѣзли съ нашей машины и, подкрѣпившись въ буфетѣ, стали обсуждать, куда ѣхать.

Для этого мы достали карту этой мѣстности; эта карта имѣла масштабъ 5 колесанскихъ верстъ въ гайкѣ (верста=500 оборотамъ обыкновеннаго казеннаго колеса; казенная гайка равна полудюйму).

Изученіемъ карты мы занялись въ ближайшей чайной мѣстнаго общества трезвости. Я очень изумился, когда увидѣлъ тутъ же нѣсколько поѣстителей въ достаточной степени пьяныхъ, которые, напившись въ сосѣдней лавочкѣ, шли отрезвляться въ эту „трезвую“ чайную.

Такъ какъ на моемъ лицѣ было ясное выраженіе крайняго изумленія, то Иванъ Колесо пояснилъ мнѣ, что въ этой железнодорожной мѣстности совсѣмъ нѣтъ спортсменовъ и потому имъ отъ нечего дѣлать приходится пользоваться сначала услугами пьяной лавочки, а затѣмъ и трезвой лавочки.

Точь въ точь какъ въ нашихъ сказкахъ, добавилъ я, говорится о водѣ мертвой и водѣ живой.

Изучивъ карту, мы увидѣли, что намъ слѣдовало направить свои стопы или вѣрше свои колеса по слѣдующему маршруту: проплестись по ужасной дорогѣ очень немногю до границы другаго уѣзда, въ которомъ вовсе не было желѣзныхъ дорогъ, а были проведены во всѣ даже маленькія деревушки прекрасныя шоссеиыя дороги. Этотъ уѣздъ вѣзвался клиномъ въ железнодорожный уѣздъ, его слѣдовало пересѣчь, а затѣмъ снова попасть на ужасныя проселочныя дороги железнодорожнаго уѣзда.

Такъ мы и слѣдали. Усталые добрались мы до „шоссеинаго“ уѣзда и тутъ только мы снова съ каждымъ оборотомъ колеса убѣждались, что для самоката нужны шоссе.

IX ВЪ СТРАНЬ СКАЛЬ И ПРОПАСТЕЙ.

ХО такъ какъ все на свѣтѣ кончается, то кончили и хорошия дороги и мы снова вѣхали въ желѣзнодорожный уѣздъ въ 5 верстахъ отъ одной линіи и въ 5 верстахъ отъ другой.

Однимъ словомъ, мы какъ будто сѣли между двухъ стульевъ!

Хорошо, что при концѣ хорошей дороги мы нашли „спасительную станцію“, какъ они здѣсь называются; въ нихъ можно найти все, что можетъ понадобиться человѣку со сѣжими силами, отправляющемуся въ эту дикую страну и человѣку со истощенными силами, возвращающемуся изъ нея.

Здѣсь закусывали, обогрѣвались, чинили машины,

изучали карты и, кому было угодно, писали завѣщаніе на случай неблагополучнаго сальтоморгале при перескакиваніи по скаламъ.

Писать завѣщаніе было далеко не лишнее, такъ какъ очень и очень часто путешественники, углублявшіеся въ эту дикую страну, не возвращались обратно и должно быть гибли.

Но интересно, что сами дикари, жители этой дикой страны, чувствовали себя въ ней, какъ рыба въ водѣ.

Намъ пришлось въ этомъ очень скоро убѣдиться, встрѣтивъ веселый пикникъ мѣстныхъ жителей тамъ, гдѣ мы менѣе всего ожидали встрѣтить. Они пиrowали на недоступныхъ, казалось намъ, скалахъ, да еще вдобавокъ звали насъ къ себѣ. Когда мы объяснили имъ, что не понимаемъ какъ можно взобраться на такія неприступныя высоты, они всей толпой спустились къ намъ, какъ будто они спускались по лѣстницѣ и помогли намъ подняться по скаламъ, все время смѣясь надъ нашей неловкостью. Мнѣ пришлось объяснить имъ, что наша страна ровная, скалъ мало, а въ Петербургѣ такъ одно только болото и потому петербуржцы умѣютъ ходить и ѣздить по ямамъ, косяемъ и болоту, а никакъ не по скаламъ. Тогда они, видя мое изумленіе ихъ ловкости, расположились живописной группой по отвѣснымъ скаламъ и я снялъ съ нихъ фотографію на память.

Пришлите намъ, просили они, фотографію, какъ это вы рис-

каете по грязнымъ изрытымъ улицамъ! Обѣщали прислать.

Чудовище.

В ДРУГЪ. намъ послышался какой то необычайный шумъ.

Не могу сказать, что мы оглянулись исключительно изъ чувства любопытства. Но обернувшись, мы ничего не увидѣли, а необычайный шумъ слышался уже опять за спиной.

Чтобы рассмотреть таинственное летающее чудовище, мы догадались лечь на землю лицомъ вверхъ.

Очевидно, что чудовищу только этого и было нужно, такъ какъ оно моментально ринулось на насъ и схватило насъ своими лапами, какъ коршунъ схватываетъ цыпленка.

Несмотря на ошеломляющую быстроту всего происшедшаго, я все-таки успѣлъ удивиться, зачѣмъ это чудовище захватило съ собой наши машины знаменитой фабрики „Кремень“. Ужъ не съѣстъ ли оно насъ цѣликомъ съ нашими стальными машинами, какъ киты и акулы проглатываютъ съ потрохами и сапогами.

Конечно, эта мысль промелькнула быстрѣе, чѣмъ читателю нужно на ея прочтеніе и я услышалъ въ тотъ же моментъ знакомую мнѣ на языкѣ колесянцевъ команду:

Лѣво на бортъ! Сѣверо-сѣверо-востокъ! Полный ходъ!

И затѣмъ:

Пожалуйте, господа! Освобождайтесь изъ вашихъ путь и взбирайтесь въ каютъ-компанію воздушнаго летуна № 1001.

И мы дѣйствительно поднялись въ каютъ-компанію, гдѣ передъ нами извинились за нѣсколько крутой образъ дѣйствій и объяснили, что за нами послалъ капитанъ парохода и грозитъ уѣхать безъ меня въ Индію и затѣмъ въ Европу, если я не прибуду черезъ 3 часа.

Могъ бы кажется и подождать. пробурчалъ я.

Возвращеніе черезъ Колесоградъ.

Мы неслись бѣшеннымъ ходомъ надъ полями, лѣсами, деревнями и дорогами и, казалось, наша машина все ускоряла свой полетъ.

Черезъ какой-нибудь часъ показалась вдали столица колесянцевъ Колесоградъ. Прилетѣвъ на главную площадь, остановились въ воздухѣ и я вышелъ на нижнюю площадку нашей воздушной машины.

Толпа уже давно ожидала меня, намѣреваясь пожелать мнѣ счастливаго пути и скорого возвращенія.

Въ отвѣтъ на сочувственный гулъ толпы я вѣжливо раскланялся.

Немедленно же 30,000 курьеровъ на самокатахъ бросились въ разныя стороны оповѣстить объ этомъ обмѣнѣ любезностей.

Послѣ этого мы снова полетѣли, на этотъ разъ къ берегу океана.

Очень обрадовали меня Иванъ Колесо, онъ рѣшилъ посѣтить со мной Европу, для чего отправится со мной на пароходѣ.

Долго ли, коротко ли. съ высоты нашего полета мы наконецъ увидѣли ширь океана и на немъ... удаляющийся дымокъ нашего парохода!

Не дождался-таки капитанъ!

Къ довершенію несчастья въ нашемъ аэроциклѣ соскочила какая-то гайка и онъ завертѣлся на мѣстѣ. А пароходъ все удалялся!

Въ догонку за пароходомъ.

Х ОРОШО, что нашелся какой-то добрякъ, предложившій мнѣ одномѣстный летающій самокатъ, на которомъ я мигомъ уцѣлся и едва успѣвъ пожать руку своему другу Ивану Колесу, полетѣлъ за пароходомъ.

Задержите пароходъ, кричалъ мнѣ вдогонку Иванъ Колесо, я сейчасъ подъѣду на водяномъ самокатѣ.

Дѣйствительно, онъ пустился догонять меня на трехколескѣ съ лопастями, какъ у колесныхъ пароходовъ и съ тараномъ для разрѣзыванія волнъ.

Я на своемъ воздушномъ самокатѣ едва успѣвалъ справляться съ массой винтовъ, крыльевъ и парусовъ.

Къ моему удивленію пароходъ не останавливался подождать меня, хотя капитанъ и всѣ пассажиры видѣли меня и подбодряли крича:

Ходу! ходу!

Наконецъ, я на капитанскомъ мостикѣ!

Стопъ машина! говорю я, подождите моего друга.

Но мнѣ такъ и не удалось захватить съ собой Ивана Колесо.

Оказалось, что обломался рычагъ для поворота машины на задній ходъ и мы продолжали плыть впередъ.

Нечего дѣлать, пришлось ѣхать безъ друга, а для того, чтобы не оставить его въ недоумѣніи, живо сфабриковалъ записку, вложилъ въ бутылку, закупорилъ пробкой и наконецъ воткнулъ въ пробку флачекъ.

Нашъ сигналъ былъ, къ счастью, замѣченъ Ивановъ Колесо и онъ, прочтя записку, повернулъ обратно.

Но онъ положительно не имѣлъ основанія обижаться, что вернулся не солоно хлебавши, потому что въ его распоряженіи былъ цѣлый соленый океанъ и онъ могъ хлебать сколько угодно.

Итакъ, пріятели мои, закончилъ Быстроѣзовъ*), я благополучно вернулся въ Петербургъ.

*) Быть можетъ читатель забылъ, что фамилія героя похождения Быстроѣзова, а его пріятели, слушатели этого невѣроятнаго разсказа, именовались Втулкинымъ и Перекувыркинымъ; въ такомъ случаѣ предлагаемъ прочесть первую страницу, а заодно и перечесть и весь разсказъ.

Покажи, по крайней мѣрѣ, воздушный самокатъ, на которомъ ты догналъ пароходъ, сказалъ Перекувыркинъ.

Къ сожалѣнію, не могу, сказалъ Быстроѣзовъ. Почему, спросилъ Втулкинъ.

Очень просто, онъ соскользнулъ съ палубы въ воду!

А не выдумываешь ли ты все это, не вѣрили Перекувыркинъ и Втулкинъ.

Нисколько, и нѣтъ ничего легче проверить это, сказалъ Быстроѣзовъ.

Какъ же это?

Поѣзжайте и посмотрите сами, невозмутимо закончилъ онъ.

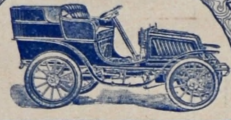

Содержание
Журнала
включает в себя
конторской "Самоката"
и иллюстрирует
возможности
розничной продажи по 10 К.

ЖУРНАЛЪ
ИЗДАЕТСЯ
СЪ 1894 Г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
всѣхъ спортивных
и усовершенствованныхъ
способовъ передвиженія

Самокатъ

Ѣзда на АВТОМОБИЛЯХЪ
Ѣзда на САМОКАТАХЪ
ТУРИЗМЪ и ФОТОГРАФІЯ
ВОДНЫЕ СПОРТЫ
ИГРЫ на ОТКРЫТОМЪ ВОЗДУХѢ
СИМІОНІЕ СПОРТЫ
ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ
АТЛЕТИКА
ПРОЧИЕ СПОРТЫ
ТЕХНИЧЕСКІЯ НОВОСТІ

"СЪ САМОКАТЪ"
de Petersbourg
Prospect Kronwerksky, 75.

Journal Automobile et Cycliste
HEBDOMADAIRE ILLUSTRÉ
LE PLUS GERANI EN RUSSIE

били, самокаты и предметы для различныхъ спортивныхъ,

ВОПРОСЫ

ПЕРЕДВИЖЕНІЯ

И

СПОРТОВЪ

Всевозможныя полезныя свѣдѣнія о новинкахъ. Практическіе совѣты.

Годовые подписчики (подписываться можно безразлично съ какого мѣсяца на годовой срокъ) получаютъ слѣдующія

4 въ годъ
руб. съ доставкой и пересылкой.

Безплатныя преміи

№№ и БИЛЕТЪ

или:

на 1 р. 50 к. книгъ

для ѣзды по С.-Петербургу на самокатахъ или автомобиляхъ. Вслучай доставки билета на домъ 30 к. доплаты.

по вопросамъ нашего журнала по выбору самихъ подписчиковъ.

Адресъ Редакціи:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Кронверснй
проспектъ, 75.
(почти противъ Зоологическаго сада).
Адресъ типографіи:
СПБ. Офицерская 6.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПЕЧАТАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ ТЕХНИЧЕСКІЯ И СОЧИНЕНІЯ ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ.

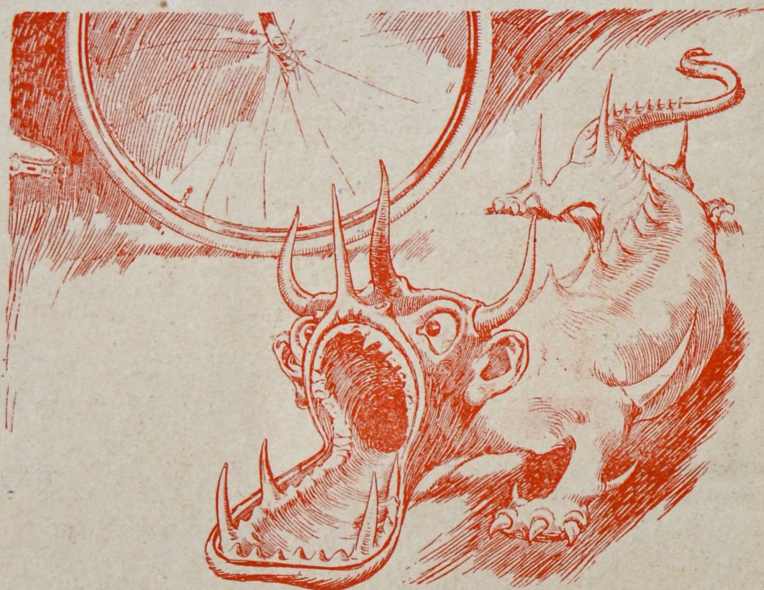
ТАКЪ МОЖНО ВЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮЩИХЪ АВТОМО

БО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ, ВЪ РЕДАКЦІИ И ВЪ

ПОДПИСКА

ТИПОГРАФІИ

ИЗДАНИЕ ***
** ЖУРНАЛА
„САМОКАТЬ“ *

ЦѢНА **
1 Р. 50 К.

СКЛАДь ***
** ** ИЗДАНИЯ
ВЪ ТИПОГРАФИИ **
** ** ЖУРНАЛА:
СПБ. **** *
** Ж ОФИЦЕРСКАЯ 6.

О

Ж

Е

Л

Ю

ДНИ ДЖЕЛЮ

АЛЕКСАНДР ОРЛОВСКИЙ

ИЗДАНИЕ * * *

* * * ЖУРНАЛА

„САМОКАТЬ“ * *

ЦѢНА * *

1 Р. 50 К.

НА ВЕЛЕНІЕВОЙ
* * * БУМАГѢ * *

2 Р. 00 К.

СКЛАДЪ * * * *

* * * ИЗДАНИЯ

ВЪ ТИПОГРАФИИ * * *

* * * * * ЖУРНАЛА:

СПБ. * * * * *

* * * * * ОФИЦЕРСКАЯ 6.

Похожденіе
цена